

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Мармазова Татьяна Руслановна

**СЛОВАКИЯ В УСЛОВИЯХ СУВЕРЕННОГО РАЗВИТИЯ И
ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (1993-2004 ГГ.)**

07.00.03

Всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
д.и.н., проф.
Ерхов Г.П.

Донецк - 2017

Введение.....	3-12
ГлаваI Общественно-политическое развитие стран Восточной Европы в 90-е годы XX ст.....	13-65
1.1 Модернизация политической системы стран Восточной Европы в 90-е годы XX в.....	13-32
1.2 «Словацкий вопрос» и его роль в распаде Чехословакии.....	33-65
ГлаваII Институциональные процессы в посткоммунистической Словакии: 1993-1998 гг.....	66-108
2.1 «Мечьяризм» - как феномен словацкой посткоммунистической трансформации.....	66-82
2.2 Построение партийной системы и посткоммунистический парламентаризм.....	83-108
ГлаваIII Становление новой политической модели в Словакии после 1997 года.....	109-149
3.1 Трансформация общественно-политического строя Словакии под влиянием «третьего сектора».....	109-130
3.2 Начало интеграционных процессов в Словакии в период первого кабинета М. Дзуринды.....	131-149
Заключение.....	150-161
Список сокращений и условных обозначений.....	162-164
Список использованной литературы.....	165-189

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Рассматривая ситуацию в Восточной Европе на протяжении последних ста лет, можно сказать, что этот регион был и остается сферой интересов могущественных государств. Среди стран региона, Словакия долгие годы оставалась незаслуженно незамеченной. Небольшое государство, не обладающее выдающимся экономическим и политическим потенциалом, долгое время было в тени своих более успешных соседей.

Исторически сложилось так, что «Словацкий вопрос» стал одним из острых и болезненных национальных вопросов в регионе. Малая изученность вопроса самоопределения словацкой нации нередко делает понимание ситуации в Словакии однобоким, что мешает объективно проанализировать предпосылки той модели внешнеполитического развития, которую Словацкая Республика избрала в последние десятилетия. Решение национального вопроса стало тем козырем, который успешно разыгрывался разными словацкими и иными политиками, в процессе вовлечения государства в те или иные политические и экономические союзы.

История Словакии в составе Чехословакии интересна с точки зрения влияния национального вопроса на распад Чехословацкого государства. Идеи «чехословакизма» и попытки навязывания словакам идей о том, что не существует словацкой нации, привели к обострению межнациональной ситуации, и заложили бомбу замедленного действия, которая и привела к краху Чехословакии. Все этапы разрешения «словацкого вопроса», так или иначе, сводились к ассимиляции словаков: сначала венграми, затем чехами, немцами, потом была идея чехословацкого советского человека. Обретя независимость, словаки не получили желаемого ответа на свой национальный вопрос, что

привело к новым поискам, закончившимся присоединением Словакии к европейскому сообществу.

Анализируя ситуацию с интеграцией Словацкой Республики в ЕС, неизученным был факт влияния и вовлечения негосударственного сектора в процесс агитации граждан и манипуляции с массовым сознанием. Потому актуальным является изучение третьего сектора Словакии как яркого представителя рычага контроля правительства и его участие в делах других государств. В настоящее время технологии цветных революций достигли небывалого размаха, что делает чрезвычайно актуальным анализ первых случаев применения данной технологии, с целью дальнейшего недопущения их использования для свержения легитимной власти и вовлечения государств в хаос гражданской войны.

Распад Чехословакии был первой цветной революцией в Восточной Европе. С того момента времени количество аналогичных революций по всему миру выросло в десятки раз. Сегодня по аналогичному сценарию состоялись революции в десятках стран, однако они уже не были «бархатными». Цветные революции стали кровопролитными и очень изнуряющими как власти, так и народ. Незаметная Словакия стала плацдармом для отработки различных методов свержения и установления власти, применения различных технологий контроля и манипуляции массового сознания. Результатом стало вступление государства в ЕС и НАТО, что коренным образом повлияло на дальнейшую судьбу страны, а народ Словакии фактически стал заложником в данной ситуации. Изучение данного опыта чрезвычайно важно, учитывая ситуацию, в которой сейчас находится как весь мир, так и Восточная Европа в частности. Появилась возможность не только проследить основные технологии, применяемые американскими организациями «продвижения демократии», но и понять, как именно им противостоять.

Степень разработанности темы исследования

Научная новизна темы исследования predetermined использованием большого количества источников по отдельным аспектам исследуемой

проблематики. Источники можно разделить на три группы. В первую группу входят социологические опросы: по основным сферам жизни словацкого общества [274; 277; 238; 227; 294]; по вопросам интеграции страны в евроатлантические структуры [257; 258; 254; 279]; о действиях тех или иных политических деятелей [281; 256; 264; 283]; по вопросам доверия к правящим и оппозиционным партиям [229; 259; 209]; об отношении к иностранным акторам и негосударственному сектору [248; 246]; по подготовке выборов [255; 233; 231; 253]. В форме опросов также подводились итоги по уже принятым решениям, повлиявшим на жизнь государства [239].

Во вторую группу источников входят тексты поправок к Конституции Словакии [292], материалы, касающиеся различных реформ [269; 270], статистические данные об участии национальных меньшинств в управлении государством [271; 272].

К третьей группе относятся программы различных партий и движений, в том числе и не правительственных [31; 230; 263], данные об итогах референдумов [9; 267], тексты указов [63] и различных межправительственных деклараций [48; 93]. Рассмотрение истории Словакии невозможно без комплексного анализа специальной литературы. В российской историографии наилучшим образом освещена внутривосточная ситуация в странах Центральной и Восточной Европы в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в. В работах ученых Института славяноведения и балканистики (РАН РФ) Т.Е. Волоктиной [7], А.Б. Едемского [19], Б.И. Желицкого [21], Э.Г. Задорожнюк [24], Ю.Ф. Зудинова [29], Н.Ю. Калашникова [33], Н.В. Коровицыной [37], Л.С. Лыкошина [43], О.Н. Майоровой [46] и Ю.С. Новопашина [53] всесторонне раскрывается ситуация в Восточной Европе накануне волны «бархатных» революций. В указанных работах исследуются предпосылки революционных событий, настроения среди населения и властей, раскрываются существовавшие проблемы и возможные варианты выхода из кризиса. Кроме того, авторы фактически являются современниками данных событий, что помогает им широко освещать ситуацию с учетом существующих тонкостей и угроз.

Особенности национального самосознания народов региона раскрываются в статьях И.В. Павловского [58], Р.Г. Пихой [59], С.А. Романенко [60] и Г.Ю. Харциевой [67]. Авторы объясняют существующие проблемы с точки зрения национального вопроса, так или иначе будоражившего всю Восточную Европу. История Словацкого государства также нашла свое отображение в ряде работ таких авторов, как Э.Г. Задорожнюк [24] и Н.В. Коровицына [36], А.В. Крапивин [38], которые рассматривали «словацкий вопрос» в целом и его влияние на развитие ситуации в Чехословакии в частности.

В XXI ст. в российской научной литературе первоочередное внимание уделялось интеграционным процессам, охватившим Восточную Европу, а также становлению политических партий нового типа. Данной тематике посвящены работы таких авторов, как Т.Н. Мационашвили [1], Л.С. Васильев [6], М.Г. Делягин [16], М.О. Копытина [35], Т.П. Лебедева [41]. История Словакии после обретения независимости, включая все сложности переходного периода и начало интеграционных процессов, практически не освещена.

Первым переходным периодом в истории независимой Словакии принято считать 1995-1996 гг., которые стали отправной точкой для формирования практически всех сфер жизни молодого общества. Данный этап охарактеризован в трудах словацких и зарубежных авторов, вышедших в 1997 г. Среди них следует выделить работы М.Бутору [84], О.Достал [101], Е.Гиндл [116], С.Ногайо [160] и Х.Волекову [187].

Период 1995-1996 гг. лучше всего был освещен Григорием Месежниковым, который рассматривает изменения, происходившие в структуре парламента, политической системе, и роль президента в построении внутренней политике. Всеобъемлющая характеристика словацкого общества за 1996-1997 гг. содержится в сборнике статей, вышедшем под редакцией М. Бутора и В.Т.Складоны [88]. Его материалы представляют глубокий анализ социальных аспектов в жизни Словакии, общественного мнения, экономики, обороны, религии, правительства и государственного управления, а также проблем национальных меньшинств.

Начиная с 1998 г. и вплоть до 2000 г., тематика публикаций заметно меняется. Появляется больше аналитических материалов, посвященных подготовке к переломным выборам 1998 г. и переходу Словакии на новый этап государственного развития. Эти проблемы раскрываются в работах таких авторов, как Б.Бондарова и К.Симункова [80], М.Бутора, З.Буторова, Ш.Фишер, О.Джиафарова [81], П.Демеш [97]. Кроме того, в этот период выходит значительное количество публикаций по вопросам национальных меньшинств в Словацкой Республике. Это работы О.Достала, Т.Николсона, М.Коллара, П.Ханчика и В.Томаса [100; 101; 102; 103; 104]. С 2002 г. в исследованиях большое внимание начинает уделяться вопросам европейской интеграции и возможном участии Словакии в очередном этапе расширения Европейского Союза. Данное направление освещается в работах В.Бильчика [79], А.Каратнычи [139], Дж.Придхама [164], Е.Фигеля [219].

«Словацкий вопрос» – одна из самых малоизученных тем в российской историографии по истории стран Восточной Европы. Она широко освещается зарубежными, в частности словацкими авторами. Наиболее эта тема раскрыта в статьях Рудольфа Хмела [69], словацкого политолога. Он исследует проблему национального самосознания словаков с точки зрения ее влияния на историю государства. Другой исследователь, Любомир Липтак [42], рассматривает данный вопрос с точки зрения влияния национального самосознания словаков на формирование политической системы в государстве с момента выхода Словакии из состава Австро-Венгрии.

Ученые Института общественных проблем Словакии в значительной мере способствовали распространению информации о настоящем положении Словацкой Республики в разные периоды развития государства. В работах М.Земко [28], В. Кривый [39], Г. Месежникова [49] и С. Смолани [62] раскрывается история Словакии как государства, в чьи внутренние дела регулярно вмешивались другие, более могущественные державы.

Личность Владимира Мечьяра является одной из самых спорных в словацкой политике. Период его государственного правления освещается в работах таких

словацких авторов как В. Бильчик [3], М. Бутора [5], Ш. Фишер [112]. Противоречивый политик стал во главе режима, названного «мечьяризмом». Наиболее широко данная тема освещается в работе «Конец «мечиаризма» М.С. Фиша [65].

Таким образом, вопросы, касающиеся периода суверенного развития Словакии, ее европейской интеграции, являются актуальными. Однако не было комплексного исследования данной проблематики, которое бы содержало аналитический и обобщающий материал, опирающийся на анализ социологических и статистических данных о вступлении Словакии в ЕС. Этому посвящена данная работа. Кроме того, в ней впервые используются словацкие источники, осуществляется их широкий анализ.

Целью настоящей работы является анализ периода суверенного развития Словакии; исследование вопросов ее европейской интеграции, факторов, повлиявших на выбор внешнеполитической стратегии государства; изучение роли и места Словакии в системе международных отношений в конце XX - начале XXI вв.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в соответствии с тематикой научно-исследовательских работ Донецкого национального университета в рамках темы «Эволюция международных отношений и мировая политика».

Задачи исследования:

- проанализировать источниковую базу исследования и степень ее научной разработки;
- рассмотреть модернизацию политических систем стран Восточной Европы в начале 90-х гг. XX столетия;
- проанализировать «словацкий вопрос» как основную категорию в изучении социально-политических предпосылок формирования государства;
- раскрыть явление «мечиаризма» как феномена словацкой политики;
- рассмотреть формирование партийной системы и посткоммунистического парламентаризма Словакии в первые годы независимости;

- проанализировать влияние третьего сектора на формирование внутренней и внешней политики Словакии в период борьбы с «мечиаризмом»;
- проследить влияние негосударственного сектора на трансформацию общественно-политического строя государства;
- исследовать пути выхода из внутригосударственного кризиса в период первого правительства М.Дзуринды;
- проанализировать интеграционные процессы в Словакии и факторы, повлиявшие на выбор европейского направления внешнеполитического развития государства в XXI в.

Объектом исследования являются институциональные процессы в условиях формирования суверенной Словакии, пути и этапы формирования внешнеполитического европейского вектора развития государства.

Предмет исследования – новая политическая модель Словацкой Республики и её европейская интеграция.

Хронологические рамки работы обусловлены формированием Словацкого государства и завершением процесса европейской интеграции (1993-2004 гг.).

Научная новизна результатов проведенного исследования обусловлена тем, что впервые в отечественной науке в ходе комплексного исторического и политологического анализа был рассмотрен путь Словакии к независимости, а также особенности формирования словацкой государственности. Кроме того, были проанализированы отличия, существовавшие в национальном самосознании чехов и словаков, что повлияло на то, как власти чехословацкого государства видели разрешение «национального вопроса», ставшего одним из ключевых факторов распада страны.

Автором проанализированы источники, которые впервые вводятся в широкий научный оборот. На основании данного анализа сделаны выводы о влиянии цивилизационного фактора на становление словацкого государства. Также изучены статистические материалы, касающиеся периода подготовки к вступлению в ЕС, на основе которых впервые делаются выводы о политических мотивах успешной ассоциации Словакии.

В работе впервые на примере Словакии прослежены закономерности в развитии стран Восточной Европы, заключающиеся в вовлечении негосударственного сектора и зарубежных игроков в управление государством и формирование его внешнеполитической стратегии.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при формировании практических рекомендаций для разработки внешнеполитического курса государств и стратегии их развития. Собранный и проанализированный материал будет использован при подготовке новых работ по истории Восточной Европы, при разработке спецкурсов для высших учебных заведений, написании различных справочных изданий. Кроме того, результаты, полученные автором, могут быть использованы при анализе применения методов цветных революций и прогнозировании их результатов.

Методологической основой является совокупность общенаучных и специальных методов исторической науки. Методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы историзма и системности. Для выполнения поставленных задач использовался комплексный подход к историческому, социологическому и политологическому материалу, который, по мнению автора, позволяет активно использовать общенаучные (индуктивный, дедуктивный, метод аналогий, моделирования) и исторические методы исследования (хронологический, сравнительно-исторический, структурно-систематический, аналитический, статистический).

На защиту выносятся следующие положения и результаты:

- Восточная Европа один из самых значимых геополитических регионов европейского континента. Ситуация в регионе всегда оставалась напряженной, попадая под влияние тех или иных великих держав. Целью организации «бархатных революций» являлось приведение к власти лояльных правительств и установления полного контроля Запада над регионом.

- «Словацкий вопрос» - комплексная проблема, долгие годы тревожившая словацкую нацию. Не имея возможности самостоятельно и эффективно

разрешить свой национальный вопрос, словаки попали в ситуацию, когда, так или иначе, зависели от других стран, или блоков. Слабая национальная идентичность, несформировавшийся политический класс и отсутствие элит сделало Словакию идеальной мишенью для отработки механизмов цветных революций и установления внешнего управления над государством.

- «Мечьяризм» поставил Словакию особняком от других государств Восточной Европы. Пришедший на волне провозглашения демократических ценностей, Владимир Мечьяр фактически вверг государство в ситуацию, которая была даже хуже, чем «коммунистическое прошлое» страны. Особенность данного периода словацкой истории обусловлена тем, что именно благодаря политике Мечьяра, направленной на установление фактической диктатуры и полном безразличии к экономическим и политическим проблемам страны, сделала возможным приход к власти «демократического» крыла и европейской интеграции Словакии.

- Первые годы независимости в Словакии характеризовались сворачиванием всех демократических процессов. Правительство Мечьяра, вопреки всему, удерживало власть, что позволяло премьеру создавать супер-премьерскую республику. Население стало аполитичным, а государство потеряло весь тот азарт, который появился на волне «бархатной революции». Все это создало предпосылки для развития и вовлечения третьего сектора во все государственные дела и предопределило дальнейшее развитие событий.

- Третий сектор в Словакии один из самых влиятельных во всей Восточной Европе. Появившийся еще в период подготовки «бархатной революции», третий сектор прочно занял свое место в системе государственного управления. При поддержке Агентства США по международному развитию (далее – USAID), словацкие негосударственные организации (далее – НГО) не только смогли «свергнуть тирана» Мечьяра и ввести в парламент лояльные к себе силы, но и развернуть деятельность по «поддержке демократии» в соседних странах, например в Украине.

- В 1997 г. Словакия выбыла из списка кандидатов на вступление в ЕС, что сильно влияло на планы по вступлению Республики в НАТО и дальнейшем

продвижении Альянса на восток. Потому, при содействии НГО, в Словакии проводятся массовые акции с целью повышения имиджа Альянса среди населения, не поддерживающего атлантический вектор. Однако манипуляции с общественным мнением сделали свое дело и словаки если и не одобрили вступление в НАТО, то и резко «против» уже не выступали. Европейский Союз под влиянием США, вернул Словакию в список претендентов.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и теоретические результаты исследования опубликованы в шести научных статьях. Результаты диссертационного исследования получили апробацию на международных и межвузовских конференциях: «III Всеукраинская научно-практическая конференция. «Историко-философские исследования молодых ученых» (Сумы, 2014 г.); «Международная научно-практическая конференция, посвященная 70-тилетию образования Организации Объединенных Наций» (Донецк, 2015); «Международная научно-практическая конференция «Формы и механизмы социально-исторической преемственности» (Донецк, 2016); «I Международная научная конференция «Донецкие чтения 2016». Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 2016). Результаты диссертационного исследования получили апробацию также в рамках курса «Словакия в системе международных отношений в конце XX в. - начале XXI в.», который был разработан и проведен автором для студентов второго года обучения специальности 41.03.05 «Международные отношения».

Глава I Общественно-политическое развитие стран Восточной Европы в 90-е годы XX ст.

1.1 Модернизация политической системы стран Восточной Европы в 90-е годы XX в.

Процессы политической трансформации в странах Восточной Европы в конце XX ст. проходили под знаком переформатирования прежних социальных структур и малоэффективных экономических моделей. Они были противоположны доминирующим тенденциям развития Западной Европы и Северной Америки. Конец «холодной войны» стал настоящим испытанием для стран бывшего социалистического блока, распад которого в странах Юго-Восточной и Восточной Европы сопровождался вспышками революционных настроений. Произошло обострение всех существовавших противоречий: межэтнических, национальных, экономических, политических. С одной стороны было покончено с блоковым противостоянием, постоянно подогреваемым «холодной войной», с другой стороны рухнула идеология марксизма-ленинизма, долгое время претендовавшая на роль «единственно верного» учения об обществе[68].

Предшествовавшие расколу социалистического блока Центральной и Восточной Европы революционные события трактуются как антисоциалистические, направленные на подрыв существовавшей системы государственного правления. Стоит отметить, что страны региона и в середине XX века оставались экономической периферией Европы[53]. Исключением была лишь Чехия, всегда отличавшаяся от соседних государств высокими темпами экономического и политического развития. В послевоенный период в регионе

Центральной и Восточной Европы начинают происходить существенные изменения. Построение «основ социализма» сопровождалось ростом экономики, приведшим и к ликвидации сельского перенаселения и к устранению безработицы в городе. Из всего вышесказанного выходит, что объективных «классовых» причин для социального недовольства у населения не было. Напротив, можно утверждать, что сохранение существующей системы было в интересах граждан, а потому нелепой кажется сама возможность непонимания обществом своих социальных интересов [1]. Рассмотрим процессы, произошедшие в странах Восточной Европы.

Одной из первых стран, где формируется подобная политическая ситуация, является Болгария. С ноября 1989 г. во внутривластной ситуации в Болгарии стало прослеживаться два варианта развития событий: революция, призванная устранить пережитки «старой», коммунистической модели, либо развитие «новой модели» уже имеющейся формы государственного строя. Народная Республика Болгария (далее - НРБ) долгое время стояла особняком на фоне революционных настроений в соседних государствах. Во время советской перестройки, Т.Живков начал аналогичные процессы в Болгарии, под девизом совершенствования социализма в НРБ и создания нового гражданского общества социалистического типа. Заверения партийного руководства в том, что в государстве происходят всеохватывающие качественные изменения не имели реального подтверждения на практике [30].

Июльская концепция Т.Живкова по своему содержанию была более радикальной, чем идеи горбачевской перестройки. Она обещала демократические изменения в политической жизни государства, заключавшиеся в отходе от принципа верховенства партии и трансформации государственных и общественных структур. Само «отстранение» Болгарской Коммунистической Партии (далее – БКП) выглядело неубедительным, так как партия сохраняла почти все прежние полномочия, проводила кадровую политику в рамках воплощения основной идеологической линии. Потому июльская концепция не встретила в обществе одобрения. Поверхностность реформы, показывающая, что

перестройка это всего лишь попытка сохранить прежний режим, привела к тому, что болгарское общество было не готово дальше терпеть подобное. В его недрах стали зарождаться убеждения о необходимости коренных преобразований, однако происходили данные процессы тихо, визуально создавая ощущение стабильности в Болгарии, по сравнению с другими странами региона [8].

Именно потому 10 ноября 1989 г. стало большой неожиданностью не только для граждан всего соцлагеря, но и, отчасти, для самих болгар. В этот день на пленуме Т.Живков покинул пост генерального секретаря, который он занимал более тридцати лет. О намерениях политбюро сместить Живкова было не известно до самого пленума, а отсутствие четких комментариев со стороны партийного руководства на этот счет, лишь подогревало волнения в обществе. Долгое время ноябрьские события называли путчем, произошедшим не без одобрения Москвы. В самой БКП данное решение аргументировали тем, что идеи Живкова противоречат делу партии. Вначале болгары восприняли произошедшее с энтузиазмом, однако, по мере нарастания революционных антикоммунистических настроений, отставку генерального секретаря стали приписывать оппозиционным силам.

Оппозиционные настроения в Болгарии складывались не только вне правящей партии. В самой БКП вызревал протест против монополии партийного аппарата. Публичных проявлений данные тенденции не имели и носили эпизодический характер. Диссидентское движение оформлено практически не было, как не было и «самиздатовской» литературы, что могло бы свидетельствовать о высоком уровне недовольства. Только в 1989 г. в стране сформировалась первая правозащитная организация – Комитет по правам человека. Первопричинами медленного роста протестных настроений считается невысокая политическая культура общества, из-за которой не сформировались традиции массового протеста против власти [13].

В отличие от Польши, Венгрии и ГДР, где антисоветизм долгие годы подпитывал оппозиционные настроения, Болгария отличалась «преданностью» Москве. В стране не было того страха перед советскими танками, что

существовал в других странах региона. Именно поэтому ни в БКП, ни в союзнической партии БЗНС не было стимула к развитию оппозиции. Неформальная группировка «Экогласность» была единственным рупором антисоветских настроений. По сути это было независимое неполитическое объединение, ставившее на первый план решение проблем экологического характера. Данное объединение смогло через освещение экологических проблем привлечь внимание болгарской общественности к ситуации в стране в целом. «Экогласность» завоевала широкую поддержку, особенно среди интеллигенции, которую использовала и после свержения коммунистического режима. Лидер объединения, П.Слабаков подчеркивал, что: «Экогласность» всегда будет в оппозиции правящим партиям, и последние будут с ней считаться».

Несмотря на успех «Экогласности», до 10 ноября 1989 г. оппозиции как таковой в Болгарии не существовало. Более того, спонтанное отстранение Т.Живкова проявило определенную, хоть и кратковременную, сплоченность коммунистов-реформаторов и народа, основанную на консолидации вокруг непринятия существующего строя, отказа от сталинизма и «живковизма». Народная консолидация вывела на первый план другую специфическую черту болгарского кризиса – национальный «болгарский» вопрос. В первые месяцы он носил замкнутый этнический характер и сводился к вопросу о мусульманском населении Болгарии. Еще в 1984 г. власти НРБ начали проводить кампанию по «болгаризации» и ассимиляции этнических турок, вынуждая их брать христианские имена, введя запрет на публичное использование турецкого языка и совершение мусульманских обрядов. Это заложило основу для массовых демонстраций протеста среди турецкого населения во время перестройки в мае 1989 г., в попытке изменить национальную политику. Власти жестко отреагировали и уже летом 1989 г. страну покинут более 30 тыс. беженцев турецкого происхождения [29].

Саму политику Живкова в отношении турецкого населения быстро осудят за опасность возникновения «болгарского шовинизма», а мусульманский вопрос разделит общество на две части. Одни выйдут в январе 1990 г. под лозунгами

«Болгария болгарам!», добиваясь от властей решения проблемы, другие выступят за референдум по поиску адекватной национальной политики. Началось обострение ситуации в районах компактного проживания тюркоязычного населения, нередко заканчивавшееся реальными столкновениями, продемонстрировавшими экстремистские настроения внутри болгарского общества.

Ситуация усугубилась после регистрации мусульманского объединения «Движение за права и свободы» (далее – ДПС) в 1990 г., которое накануне парламентских выборов было зарегистрировано как политическая партия. Болгарское общество восприняло это не однозначно, а власти так и не нашли общего плана по выходу из сложившегося кризиса. По итогам выборов, ДПС стала третьей по количеству депутатов партией в новоизбранном парламенте. Стоит отметить, что ДПС и ее лидер А.Доганов пользовались поддержкой со стороны западных стран. Кроме мусульманского аспекта болгарского вопроса, существовали проблемы и других национальных меньшинств, например македонцев. В отличие от турецких коллег, Объединенная Македонская организация «Илинден» выступала не только за уравнивание в правах болгар и македонцев. Они обвинялись руководством страны за сепаратистские намерения, заключавшиеся в отделении Пиринской Македонии от Болгарии, в то время как сама ОМО лишь добивалась культурно-национальной автономии в границах НРБ [29].

Резкое обострение национального вопроса усугубило кризис, охвативший Болгарию. Уход от власти Живкова стал лишь первым этапом в широкой трансформации всех сфер жизни общества. В первую очередь встал вопрос о переходе на экономику рыночного типа, что повлекло за собой реформы, призванные изменить общественную систему в целом.

Начавший в 1989 г. переходной период можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности. Первым был этап «болгарского феномена», начавшийся в 1990 г. с отстранения Т.Живкова и переименования компартии в Болгарскую социалистическую партию, которая сумела выиграть

выборы 90 года, проводимые на многопартийной основе, и закрепились у власти. Кроме того, 1990 г. ознаменовался переименование государства в Республику Болгарию. После отстранения Живкова, у руля партии станет П.Младенов, который займет должность президента Болгарии после замены конституции в апреле 1990 г.

Второй этап начнется в 1991 г. после того, как БСП проиграет парламентские выборы и уйдет в оппозицию, вследствие чего в Болгарии начнется период «несоциалистического правления». В 1990 г. в Болгарии пройдут первые свободные выборы, на которых победит Ж.Желев. Первый президент Болгарии характеризовал данный период как стабильный, в рамках которого происходят необратимые процессы демократизации. Конкретными достижениями периода «несоциалистического правления» Ж.Желев считал начало демократического существования страны, начало мирного перехода к рыночной экономике и разрешение межэтнических противоречий. Среди проблем данного этапа президент выделял низкий уровень инвестиций в Болгарскую экономику и запоздалое начало приватизации [9].

Как и все страны Восточной Европы, Болгария после распада социалистического блока переживала трудные времена. В политической сфере стали происходить коренные изменения, связанные с переходом к многопартийной системе и полной демократизации политики. Переход к рыночной экономике и утрата прежних внешнеэкономических ориентиров привела экономику страны к глубокому кризису в 1990 г. В 1991 г. в Болгарии прошли внеочередные парламентские выборы, на которых впервые стала четко видна формирующаяся политическая картина. К власти пришли три партии: Союз демократических сил (далее – СДС), Предвыборный союз БСП и ДПС. СДС победил фактически во всех округах с незначительным отрывом от БСП, а ДПС пользовалась поддержкой лишь в определенных районах страны, в местах компактного расселения турок[4].

В 1990 г. в Болгарии было зарегистрировано более 50-ти политических партий, а в 1991 г. их число возросло до 90-та. Однако ни одна из них не получила такой

поддержки как СДС. Партии удалось выработать единую платформу и начать проводить реформы в сфере экономики и политики. Кроме того, СДС сразу обозначила свою ориентацию на сближение с общеевропейскими структурами. БСП была единственным реальным оппонентом для СДС. На парламентских выборах 1990 г. БСП обошла СДС, набрав 53% голосов избирателей. Несмотря на то, что обе партии провозглашали общие цели, методы, которыми предполагалось их достижение, были разными, что привело к началу волнений, которые обещали перерасти в забастовки. Вследствие чего БСП была вынуждена пойти на внеочередные выборы. Таким образом, обозначилась доминирующая в болгарском обществе тенденция на демократизацию и полное изменение политического строя в государстве. Закреплением данного процесса стали выборы 1994 г., проведенные на многопартийной основе, в результате которого обозначились партии, которые будут определять развитие Болгарии последующие годы. В их число вошли: СДС, БСП, Болгарский бизнес блок, Народный союз – демократическая партия и ДПС[5].

Можно говорить о том, что в 1994 г. стал переломным для Болгарии. Переходный период закончился, и модернизация политической системы перешла на совершенно новый уровень. Внутриполитические проблемы уходят на второй план, а вот вопросы внешнеполитические занимают ключевые позиции в программах всех политических партий.

Для Венгрии период модернизации политической системы был таким же трудным, как и для других стран Восточной Европы. Переходный период, как и десятилетия до него, был ознаменован глубокими экономическими и политическими проблемами, практически подорвавшими существующую в государстве систему. Опасность нарастающего национально кризиса осознавалась демократическими силами как внутри Венгерской социалистической рабочей партии (далее – ВСРП), так и за ее пределами. Стагнация экономик практически всех государств-членов Совета экономической взаимопомощи остро ощущался и в Венгрии, с ее широкой ориентацией на внешние рынки. Партийное руководство также скрывало растущие внешние долги государства [21].

Вынужденное реагировать, руководство ВСРП назначило на пост премьер-министра страны К.Гроса, который летом 1987 г. приоткрыл завесу над катастрофическим состоянием экономики. Так же Грос оказывал поддержку Отечественному народному фронту Венгрии с их заявлениями о необходимости реформ и демократизации общественно-политической жизни в целом. Новое руководство ВСРП высказывалось за реализацию довольно радикальных реформ, призванных трансформировать экономику и перевести ее на рыночные отношения. Это стало началом прекращения дотаций промышленным предприятиям и означало, что правительство не только не будет бороться с возможной безработицей, а официально допускает ее. Внешнеполитический курс был направлен на сближение с Европейским экономическим сообществом и достижением полной открытости венгерской экономики [56].

На июльском пленуме ЦК ВСРП в 1988 г. партия подтвердила свое решение начать вести работу по обновлению всего венгерского общества. Сама программа партии заложила основу для реализации альтернативных вариантов развития ситуации: первым мог быть вариант, предполагающий модернизацию старой модели; второй – заменить старую модель демократической; третий – поиск нового пути развития страны с возможным утверждением буржуазной демократии. В существующих рамках предполагалось расширение диалога с общественными организациями. К концу 1988 г. в Венгрии было официально зарегистрировано более 40 независимых общественных организаций и движений что создало предпосылки для формирования многопартийной политической системы. Самыми заметными были учрежденные в сентябре 1988 г. Венгерский демократический форум, Общество друзей Эндре Байчи-Жилински и Новый мартовский фронт. Эти организации можно охарактеризовать как крайне лояльные ВСРП, хотя были и те, кто относился к партии более воинственно. Такими были Союз свободных демократов, Союз молодых демократов и Общество друзей Ференца Мюнниха [22].

Резко возникшее политическое разнообразие говорило о том, что остановить начавшиеся в жизни венгерского общества преобразования уже невозможно.

Зав.отделением агитации и пропаганды ЦК ВСРП Е.Андич в сентябре 1988 г. сказал: «Они создают видимость, что не хотят стать партиями...Мы же, в свою очередь, также делаем вид, будто на самом деле не хотим удержаться у власти». Так же он отметил возможность передачи власти другой партии, но только при условии наличия «последовательной социалистической программы» [24].

С начала 1989 г. стала очевидной необходимость налаживания диалога между партийно-государственной властью и новыми общественно-политическими образованиями. 11 февраля 1989 г. на заседании ЦК ВСРП обсудили возможность перехода от однопартийной системы к многопартийной. Сам К.Гросу в своем докладе хоть и признавал существование условий для многопартийной системы, все же отмечал, что: «многопартийность не является обязательной для правового государства... Многопартийная система не означает продвижения вперед по пути демократизации, а выступает всего лишь иной формой проявления общественной демократии» [21].

Летом 1989 г. венгерский парламент стал многопартийным. Произошло это по причине массовых отставок депутатов, чьи места заполняли представители оппозиционного крыла. Так в парламент страны попали ВДФ, ССД и Христианско-демократическая народная партия. Результатом таких перемен стала фактическая ликвидация «однопартийного государства» и изменение официального наименования государства 23 октября 1989 г., когда была провозглашена Венгерская Республика. Весной 1990 г. по результатам первых свободных многопартийных парламентских выборов победу одержала оппозиция в лице ВДФ и их коалиционного кабинета с Независимой партией мелких хозяев (далее – НПМХ) и Альянсом свободных демократов (АСД). Возглавивший кабинет Й.Анталл сразу же начал решать проблемы в сфере экономики, заявив, что главной задачей кабинета «стоит создание прочного, основывающегося на частной собственности и социально-ориентированного рыночного хозяйства» [24].

Первые свободные парламентские выборы в Венгрии были интересны еще и тем, что в них участвовало 37 партий. Также в 1990 г. в конституцию Венгерской

Республики были внесены изменения, согласно которым страна стала парламентской республикой. По итогам выборов стало понятно, что коммунисты потерпели сокрушительное поражение, получив 4-е место по итогам выборов, набрав лишь 11 %. Вместе с тем, в 1994 г. ВСП победила на парламентских выборах. Образовав коалицию с Союзом свободных демократов, бывшие коммунисты перешли на воплощение идей рыночной экономики и демократизации общественного строя государства. Последующие годы для Венгрии ознаменовались постоянной политической турбулентностью. Партии переходили из коалиции в оппозицию и наоборот. Фрагментация политической сектора продолжалась, проявляясь в многочисленности новых партий и общественных организаций. Вместе с тем стала прослеживаться четкая внешнеполитическая ориентации государства на сотрудничество с Европой [39].

Начало 90-х гг. стало концом для польского коммунизма, олицетворяемого с Польской объединенной рабочей партией (далее - ПОРП). К этому польское общество шло не один десяток лет. За почти сорок лет однопартийной системы со всей полнотой власти в руках ПОРП в общественно-экономической жизни государства менялось многое, но не основа формы государственного правления. Примерно с 1980-81 гг. среди польского населения стали крепнуть антикоммунистические настроения, несмотря на то, что главенствующая роль партии была прописана в Конституции Польской Народной Республики. Основой для резкого недовольства стал экономический кризис 80-х гг. и введение военного положения в 1981 г. для подавления внутренней политической оппозиции [42].

Во второй половине 80-х гг. ПОРП в рамках своего пропагандистского курса заговорила о совершенствовании коалиционной системы с целью привлечения партнеров в государственные дела не только номинально. В 1986 г. на X съезде ПОРП было официально утверждено понятие «плюрализма», но это не повлекло за собой структурных изменений, равно как и не лишило ПОРП ее руководящей роли. Только в 1988-1989 гг. во время пленума ЦК, польские коммунисты приняли решение одобрить официальный курс политического плюрализма и парламентской демократии. Внутри ПОРП наметился раскол, так как далеко не

все поддерживали такие идеи. Хотя в целом члены партии были довольно апатичными даже в сравнении со своими коллегами, например с Объединенной крестьянской партией (далее - ОКП).

В феврале-марте 1989 г. на волне социально-экономического кризиса и падения авторитета ПОРП, прошел круглый стол с оппозицией. Итогом круглого стола стало создание двухпалатного парламента, в Сенат – высшую палату, выборы было решено проводить без заранее определенных квот [50].

С осени 1989 г. в стране начали происходить коренные политико-идеологические изменения. Начался процесс бурной дифференциации польского общества, повсеместно возникали группы и партии различной направленности. В конце ноября ОКП прекратила свое существование, на ее месте возникла Польская крестьянская партия – Возрождение. Руководство партии отказалось от наследия прошедших лет, равно как и ушло от идеи представления интересов сугубо крестьянского населения. От ПОРП откололось крупное реформаторское объединение под названием «8 июля». Название было выбрано по 8 июля 1989 г., когда в Варшаве собралась группа интеллигенции, которая и создала координационный комитет движения. Позже «8 июля» провозгласит партийную идею создания демократического социализма и открытости для представителей всех левых сил.

Сторонники «8 июля» выступали с резкой критикой принципов ленинизма, в особенности непринятия ленинской моделью политического плюрализма. Также они предлагали прибегать к различным теоретическим основам канонических политических парадигм, а не только к марксизму. Несмотря на создание собственной структуры, «8 июля» долгое время действовала как движение внутри ПОРП.

8 декабря 1989 г. прозвучали прямые требования роспуска ПОРП. На съезде сторонники «Движения 8 декабря» констатировали причастность коммунистов ко всем преступлениям сталинского режима – принудительной коллективизации 40-х – 50-х гг., экономическому кризису и упадку польской интеллигенции [49].

Вместе с тем «8 июля» выступало за диалог с ПОРП и видело возможности сотрудничества с партией в целом, несмотря на все реформаторские идеи [46].

По сути, все движение польского сопротивления в борьбе за обретение независимости было направлено на политику, а не экономику. Лидер Либерально-демократического конгресса Д.Туск, в своих заявлениях, часто сетовал, что либеральные идеи в Польше под угрозой именно из-за отсутствия исторической основы. Учредительная конференция конгресса ЛДК состоялась 29-30 июля 1990 г. Во время конференции было провозглашено создание ЛДК как политической партии, была принята ее программа и устав [45]. В уставе говорилось о частной собственности, как экономической свободе гражданина, а основной целью партии становилось обеспечение достойных условий жизни для всех граждан. Так же партия призывала к соблюдению норм христианской морали, вместе с тем предполагалось отделение церкви от государства. Особое место уделялось задаче оздоровления и развития польского народнохозяйственного комплекса с его дальнейшим переходом на рыночную модель. Председателем правления ЛДК стал Я.Левандовский, которого в 1991 г. на посту сменил Д.Туск [55].

Переходный период в Польше носил спокойный характер и отличался от скачкообразных процессов в соседних государствах. Планомерный процесс модернизации заключался в том, что трансформация политической системы происходила в несколько этапов. Началось все с установления многопартийной системы и легализации оппозиции, затем начались переговоры в формате «круглых столов» [69]. После проведения свободных выборов начался процесс формирования структур демократической системы на разных уровнях. Политическая трансформация Польши отличалась от ситуации в соседних государствах особенностями общественного сознания. Религиозный фактор и некоторая периферийность политических институтов затрудняла общие процессы политической модернизации. Вместе с тем, Польша быстрее закончила все необходимые реформы и влилась в европейские структуры раньше, чем другие страны Восточной Европы [57].

Особняком в процессе модернизации стран Восточной Европы стоит Румыния. В Румынии 1989 г. заканчивался довольно спокойно, несмотря на политические преобразования в Венгрии и Польше, «бархатную революцию» в Чехословакии, падение «жизжковизма» в Болгарии. На XIV съезде Румынской коммунистической партии в шестой раз генеральным секретарем партии был избран Н. Чаушеску. Генсек в очередной раз совершил ряд поездок по стране, во время которых с трибуны заявлял о грандиозных успехах Румынии на пути к развитому социалистическому обществу и об углублении мирового кризиса, в котором Чаушеску отводил себе роль миротворца и третейского судьи в советско-американских отношениях. Так как в целях экономии румынское телевидение вещало лишь по два часа в день, все эфирное время отводилось политическим и музыкально-поэтическим программам о жизни правящей четы. Информация о происходящем в мире преподносилась без обзора ситуации в Восточной Европе [52].

Демократические преобразования в Румынии вызывали множество вопросов. Во-первых, в Румынии действовала сеть тайной полиции, основывающейся на доносах осведомителей, получавших за информацию те или иные блага. Во-вторых, диссидентские движения, аналогичные восточноевропейским, не получали западной поддержки. Запад использовал ситуацию в Румынии в качестве рычага давления на СССР, а потому не хотел усложнять отношения с Чаушеску. В-третьих, в правительственных кругах попросту не сформировался класс реформаторов, так как любые проявления инакомыслия жестоко карались. В-четвертых, Чаушеску не поддерживал курс Москвы, равно как и не принял идеи перестройки Горбачева [26].

В отличие от Запада, для которого волна демократизации, захлестнувшая Восточную Европу, была неожиданностью, Чаушеску ожидал подобного развития событий. Он в своих заявлениях говорил о высоком уровне демократичности страны, по его мнению, заключающемся в участии всей общественности в деятельности государства. В октябре пленум ЦК РПК обнародовал информацию, согласно которой «Румыния числится среди первых стран Европы и по темпам

развития, а некоторые данные выдвигают ее на первое место по социально-экономическому развитию»[33].

Решением пленума ЦК РКП от 1 декабря 1989 г. Чаушеску получал право вступать в контакт с другими социалистическими и коммунистическими партиями с целью созыва конференции для совместного решения проблем социалистического строительства. Так же началось сближение генсека с представителями наиболее консервативных коммунистических режимов, например, с Северной Кореей. Вместе с тем паранойя Чаушеску начинала достигать апогея. Он запретил не только приграничную торговлю, но и запретил въезд на территорию Румынии любых туристов. Среди официальных представителей принимали лишь делегации Кубы, Китая и Кореи. В целом по стране было введено чрезвычайное положение.

16 декабря 1989 г. в городе Тимишоаре произошли столкновения между демонстрантами, защищающими от депортации священника Л.Текеша, и силами правопорядка. Начавшись с выступления в поддержку священника, данная акция переросла в полномасштабный протест против режима Чаушеску. 20 декабря генсек вернулся в страну из Тегерана и сразу охарактеризовал произошедшие события как хулиганскую выходку организованную «при поддержке реакционных, империалистических, ирредентистских, шовинистических кругов, шпионских служб различных стран» [33].

21 декабря в Бухаресте начался митинг, на котором Чаушеску снова осудил произошедшее в Тимишоаре, подчеркнув, что эти события на руку тем силам, которые хотят добиться территориально расчленения страны. Так же он объявил про новые правительственные меры, предпринятые с целью повышения уровня жизни населения. Во время митинга была взорвана петарда, спровоцировавшая толпу. Люди стали выкрикивать антиправительственные лозунги и требовать отставки руководства страны. Для подавления протеста были задействованы военные, по улицам Бухареста стали двигаться танки. 22 декабря демонстранты смешались с военными, они начали массово залазить на танки с транспарантами «Мы – за свободу» и «Хотим демократии». В то же время у себя в кабинете был

застрелен генерал В.Миля, выступивший против использования войск для подавления протеста.

К вечеру стало известно, что чета Чаушеску покинула столицу. Однако их побег не увенчался успехом. Они пересели с вертолета на гражданский автомобиль, во время первой же остановки которого были задержаны. Позже состоялся митинг при участии образованного Совета Фронта национального спасения (Далее – Совет ФНС). Свободное румынское телевидение передало сообщение главы Совета ФНС И.Илиеску о том, что вся власть переходит к Совету ФНС. В состав Совета вошли оппозиционные партийные и политические деятели, в свое время отстраненные от власти Чаушеску. Совет ФНС провозгласил своей целью создание демократического и свободного общества, отказ от однопартийной системы, организацию свободных выборов и полной трансформации всех сфер жизни общества [25].

Позднее адвокат Чаушеску М.Теодореску будет вспоминать, что происходящее на трибунале не воспринималось четой всерьез, и они не вняли его предложению сослаться на собственную умственную неуравновешенность. На суде присутствовало три гражданских наблюдателя, пять судей и судебных заседателей, два защитника и оператор. Свидетели приглашены не были, сам суд занял около трех часов, в результате которых был вынесен смертный приговор, приведенный в исполнение на месте. «Чаушеску все время был убежден, что секуритате спасет его. Он никогда не думал, что этот суд имеет силу и не демонстрировал ничего, кроме презрения, когда был зачитан смертный приговор», - заявлял Теодореску [33].

Сама ситуация могла вызывать сильное негодование. Народ, восставший против тирании и выступающий за демократию, не смог позволить себе провести гуманный суд в рамках международного права. Чаушеску были расстреляны при невыясненных обстоятельствах (так как существует несколько трактовок исхода трибунала, согласно одной из них, Чаушеску были расстреляны по дороге в камеру, а уже потом их положили так, как видно на кинохронике). Тела перевозили с места на место еще пять дней после казни, а уже потом захоронили.

Вместе с тем массового протеста не последовало. Европа со скрипом признала невозможность другого сценария, смягчая ситуацию заявлениями о чудовищности режима Чаушеску, доведшего народ до такого состояния. Что касается стран ЦВЕ, то они были так сильно поглощены своими внутренними процессами, что никак не отреагировали [17].

29 декабря 1989 г. в газете «Свободная Румыния» был опубликован декрет Совета ФНС содержащий закон о переименовании страны. Она стала называться просто Румынией с республиканской формой правления. Регламентацию всей политической жизни Румынии на себя взял Совет ФНС. 2 января 1990 г. стало последним шагом на пути перехода от однопартийной системы власти. Был выпущен закон-декрет вводивший свободу образования партий.

Уже в мае 1990 г. в Румынии прошли первые свободные выборы, на которых победу одержал Фронт национального спасения, а президентом страны стал его лидер И.Илиеску. Избранная власть должна была решать сложные вопросы. Румыния находилась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Полки магазинов были пустыми, а люди растерянными. Премьер-министр Роман, на чьи плечи ложилось решение основных экономических вопросов, понимал, что быстрого перехода к рыночной экономике не произойдет.

Экономика Румынии была деформированной и ослабленной, а население бедным. Однако новоизбранная власть понимала, что без повышения цен на продукты питания обойтись не удастся. Основным электоратом ФНС были рабочие слои населения, а это означало, что рост цен может пошатнуть и без того не прочные позиции партии. Сам Фронт начала 90-х представлял собой симбиоз представителей бывшей коммунистической власти, новоиспеченных политиков, деятелей культуры, рабочих и других, ранее не занимавшихся политикой, людей. Это создавало определенные трудности для деятельности партии как целостного механизма принятия государственно значимых решений. Благодаря вхождению в ряды представителей прежней власти, партия получила все те связи, которые были у предшественников [54].

Модернизация внутривластной системы Румынии начинается с экономических реформ. Первым принимаются законы в области приватизации, которые делают предприятия независимыми экономическими объединениями, а сама приватизация откладывается на годы. В стране образовывается некий вакуум власти. Новое руководство боится отпускать цены, не занимается спекулянтами и крестьянами, повсеместно присваивающими себе земли бывших колхозов. Советское руководство в Москве принимает решение в 1991 г. торговать с Восточной Европой по общеевропейским ценам и использовать конвертируемую валюту. Для Румынии это означало потерять дешевое топливо, поставляемое в рамках Совета экономической взаимопомощи. Цены на продукты питания правительство отпускает, что влечет за собой массовые акции протеста. На волне роста недовольства действиями нового правительства начинают появляться оппозиционные партии, с которыми ФНС предпочитает никак не бороться, так как в долгосрочной перспективе не знает, на чьей стороне будут симпатии народа [36].

Одной из первых оппозиционных партий Румынии станет Гражданский союз. Демократическая политическая сила, состоящая из интеллектуалов, поэтов и студентов. Они пытаются повторить опыт демократических партий Польши, Чехии и Прибалтики. Гражданский союз планировался как новая политическая сила, в рамках которой произойдет консолидация всех демократических сил [40]. Вместе с тем, демократы Румынии, в отличие от своих коллег из других стран Восточной Европы, отличались отсутствием четкой идеологической линии. Они критиковали Фронт так, как в свое время сам ФНС критиковал правительство Чаушеску. Кроме того, в рядах Гражданского союза не хватало профессиональных политиков, что привело к тому, что вначале популярная партия, стала терять свои позиции.

Фронт, тем временем, пытался остановить стремительное падение собственной популярности. Партия нуждалась в устойчивой поддержке определенной группы населения – крестьян. Чтобы заручиться ею, уже в феврале 1991 г. в силу вступает закон о земельном фонде, согласно которому к концу года в частные руки отойдет

70% сельскохозяйственных земель. Хотя с кооперативами было покончено, и крестьяне остались довольны быстрым получением земли, это нанесло колоссальный урон по сельскому хозяйству Румынии. Кооперативы оказались разделенными на мелкие участки, обрекая свои хозяев на нищету. К весне 1991 г. протестные настроения поутихли, и премьер-министр Роман решил, наконец, отпустить окончательно цены. Это приведет к росту цен почти в 2,5 раза. Кроме того, в Румынии начинается волна массовой приватизации [18].

На внутренние проблемы государства наслаивались проблемы внешние. Советский Союз доживал свои последние дни. Горбачев одобрил вступление в НАТО ГДР, что означало окончательное изменение баланса сил в регионе. Хотя Румыния не претендовала на роль субрегионального лидера, ее правительство понимало, что будет вынуждено реагировать на происходящее в странах Центральной и Восточной Европы. Венгрия, Польша и Чехословакия создают собственную организацию – Варшавский договор [11]. Именно эти страны наиболее рьяно выступали за роспуск ОВД. СССР понимает неизбежность упразднения организации, вместе с тем предлагают странам региона заключать другие союзы друг с другом и не вступать в блоки, которые могут угрожать безопасности соседей. Однако многие уже видят себя членами НАТО и мало прислушиваются к советам Москвы [14].

В апреле 1991 г., не смотря на все антикоммунистические заявления и стремления Румынии жить демократическом европейском обществе, Илиеску подписывает с СССР договор об отношениях. Это свидетельствовало о том, что даже самые радикально настроенные политики Восточной Европы не верили в возможный распад Союза и считали, что он будет играть важную роль в регионе. Данное действие румынского правительства вызвало шквал критики со стороны оппозиции. Ратификация затягивалась, население выразило недовольство действиями правительства, и очень быстро в Румынии началась волна русофобии. Румыны не хотели упускать возможность пойти на сближение с Западом. Вместе с тем, сложная экономическая ситуация в стране приводила к тому, что для

населения более важными являлись насущные проблемы, а не перспективы счастливого будущего.

В декабре 1991 г. в Румынии утверждается основной закон, который граждане поддержали на референдуме. Согласно новой Конституции, Румыния стала парламентско-президентской республикой. Данному решению противились только группы монархистов, выступавших за проведение референдума по вопросу, хотят ли румыны жить в республике [54]. Однако данные выступления были эпизодическими и быстро угасли. Сразу же началась подготовка к выборам, на котором оппозиция планировала победить. Можно сказать, что именно с этого момента в Румынии начались реальные процессы трансформации политической системы, которые продолжались еще не один год [15].

Процессы, происходившие в странах ЦВЕ в 1989-1990 гг. ярко очертили всю дальнейшую перспективу развития региона. Не считая ситуации в Румынии, все прошло мирным, «бархатным» путем. Анализируя причины произошедших событий, можно выделить несколько важных предпосылок.

Во-первых, коммунистическое руководство переживало сильный кризис само по себе. Москва была больше не в силах удерживать ситуацию в регионе. В попытке найти свое место в меняющемся мире, и находясь в постоянном давлении со стороны США, СССР отчетливо понимал невозможность своего дальнейшего существования в прежней форме.

Во-вторых, попытки проведения политических реформ, в рамках существующей однопартийной системы выглядели смехотворными и не внушали доверия ни политикам, ни простым гражданам. В-третьих, неэффективная экономическая политика, повергшая в кризис и сам СССР, привела к стагнации всех восточноевропейских экономик. Этот факт было невозможно скрывать: усиливался дефицит, понижался уровень жизни граждан, рос внешний долг каждого из государств соцлагеря.

В-четвертых, подавление «Пражской весны» не осталось незамеченным, что привело к росту диссидентских движений и антиправительственных настроений. Само собой, стоит учитывать и общее влияние Запада, который всецело

поддерживал антикоммунистические движения и спонсировал многих видных оппозиционеров.

Последним, но не менее важным был обострившийся национальный вопрос. Разношерстное население Восточной Европы так и не приняло идею о том, что нет больше болгарина или румына, есть советский человек. Политика уравниательства не принесла должного результата. На первое место стал выходить вопрос национальных меньшинств, подвергаемых гонениям при разных авторитарных режимах. Так же росло и социальное напряжение. Правящие элиты все дальше отдалялись от народа, не понимая его нужд. Все это привело к росту революционного напряжения, прокатившегося по всему региону.

Итогом революций в Восточной Европе стали процессы модернизации государственного устройства и трансформации политической структуры. Не во всех странах они проходили одинаково успешно. Сталкиваясь с необходимостью проводить жесткие реформы, новоиспеченные власти, зачастую, теряли популярность. Антикоммунистические настроения общества уходили на второй план, и политикам приходилось выстраивать свою деятельность в совершенно новых реалиях.

1.2 «Словацкий вопрос» и его роль в распаде Чехословакии.

История становления словацкой государственности неразрывно связана с тем, что принято называть «словацким вопросом». Его появление можно отнести к периоду распада габсбургской монархии в 1918-20 гг., когда по итогам Трианонского мирного договора на руинах Австро-Венгрии возникла Чехословакия. «Словацкий вопрос» – вопрос комплексный, затрагивающий как национальную идентичность словаков, так и ориентацию Словакии на международной арене. До 1989 г., то есть до момента «бархатной революции», значительная часть внутривнутриполитической жизни Чехословакии была сосредоточена на решении этого вопроса [67].

Столкновение национальных интересов Чехии и Словакии прослеживалось во многих вопросах. Так, например, само написание государства «Чехословакия», отражающее равноправие двух народов в составе государства, по мнению словаков, предполагало написание через дефис. Официально принятое название Чешская и Словацкая Федеративная Республики не удовлетворило стороны, а потому, чехи писали сокращенно «Чехословакия», а словаки – «Чехо-Словакия», настаивая на необходимости подчеркнуть два независимых народа. Вопрос дефиса был устранен Конституцией 1920 г., а в 1938 г., во время краткосрочной автономии Словакии, был снова восстановлен. Конечно, данный орфографический вопрос может показаться несущественным, однако он отчетливо показывал существующие в государстве настроения.

Характерными чертами «словацкого вопроса» была прерывистость и дезинтеграция национальной идентичности, всецелая уступчивость вместо преемственности в политическом мышлении. Распад Австро-Венгрии поставил словацкий социум перед необходимостью формирования собственной политической системы и своих элит. Венгерская политическая модель отжила свое вместе с монархией, ее место заняла идеология первой Чехословацкой

Республики, просуществовавшей до 1939 г. Короткое время независимого Словацкого государства в годы Второй Мировой привело к тому, что в 1945 г. сама возможность существования словацкого государства отрицалась [32].

На протяжении XIX в. словаки боролись с венгерскими попытками расширять и укреплять собственную государственную власть, не считаясь с интересами словаков. В XX в. аналогичные стремления возникнут уже у чехов. Не смотря на то, что история словаков начинается еще со времен Великой Моравии, формирование сознания государственной нации не произошло, вследствие чего словаки стали уязвимы перед зрелыми политическими нациями, такими как венгры или чехи. Первое требование о федерализации словаки выдвинули венграм в 1848 г., что привело к появлению идеи так называемой «словацкой окрестности». Означала эта идея территориальную автономию и равноправное сотрудничество с венграми. Реализовать замысел не удалось, так как венгры не были настроены пересматривать структуру государства.

Идея чехословацкой взаимности родилась в кругу пражской интеллигенции благодаря учению профессора Томаша Масарика. Она набирала популярности после того, как стало окончательно понятно, что иные варианты выхода из сложившейся ситуации не внушают оптимизма. Так надежды на помощь России не оправдались, и словакам не оставалось ничего кроме как решать свои проблемы самостоятельно или при содействии ближайших соседей. Словацкий вопрос окончательно вошел в концепцию Масарика во второй половине XIX в. [37]

В то время стало понятно, что политика Венгрии только формально либеральная и не допускает даже сам факт существования государственно-образующего словацкого народа. Так же стоит отметить, что отсутствие собственной политической элиты и капитала негативно влияло на формирование политического сознания. Немаловажным был тот факт, что до 1918 г. у словаков не было ни средних школ, ни культурных и научных учреждений, ни театров, ни библиотек или издательств, результатом чего стало отсутствие культурных и политических центров на территории Словакии.

В 1918 г. на руинах Австро-Венгрии начали свое независимое существование многие европейские народы. Создание Чехословакии, с точки зрения международных отношений, не выглядело необоснованным. В то время в Центральной и Восточной Европе царил хаос и непонимание того, как будет происходить дальнейшее развитие региона. Национально раздробленные государства не могли самостоятельно осуществлять внутривнутриполитическое и внешнеполитическое управление, что могло привести к балканизации региона. Потому идея общей чехословацкой нации нашла отклик среди большинства мировых политиков [46].

В зафиксированном понятии «чехословацкая нация» имелась в виду в первую очередь чешская нация, как образующая в вопросах национального сознания. Венгеризацию предполагалось заменить чехословакизацией, что означало создание общей ментальности и культуры на территории новообразованного государства Чехословакии. Выбор чешской нации был обусловлен двумя факторами. Во-первых, за всю историю существования самобытного словацкого этноса, у него практически не было собственного национального государства. Словацкий народ фактически существовал и развивался в рамках венгерского государства, что не позволяло проследить естественную национальную эволюцию в рамках национального государства. Во-вторых, геополитическое положение Словакии, находящееся на стыке Востока и Запада, приводило к тому, что государство постоянно попадало под разные сферы влияния.

Вместе с тем, первоначальная идея Чехословацкого государства не означала навязывания словакам нового национального кода. Иван Дерер, министр по унификации законов и административной организации первой Чехословацкой Республики 1918-1938 гг., писал, что создание чехословацкой нации «не означает их (словаков) чехизации». Вместе с тем, именно идея чешского государства легла в основу Чехословакии. Отождествления со словацким государством не могло появиться как по причине отсутствия политического опыта, так и отсутствия чувства государственности у самих словаков. В период становления самой идеи Чехословацкой Республики (ЧСР) словаки не проявляли никакой

заинтересованности в делах государственного строительства. 30 октября 1918 г. был принят документ – «Декларация словацкого народа», которую так же называют «Мартинской декларацией», по названию города Мартин, в котором она была подписана. Сам текст декларации был принят Словацким национальным советом, который появился в результате рабочего движения, ставшего ответом на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. «Мартинская декларация» подтверждала готовность Словакии вместе с чешскими землями войти в состав Чехословацкой Республики [47].

Город Мартин, ранее Турчански-Свети-Мартин, занимает особое место в истории Словакии. Выбор именно этого места для провозглашения «Декларации словацкого народа» был неслучайным. В 1861 г. именно в городе Мартин был опубликован другой важный документ – «Меморандум словацкой нации». Данный меморандум содержал требования о выведении Словакии из Венгерского королевства и создания независимого Словацкого государства в составе Австро-Венгрии. Требования меморандума выполнены не были и Словакия осталась частью другого государства. Именно потому можно сделать вывод, что выбор города Мартин для провозглашения декларации о присоединении Словакии к ЧСР был продуманным пропагандистским ходом. Тогда существовала острая необходимость подавления возможных националистических настроений среди словаков с целью недопущения роста идей независимого государства. Вместе с тем, даже первая «Мартинская декларация», 1861 г. не носила крайнего протестного характера, не призывала к мятежу против Австро-Венгрии. А потому опасаться подобного рода настроений не приходилось.

Отсутствие радикальных устремлений к государственной независимости у словаков неоднократно подмечал социал-демократ и ярый приверженец идеи чехословацкого государства Иван Дерер. В 1933 г. в одном из своих заявлений он утверждал, что «в словацкой литературе нет и следа устремлений к самостоятельной словацкой государственной жизни...ни в одном литературном, общественном или политическом проявлении» [51]. Согласно мнению политика, у словаков «национальное самосознание никогда не заходило так далеко – к

созданию собственной государственной формы, хотя бы и отчасти самостоятельной» [51]. Анализируя «Мартинские декларации», он приходит к выводу, что в них не содержалось элементов, говорящих о намерениях создать независимое государство. Скепсис в отношении возможности словацкой государственности рос и часто приобретал гротескные формы. Так видный литературный деятель Михал Хорват писал: «после 1918 года словацкий народ превращается из небольшой церквушки в массовую организацию» [32]. Он подводит к одной из самых популярных идей в истории становления политической системы Словакии: эволюции церковных деятелей в политическую элиту. Действительно, первые протополитические организации были основаны как раз католическими священниками, которые начинали играть роль не только духовных наставников, но и людей сведущих в политике и предлагающих свои варианты развития государства.

Оспаривать идеи заметных политических и культурных деятелей образующейся Чехословакии было сложно. Сама государственная самостоятельность Словакии не существовала в какой-либо оформленной форме. Даже чисто теоретически она казалась невозможной как с внутривнутриполитической, так и с внешнеполитической стороны. Вместе с тем определенные элементы автономии и ограниченной федерации у Словакии были, и могли стать ключом к решению «словацкого вопроса», однако данная концепция не была замечена и на практика практически не использовалась.

В ответе на важный вопрос, сформулированный историком Михалом Гафриком, и описывающий ситуацию на момент начала первой мировой войны, «что делать словакам – сопротивляться венгеризации, отказаться от национальной индивидуальности или оспорить все предыдущее развитие в качестве составной части единой чехословацкой нации?» [28], заключалась вся суть дилеммы, вставшей перед словацким национальным организмом. Национальное движение, в поисках правильного варианта ответа, разделилось на два лагеря – «чехословакистов» и «гласистов» против националистов и «мартинчан». «Гласисты» - движение, выросшее на идеях реализма Масарика, их первые

выступления были опубликованы в конце XIX века в журнале «Hlas» («Голос»), откуда и возникло название. Идеи «гласистов» были связаны с чехословацкой взаимностью, которая после 1918 г. стала перерастать в идею чехословакизма. Логика «гласистов» была проста. Чехословакия задумывалась как единое государство, а значит и народ будет один – чехословацкий. Таким образом, они, однозначно, поддержали идеи размытия словацкой идентичности [9].

В то же время, «мартинчани» выбрали совершенно иной путь развития. Охарактеризовать его можно высказыванием одного из самых ярких представителей этого движения, Светозара Ваянски, который писал, что если он «не мог быть словаком, то хотел бы лучше утонуть в русском море, нежели в чешском болоте». Названные так по «Мартинской декларации», новые словацкие националисты выступали сначала поборниками идеи единства с Венгрией, а затем, после 1918 г., с идеями пражского централизма, взывая к словацкой автономии.

«Развод» с Венгрией для словаков происходил при довольно благоприятных условиях. Ведь они не только выходили из-под венгерского управления, но и воссоединялись с экономически и политически высокоразвитой Чехией, которая даже в составе Австрии играла довольно значимую роль. Во-вторых, впервые у словаков появилась возможность быть представленными в правительстве и активно участвовать во всех государственных процессах. Сразу после распада Австро-Венгрии так прослойка словацкой интеллигенции, что принимала участие в подготовке «Мартинской декларации», сразу включилась во все сферы политической и культурной жизни. Это привело к общему росту национальной активности и словакизации городов, особенно Братиславы, которая тогда еще не была столицей.

Особое место в формировании нового Чехословацкого государства играют два договора, подписанные землячествами чехов и словаков на территории США. Связанно это было с тем, что политики, с чешской стороны Томаш Гарриг Масарик и Эдуард Бенеш, а со словацкой - Милан Штефаник, попросту боялись идти на конфронтацию с Австро-Венгрией. Сразу после начала Первой Мировой

войны, Масарик мигрировал во Францию, где начал готовить план по освобождению чехов и словаков испод австро-венгерского гнета. 14 октября 1915 г. Т.Г. Масарик, заявил о создании движения за независимость чехов и словаков. Примерно в то же время в Америке начинается активная работа по созданию договорной базы для поддержания данного процесса. Землячества чехов и словаков подписывают Кливлендский договор 22 октября 1915 г. Над тестом работали представители Чешской Национальной ассоциации и Словацкой лиги в Америке. В нем содержалось требование предоставить независимость чехам и словакам от Австро-Венгрии путем создания отдельного федеративного Чехословацкого государства [70].

В 1916 г. в Париже начнет действовать Чехословацкий национальный совет, который возглавит Т.Масарик. Вместе с ним в совет войдет Э.Бенеш и М.Штефанек от словацкой стороны. В это же время Масарик совершает ряд визитов в Англию, Россию, США и другие страны, и создает там различные комитеты, которые должны поддержать чехословацкий народ в борьбе за независимость. Стоит отметить, что уже на этом этапе не происходит сепарации народов в составе будущего государства. К 1917 г. идея создания чехословацкого государства достаточно укрепилась в умах как самих чехов и словаков и их соотечественников за рубежом, так и у мирового сообщества. Начинают формироваться отряды на территории России и Англии. В них охотно вступают и чехи со словаками, так и представители других стран. Главной целью этих отрядов становится освобождение Чехословакии. В начале 1918 г. в Питсбурге представители чешской и словацкой стороны подписывают «Чехо-Словацкий договор», разработанный Масариком. Основной целью этого договора было создание независимого объединенного государства чехов и словаков. Согласно договору, новое государство будет республикой с демократической конституцией. 26 сентября 1918 г. будет сформировано правительство Чехословакии в эмиграции, а 30 октября свет увидит «Декларация словацкой нации», которая подведет итог в стремлении создать независимое объединенное государство [16].

Нелогичным можно считать этот, по сути, первый шаг словацкого политика в новом государстве. Этой декларацией словаки фактически расписались в размытии своей национальной идентичности. Представитель американских словаков А.Маматеей в 1920 г. во время заседания Клуба словацких депутатов сформулировал данную проблему так: «Словакия в результате бывшего венгерского режима культурно и материально настолько ослабела, что свою автономию без чешского участия она ни создать, ни сохранить не могла». Вместе с тем процессы по образованию нового государства нельзя было остановить. 28 октября 1918 г. после фактического распада Австро-Венгрии возникла Чехословацкая Республика. В ноябре была принята временная конституция, а президентом был выбран Т.Масарик. Державы Антанты признают правительство Масарика, а Э.Бенеш займет пост Министра иностранных дел. Произойдет закрепление чешской политической элиты в «верхушке» чехословацкого правительства, а Словакия перейдет в новую политическую эпоху.

Вместе с тем, в данных действиях словаков был определенный здравый смысл. Не стоит забывать, что длительное время Словакия была частью Венгрии, что не могло не повлиять на формирование национального сознания. Феномен «мадяронства» занимает такое же важное место в истории «словацкого вопроса» как и феномен «чехословакизма». Расцвет данного феномена можно отнести к 1918-1919 гг., т.е. к периоду формирования Чехословакии. Так М.Хорват писал, что «мадяронский слой группировался главным образом из словацкого элемента...находился между словацкой и венгерской нациями как самостоятельный разлагающийся элемент» [51]. Стоит отметить, что к «мадяронскому слою» причисляли именно этнических словаков, перешедших на сторону венгров и выступавших против отделения от Венгрии. Феномен «мадяронства» был одной из ключевых причин по которым американские словаки выступали за объединение с чехами, что и легло в основу Питсбургского договора.

Если рассматривать феномен «мадяронства» с другой стороны, т.е. с точки зрения этнических венгров, проживавших на территориях, вошедших после

Трианонского договора в состав Чехословакии, то можно проследить определенные причины для роста недовольства и напряжения во взаимоотношениях между венграми и словаками. После 1920 г. венгры стали национальным меньшинством, что имело определенные психологические последствия. В период между двумя войнами в Чехословакии процветали идеи венгерского ирредентизма. Даже по прошествии десяти-пятнадцати лет после подписания Трианонского договора, по словам историка Д.Рапанта, была реставрация границ Венгрии, в том виде, в котором они существовали на момент 1918 г. В 1930 г. он писал: «Это устремление все еще живет в душе большинства сегодняшней венгерской нации, даже тогда, когда внешне – судя по всему, по тактическим причинам – оно не проявляется в прямой форме» [51]. Рапант приходит к выводу, что цель венгров все та же – вернуть «тысячелетние границы».

Венгерский аспект «словацкого вопроса» всегда оставался напряженным, хотя касался лишь проблем национального меньшинства и границ, и выходил на первый план в определенные периоды. Вместе с тем, годы, в которые происходило обострение венгерского вопроса, были ключевыми, так как именно в обозначенные периоды страна была независимой. В истории Словакии, такими были: 1938-1939 гг., 1945-1948 гг., 1968 г., 1993 г. Можно сделать вывод, что обострение взаимоотношений с венграми в рамках словацкого государства происходило тогда, когда государство становилось достаточно ослабленным, чтобы появлялась возможность спекулировать в вопросах прав национальных меньшинств. Забегая наперед, можно сказать, что проблема венгерского меньшинства является одной из ключевых во внутренней политике современной Словакии. Это связано с тем, что правительство Словакии не всегда правильно реагировала на данную проблему. Достаточно запоздалым стало осознание того факта, что словацкая нация должна гарантировать венгерскому меньшинству право участвовать в создании словацкой государственности [51].

Запоздалая реакция на потребность приобщения венгров к построению чехословацкого государства привела к тому, что в период между войнами, когда

происходило формирование Чехословакии, венгры куда больше заигрывали с идеями ирредентизма, нежели интересовались построением нового государства. Стоит отметить, что венгерское меньшинство одинаково реагировало как на идеи чехословакизма, так и на словацкую государственность. Решение вопросов связанных с венгерским меньшинством выходило на первый план лишь в периоды обострения чехословацких отношений и только в качестве политических спекуляций, с целью заполучить голоса венгерского электората.

Проблема «мадьяронства» уходила на второй план в вопросах национальных меньшинств Чехословакии, так как куда более остро обстояли дела с немецким меньшинством на территории Чехии. Западные политики внимательно наблюдали за развитием немецкого вопроса в рамках Чехословакии, осознавая, какими последствиями могут быть чреватые неправильные действия Праги. Что касается «словацкого вопроса», то его решение казалось нежелательным для большинства политиков как внутри Чехословакии, так и в Европе. Так, английский посол, выступая в ЧСР в 20-е годы, сказал: «Я не могу требовать быстрого решения данного вопроса, так как это могло бы угрожать целостности республики, а так же миру в Центральной Европе» [32].

Как подмечал историк Л.Липтак: «...в Чехословацкой Республике словацкий вопрос даже у информированной части общественности уходил на второй план, его затеняли проблемы связанные с воинственным немецким национальным меньшинством» [32]. Данные тревоги были обоснованы, так как на территории Чехословакии из 14 миллионов населения, 3,5 миллиона были этническими немцами, проживавшими компактно на территории Судетской области. Все это создавало предпосылки для того, чтобы у Гитлера возникло желание решить чехословацкий вопрос в пользу германии. В 1938 г. во время обращения к Рейхстагу, он сказал: «Обратите внимание на ужасные условия жизни немецких братьев проживающих в Чехословакии» [32], тем самым указав на свои интересы в данном регионе. Однако, во время мюнхенского стовора, Гитлер признался, что не знал ничего о Словакии.

Происходило все это по той причине, что даже после провозглашения независимой объединенной Чехословакии, государство было скорее чешским. Одним из главных противников решения «словацкого вопроса» в пользу автономии был Э.Бенеш, Министр иностранных дел ЧСР. Бенеш был идеологом чехословакизма и ярким поборником идей словацкой национальной идентичности. В 1943 г. он заявил, «что словацкий язык является одним из наречий чешского языка» и, что он не будет никому «препятствовать говорить о себе как о словаке», но никогда не позволит говорить о том, «что существует словацкая нация». Именно данная точка зрения Бенеша определила основной подход во внутренней политике Чехословакии в 20-е года – чехословакизм. Можно говорить о том, что именно этот период стал главным в истории дальнейшего кризиса взаимоотношений чехов и словаков [35].

После закрепления идеи чехословацкого национального единства в Конституции 1920 г., «чехословакизм» вышел за рамки национального аспекта, затронув государственно-правовой, экономический, культурный и языковой аспекты. Таким образом, Конституция, призванная закрепить интеграцию словаков в чешское общество, стала элементом национальной дезинтеграции. Вместе с тем, далеко не все представители словацкого общества испытывали негативные эмоции по отношению к чехословакизму. Так словаки И.Дерер и А.Штефанек, будучи убежденными чехословакистами, в 1922 г. утверждали, что по счастливому стечению обстоятельств победило движение гласистов, что крайне положительно сказывается на развитии духовной и политической жизни словацкой интеллигенции. В своих призывах к формированию единой чехословацкой нации, Дерер и Штефанек делали упор на геополитический фактор. В 1934 г. Дерер писал, что «сила чехов против немецкого давления возрастает и становится более устойчивой, когда она опирается на всю чехословацкую нацию». В то же время, Словакия была для Чехии опорой, связывавшей ЧСР с востоком, откуда можно было ожидать помощи в защите от немецкой агрессии.

Э.Бенеш так же рассчитывал на помощь с востока, когда накануне Мюнхенского сговора обратился к правительству СССР с просьбой занять его позицию в случае начала военного противостояния с Германией. Советский Союз отреагировал в пользу Бенеша, который с 1935 г. занимал пост Президента ЧСР, и войска на границе были приведены в боевую готовность. Однако идея объединения чехов с русскими не устраивала многих политиков, в том числе и приверженца политики «европейского равновесия», британского премьера Чемберлена. Советское руководство осознавало риски, которые могли появиться по факту помощи ЧСР, и подняло на пленуме Совета Лиги Наций вопрос о германской агрессии. Данный вопрос так и не был поддержан, так как на тот момент европейские политики видели большую угрозу в распространении большевизма, нежели фашизма и надеялись уладить кризис, отдав Гитлеру Чехословакию[69].

В этот сложный период истории, как Чехословакии, так и всей Центральной Европы, проявление борьбы словаков против интеграции в чехословацкое общество носила антигосударственный характер и могли иметь непредсказуемые негативные последствия. Словацкая народная партия, выступавшая под лозунгами получения автономии и создания словацкого сейма, судов, школ и прочего, казалась настоящим провокатором, который решил расколоть государство, да еще и перед лицом нависшей немецкой угрозы. Так же «мартинчане», поддерживавшие Словацкую народную партию и Словацкую национальную партию, демонстративно писали «чехословацкий» через дефис, чем накликали на себя постоянную критику со стороны «гласистов». Критика это была основана на том факте, что определенные политические круги не признавали существования чехословацкой нации даже на политическом уровне. Противостояние «мартинчан» и «чехословакистов» вывело на политический олимп ЧСР венгерского журналиста, а впоследствии и известного политического деятеля, Милана Ходжу [68].

Идеи Ходжи основывались на том, что Словакия – геополитический и стратегический фундамент Чехословакии, которая только вместе со словацким

народом и, что немаловажно, территориями сможет противостоять Германии. В своих взглядах, Ходжа делал упор на важность Чехословакии в становлении Малой Антанты. Так же он подчеркивал, что отстоять Центральную Европу можно будет лишь при условии существования сильной Чехословакии. А когда внутри государства присутствуют сильные национальные противоречия, то это создаст почву для легкой дестабилизации положения. Также Ходжа не видел смысла в том, чтобы делать из словаков еще одно национальное меньшинство в рамках ЧСР, учитывая, что венгерский и немецкий вопросы в стране оставались нерешенными. Свои идеи он подкреплял простой математикой. Какое государство будет сильнее, то в котором проживает 67% чехословаков, 23% немцев и 5% венгров, или то, в котором: 50% чехов, 23% немцев, 5% венгров и 22% словаков? Ему ответ казался очевидным. Для того чтобы выстоять, было необходимо иметь национальное большинство.

Так в 1934 г. М.Ходжа окончательно сформулирует свою идею регионализма. Регионализм Ходжи – это единое государство, основывающееся «на регионализме, который удовлетворяет каждое национальное устремление и каждую экономическую потребность» [51]. В концепции регионализма отрицался чехословакизм в той форме, в которой он существовал, и предлагалось создать государство, основанное на чешских и словацких национальных идеях. Для Ходжи государство представлялось стойким перед лицом внешних угроз только при наличии взаимного сближения чехов и словаков по обоюдному желанию. Вместе с тем М.Ходжа утверждал, что «у государства не может быть два суверенитета, может быть только один – чехословацкий». В итоге Ходжа сформулировал общую идею о том, что «единая чехословацкая политическая нация» должна существовать в любых условиях, а словацкий национализм может существовать лишь как «моральный принцип».

Вместе с тем Ходжа призывал чехов к пониманию сути словацкого вопроса и указывал им на то, что перед лицом нависшей немецкой угрозы Чехословакия сможет выстоять, только если чехи будут считать Словакия полноценным субъектом, подчеркивая невозможность существования Малой Антанты без

Словакии. Летом 1934 г. он сказал о «равноценности Словакии с историческими землями», т.е. с Чехией. Равноценность тут была довольно сложным аспектом вопроса, так как Словакия всегда сильно отличалась политической консервативностью, провинциальностью, большей религиозностью и национализмом, в отличие от урбанизированной и рациональной Чехии.

Отдельного внимания заслуживает коммунистический способ решения словацкого вопроса. Западное общество настороженно наблюдало за распространением коммунистической идеологии не Чехословакию. Они понимали, что проволочки в решении словацкого вопроса могут привести к тому, что Чехословакия быстро окажется под влиянием коммунистов, которые разделяли идеи о федеративном устройстве Чехословакии. Кроме того, у коммунистов был довольно четкий план по выведению Словакии из стагнирующего состояния [38].

Коммунистический подход к решению словацкого вопроса предполагал индустриализацию, с помощью которой планировалось сделать Словакию равноценным субъектом государства, а не дотационным придатком. В конечном счете, все планы по решению словацкого вопроса останутся на уровне экономического и культурного выравнивания двух субъектов. Сама стратегия развития государства по такому плану практически сразу нашла отклик среди словацкой интеллигенции. Ладислав Новомеску, известный писатель и политический деятель, рассматривавший словацкий вопрос в чехословацком и европейском контексте, призывал выстраивать концепцию развития Словакии так, чтобы она не диссонировала ни с западной, ни с восточной, т.е. советской, моделями развития. Когда в 1939 г. Словакия получила автономию в составе Чехословакии, Новомеский указывал на отсутствие квалифицированных кадров во всех сферах жизни общества, напоминая, что нельзя идти от обратного, т.е. «сначала создавать самостоятельное государство, а потом создавать его атрибуты» [51].

Стоит отдельно отметить, что коммунистические взгляды никогда не пользовались большой популярностью у словацкого общества. Будучи

политически пассивным, словацкое общество неохотно перенимало любые идеологии. Когда после окончания Второй Мировой войны коммунистическая идеология стала проникать в чехословацкое общество все сильнее, словацкая интеллигенция назвала это необходимостью, очередным этапом в становлении независимой Словакии. Однако, коммунистам, как и их предшественникам, пришлось столкнуться с определенными трудностями в процессе реформирования общественного и экономического строя Словакии. Связанно это было с тем, что государство было традиционно клерикальным и очень большую роль в обществе играли католические священники.

В 1925 г. в Словакии появилась первая политическая партия – Словацкая народная партия Глинки (далее - СНП Глинки). Ее основателем был католический священник Андрей Глинка. Сам он не был приверженцем независимости Словакии и свою партию основывал на волне борьбы с венгерским национализмом. Главной идеей священника было достижение автономии и культурное равноправие чехов и словаков. Он хотел, чтобы «словак был хозяином в Словакии» [67], а условием для любого сотрудничества считала равноправие. Не смотря на то, что добиться равноправия в процессе политического сотрудничества, кажется не сложно, на деле именно этот аспект оставался камнем преткновения долгие годы и был в центре словацкого вопроса. Основными противниками в решении словацкого вопроса Глинка считал Ивана Дерера и Милана Ходжу и упрекал их за то, что они усугубляют ситуацию и абсолютно не ищут выхода.

Йозеф Тисо, ставший позднее президентом первого словацкого государства, был выходцем из СНП Глинки и так же был католическим священником. Отталкиваясь от идей Глинки, он шел чуть дальше и рассматривал словацкий вопрос в идеологическом контексте, не пренебрегал поддержкой правительства и пытался добиться равноправного сотрудничества между чехами словаками. В 1930 г. Тисо издал брошюру – «Идеология Словацкой народной партии», в которой призвал к автономии словацкой нации в территориальных рамках Словакии. Свое предложение Тисо сформулировал так: «Кто искренне

поддерживает сохранение чехословацкого государства, тот должен также последовательно и искренне укреплять два основных столба этого государства – нацию чешскую и нацию словацкую»[62].

Таким образом, можно сделать вывод, что роль священников и католицизма в развитии словацкого государства была очень велика. Заняв прочные позиции в политикуме, католические священники заручились поддержкой большого процента населения. Такая популярность была обусловлена тем, что в годы венгерского гнета именно в церкви люди находили отдушину и поддержку, а священники были, зачастую, единственными образованными людьми в своих приходах, их мнение было очень важным, к ним прислушивались. Для Глинки не составило труда создать популярную политическую силу. С одной стороны были приятные народу лозунги, с другой стороны они не были радикальными, и власть смотрела на них снисходительно, не ощущая угрозы. В качестве площадки для политической агитации священники выбирали свои мессы, донося до прихожан основные идеи СНП. Последователи Глинки, главные приверженцы автономии Словакии, настаивали на пересмотре государственного устройства в пользу федерации [65].

Стоит отметить, что СНП никогда не призывала к отделению Словакии от Чехии. Они отталкивались от идей, что Чехословакия была создана на основе компромисса, и он должен сохраняться, но, вместе с тем, отдельно ни Чехия, ни Словакия не смогут в полной мере реализовывать свои функции и быть полноценными членами политической арены мира. Влияние СНП существенно подорвет короткий период существования военного словацкого государства. В 1938 г., 6 октября была провозглашена автономия Словакии, вслед за которой было сформировано словацкое правительство и принят конституционный закон. К ноябрю того же года СНП Глинки оформилась, в единственную на тот момент, Партию словацкого национального единства (Далее - ПСНЕ).

После «Мюнхенского сговора», гитлеровская Германия фактически ликвидировала Чехословакию. Результатом этого стало провозглашение 14 мая 1939 г. сеймом Словакии независимого государства. Независимая Словакия того

периода просуществует шесть лет. За этот недолгий срок, государство получит такой ярлык как «клерикально-фашистское государство», а партия, которая стояла во главе Словакии станет нежелательной на долгие годы. Для политиков, принимавших непростое решение о независимости Словакии в гитлеровский период, выбор был очевиден: или независимость под немецким управлением или полная оккупация территории венграми. Как говорил председатель словацкого сейма Мартин Сокол: «Словацкий сейм не принимал решение о том, проголосует ли он за дальнейшее существование Чехословацкой Республики или нет. Об этом уже принял решение Адольф Гитлер. Вопрос, который мы должны были решить стоял так: «Должна ли Словакия присоединиться к Венгрии или она должна быть сохранена как единое целое, будучи самостоятельным государством?»...Из симпатии к чехам и солидарности с ними мы не могли пойти на национальное самоубийство...» [67].

Вместе с тем, несмотря на лозунги о солидарности с чехами и отсутствии выбора, последователи Глинки, выбирали путь развития, напоминавший национал-социализм. Идеология резко стала крайне националистической, председатель правительства Войтех Тука описывал выбранное направление следующим образом: «Партия будет работать в духе, который завещал нам Глинка, но гитлеровскими методами» [67]. За шесть лет ситуация лишь усугубилась. Так в 1942 г. один из идеологов государства Штефан Полакович писал: «Кто находится вне партии, тот идет против своей нации и это может быть легко связано с предательством. Правильно политически думать – значит быть вместе с партией и ее вождем». Можно сделать вывод, что в период существования военного словацкого государства была впервые заложена основа под формирование авторитарного устройства страны, эхо которого можно будет услышать даже в 90-е гг. XX ст.

Устав от единовластия людаков, народ Словакии стал искать другие пути развития. Само первое словацкое государство дискредитировало как идею независимости, так и словацкой государственности в целом. В 1944 г. ответом на ситуацию в государстве стало Словацкое национальное восстание. Итогами

восстания было не обновление власти при сохранении независимости, а воссоединение с чехами. Словацкое общество понимало, что невозможно решить национальный вопрос, оставаясь фашистским государством. Идея, появившаяся в то время, независимого советского словацкого государства так же казалась не реалистичной. Возникновение словацкого государства того периода ассоциировалось с Гитлером, а потому борьба против него превратилась и в борьбу против независимой Словакии, причем со стороны собственного народа. После восстания 44 года, Словакия включилась в антигитлеровскую коалицию, были переформатированы властные структуры, и она смогла войти в новую Чехословацкую республику.

Словацкое национальное восстание не стоит в одном ряду со многими другими национальными восстаниями того периода. В Словакии гитлеровских времен не было сильной армии, партизанские отряды были малочисленными и чаще всего покидали территорию государства для объединения с чешскими отрядами. Внутри государства практически не велось никакого сопротивления. Правящие элиты находились в автономном от Германии положении и проводили самостоятельную авторитарную политику. Их главной целью было удержать власть. В освобождении Словакии большую роль сыграла не только Красная Армия, но и чешские военные, которые фактически освободили Братиславу.

5 апреля 1945 г. правительство первого Национального фронта чехов и словаков разработало документ, который войдет в историю под названием Кошицкая правительственная программа. В этой программе было прописано развитие Чехословакии как народно-демократического государства двух равноправных народов: чехов и словаков. Так же программа предусматривала решение вопроса с Закарпатской Украиной. Данные территории вошли в состав Чехословакии как автономия Карпатская Русь по итогам Сен-Жерменского и Трианонского мирных договоров 1919-1920 гг.. Однако в ходе гитлеровской оккупации, данные договора были пересмотрены и по итогам Венского арбитража, эти территории вошли в состав Венгрии, где и оставались до освобождения советскими войсками в 1944 г.

Так как до вторжения гитлеровских войск, Карпатская Русь была частью Чехословакии, то после освобождения от оккупантов, территории вернулись в состав Чехословакии, и именно правительство чехов и словаков должно было принять окончательное решение о судьбе края. В апреле 1945 г. в ходе подписания Кошицкой программы, население должно само было принять решение о том, в каком государстве они хотя проживать. Так уже в 1946 г. Карпатская Русь вошла в состав УССР как Закарпатская область [61]. Для Чехословакии Закарпатская область не представляла большой ценности, так как там проживали национальные меньшинства, с которыми у ЧСР мог возникнуть новый виток разногласий. Вторым важным элементом было то, что обновленная ЧСР строилась как государство двух больших этносов, а с точки зрения некоторых политиков и как моноэтническое государство чехословаков, а потому чем меньше малых этнических групп было в ее составе, тем лучше.

Национальный фронт чехов и словаков - политическое объединение, главной целью которого было строительство нового государства. Планировался отход от ортодоксального чехословакизма, предложенного Бенешем. Это стало возможным благодаря словацкому национальному восстанию, которое изменило отношение чехов и уравнило два народа. Бенеш, и его сторонники, выступал за восстановление Чехословакии на прежних, но немного модернизированных принципах. Коммунистическая партия Чехословакии, которая только заручалась популярностью у населения, старалась обеспечить себе максимальную поддержку, как от чехов, так и от словаков, а потому Кошицкая программа, которая появилась не без их поддержки, закрепляла принцип равенства и самобытности словацкого народа.

В основу политической системы развивающегося государства закладывался принцип многопартийности, которая позднее исчезнет при установлении правящей роли коммунистической партии. Однако изначально Чехословакия развивалась на принципах «народной демократии», которая с точки зрения коммунистов была переходным этапом к социалистическому государству. Национальный фронт, как первая политическая площадка освобожденной и

объединенной Чехословакии, включал в себя по четыре партии от каждого государства. От Чехии: Коммунистическая партия Чехии (Далее - КПЧ), Чешская социал-демократическая партия (Далее - ЧСДП), Чешская национально-социалистическая партия (Далее - ЧНСП) и Народная партия (Далее - НП). От Словакии в НФ вошли: Коммунистическая партия Словакии (Далее - КПС), Демократическая партия (Далее - ДП), Партия труда и Партия свободы. Примечательно, что в момент основания НФ, от Словакии туда вошло лишь две партии: КПС и ДП. Это было связано с тем, что словаком требовалось куда больше времени для создания своих партий, чем чехам [31].

Народный фронт строился как типичная коммунистическая структура. У Чехии и Словакии были свои НФ, которые были отделениями Чехословацкого НФ. Даже на том уровне формирования политической системы ЧС, коммунисты от КПЧ и КПС получали большинство мест в парламенте, хотя речи о советизации Чехословакии еще не шло. Что касается других партий, то они были скорее придатком к КПЧ и КПС и понимали, что в будущем будут интегрировать в структуру компартии. Так ЧСДП даже в 45-46 гг. заявляла о своем желании «влиться» в ряды КПЧ, так как их идеи и принципы очень близки, однако на том этапе коммунисты не одобрили такого слияния. Что касается ЧНСП, то ее главным идеологом был Бенеш, который в свою очередь перенял основные идеи Масарика, большой популярностью партия у населения не пользовалась и была чисто парламентской структурой. Народная партия опиралась на помощь католической церкви и пользовалась успехом среди сельского населения [66].

Что касается Словакии, то там ситуация была более сложной. Несмотря на годы оккупации фашистами, в государстве успело сформироваться определенное количество мелких политических сил, таких как Аграрная партия, Словацкая национальная партия и т.д. Когда же появилась КПС, она не сразу получила поддержку, как населения, так и коллег по НФ. ДП изначально обходила КПС, так как состояла из маленьких политических сил, известных гражданам. Партии, сформировавшиеся только к 1946 г., Партия труда и Партия свободы, не успели завоевать свой электорат, и все время существовали лишь номинально.

Изначально Кошицкая программа провозглашала равноправие двух народов, чешского и словацкого, однако уже в начале 46 г. подписание трех Пражских соглашений началась фактическая централизация власти в руках чехов. В 1947 г. чехи казнили Йозефа Тисо как пособника фашистов. Построение чехами централизованного правительства, резко отличалось от противостояния между КПС и ДП Словакии, в котором заключалась вся двухпартийная система. По итогам Пражских соглашений словаки стали фактически подчиняться решениям Праги. Кроме того, на момент 1946 г. в Чехословакии просматривалась довольно четкая советская модель развития государства при одной правящей партии. Однако, Коммунистическая партия Чехословакии (Далее - КПЧС), которая задумывалась как сборный орган двух равновесных партийных структур, вышла с определенным перекосом в сторону чехов. По сути, КПЧС была Коммунистической партией Чехии, а КПС была всего лишь ее малочисленным региональным придатком.

В мае 1946 г. в Чехословакии прошли первые послевоенные парламентские выборы. По их итогам НФ фронт был заменен Парламентом Чехословакии, в состав которого вошло триста депутатов от Чехии и Словакии. Однако распределение мест не было пропорциональным. Так, чешские коммунисты получили в парламенте 38% мест, чешские национал-социалисты – 18,3%, НП Чехии – 15,7%, таким образом чехи получили более 70% мест в Парламенте. Словаки же получили лишь 28%, которые разделились следующим образом: ДП – 14,7%, КПС – 12%, Партия труда и Партия свободы по 0,7% каждая. Возглавил правительство лидер КПЧ – Клемент Готвальд [32].

Следующим важным этапом построения Чехословакии по Кошицкой программе стала национализация для тех, кто по программе попадал в категорию «коллорабационистов», а так же у венгров и немцев. По программе национализации, подрывался капитал олигархата, монополия становилась невозможной. В мае-июне 1945 г. проводится аграрная реформа, согласно которой все отчужденные земли могут быть получены крестьянами в аренду за умеренную плату. В Чехии процесс отчуждения земли прошел более болезненно и

масштабно, чем в Словакии, что было связано с большей территорией пахотных земель.

При правительстве Готвальда начинает воплощаться программа экономической перепланировки Чехословакии по советскому образцу. В историю даны процесс войдет как Двухлетний план восстановления экономики и хозяйства 1947-48 гг. Согласно плану, за эти два года Чехословакия должна была не только выйти на довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, но и превзойти его минимум на 10 %. Так же была запланирована широкомасштабная индустриализация Словакии. По сути именно в индустриализации, т.е. в выравнивание промышленных потенциалов двух республик, коммунисты видели решение словацкого вопроса.

В 1947 г. в Словакии началось давление на ДП со стороны КПС, которая так и не имела необходимой популярности у населения. Демократическая партия Словакии обвинялась в приверженности идеям Тисо и попытках расчленить Чехословакию и восстановить независимое Словацкое государство. Правительство, состоявшее в Словакии из Словацкого национального совета (парламента) и Корпуса уполномоченных (правительства), и в котором большее количество мест принадлежало ДП, было вынуждено уйти в отставку. Новое правительство было сформировано из КПС, а во главе стал коммунист Густав Гусак.

Густав Гусак был приверженцем коммунистического плана развития Чехословакии. Он считал, что лучшим вариантом будет федеративное государство, в составе которого каждый народ будет все делать самостоятельно. В то же время Готвальд говорил о том, что чешское общественное мнение не готово к такому повороту событий и ни о какой самостоятельности словаков пока говорить не приходится. Кошицкая программа была всего лишь предписанием, а не сводом законов, что делало ее применение, по вопросу равноправия наций, малоэффективным [35].

К началу 1948 г. политическая трансформация в Чехословакии продолжилась. На базе НФ сформировался ряд не только новых политических сил, но и разного

рода объединений: общественных организаций и профсоюзов. Население не однозначно восприняло отказ от присоединения к плану Маршалла, к которому в начале 48 г. хотел присоединиться Готвальд, но потом передумал под давлением Москвы. Засуха 1947 г. так же усугубила внутривластную ситуацию. По всей стране прокатилась волна протестов и забастовок. Готвальд объявил об отставке и роспуске НФ. Начались перевыборы, по итогам которых чехи хотели получить полную монополию в правительстве. Именно это стало причиной поглощения КПЧ всех остальных более мелких. В Словакии волна протестов была куда меньше и затронула лишь ДП. По итогам февральского кризиса 1948 г. Коммунистическая партия Чехии получила необходимую монополию, а Готвальд возглавил «обновленный» НФ [232].

КПЧ заручилась широкой поддержкой сильного католического лобби, пообещав, что ни одна реформа не затронет церковь. Однако все остальные сферы жизни населения были затронуты. Фактически ликвидировалось частное предпринимательство, национализация стала всеобъемлющей, аграрная реформа ликвидировала частное землевладение и вводила систему единых сельскохозяйственных кооперативов. В июне 1948 г. появилась новая конституция, которая закрепила все новшества и руководящую роль коммунистической партии.

Развитие политической системы при Готвальде было калькой советской системы. Словацкий вопрос лишь усугубился, когда его загнали в рамки одной партии – КПЧ. Словаки ощущали свою неспособность влиять на принятие решений в государстве и понимали, что снова вернулись к довоенному положению. Однако индустриализация Словакии шла по плану, и это давало словакам понять, что они так же могут развиваться самостоятельно не хуже чехов. Политические репрессии в Чехословакии времен Готвальда не были связаны с ликвидацией лишь антикоммунистического элемента. Те коммунисты Словакии, что выступали за равноправие народов в состав государства, были названы «буржуазными националистами» и подверглись репрессиям со стороны КПЧ.

Чешский историк Милош Госиоровский писал, что «чем больше укреплялись социалистические отношения, тем сильнее проявлялись тенденции к ограничению полномочий словацких национальных органов». Он описывает период, когда происходила фактическая чистка словацкой политической и культурной элиты под лозунгом борьбы с «буржуазными националистами». Стоит отметить, что данное явление наблюдалось лишь на территории Словакии. По маховик репрессий попало большинство словацких политиков и писателей, которые в период с 1943 по 1945 гг. предлагали заменить идею «советской Словакии», идеей «обновленной Чехословакии». Под прицелом оказались такие видные довоенные деятели как Густав Гусак, Иван Хорват, Карол Шмидке, Ладислав Новомеский. Все они были объявлены людаками, т.е. пособниками фашистов и либо отправлены в ссылки, либо были казнены. Таким образом, Словакия фактически лишилась всей своей политической элиты, государство было обезглавлено.

Население Словакии находилось в стрессовом состоянии. Даже простые граждане ощущали, насколько опасным стало говорить о правах словаков и равенстве наций. Ситуация стала еще более критической после того принятия новой Конституции, призванной закрепить политико-административную централизацию республики. Это привело к полной ликвидации словацкого самоуправления. У Словакии не было практически никаких органов власти не подчинявшихся Праге [70].

Словацкие коммунисты выступали за переформатирование государства на федеративной основе. По плану коммунистов-реформаторов, ЧССР должна была стать ЧСФСР, с полным равноправием чехов и словаков, что хоть немного сгладило словацкий вопрос. В октябре 1968 г. был принят Закон о федерации. Данный закон мог бы стать поворотным моментом в истории Словакии, если бы не январь того же года и избрание Александра Дубчека руководителем КПЧ. В начале, Дубчек так же считался реформатором и на него возлагались большие надежды. Суть предполагаемых реформ Дубчека заключалась в демократизации политической и общественной жизни ЧССР. К весне 1986 г., правительству Дубчека удалось практически отменить цензуру. Это привело к массовым

волнениям, так как начали всплывать различные факты, разоблачающие партию и выставляющие ее в негативном свете.

На волне демократизации в ЧССР стали появляться новые общественные организации, такие как Клуб ангажированных беспартийных (КАН), «К-231» - организация жертв политических репрессий, названная так по 231 статье Уголовного кодекса ЧССР. Данные организации выступали за углубление демократизации общественной и политической жизни, снижение роли партии в жизни государства и ориентацию на ценности Западной Европы. В апреле соратниками Дубчека была выдвинута «Программа действий», в которой звучал призыв к плюрализму мнений и конкурентной политической системе, так же программа разрешала создавать политические клубы, что и привело к появлению КАН и К-231. За ней последовал «Манифест двух тысяч слов» - документ, отражавший недовольство граждан медленной реформацией политического и общественного строя, и призывавший к уходу от консерватизма КПЧ и полному политическому плюрализму [43].

События января-августа 1968 г. войдут в историю под названием «Пражская весна». Они активно затронут жизнь Чехословакии, однако стоит отметить, что словаки участвовали в данных процессах куда менее охотно, чем чехи. Единственное, что получили словаки в процессе «Пражской весны», так это Словацкую грекокатолическую церковь, которая была упразднена советами в 1950 г.

Не смотря на то, что программа Дубчека не носила такого категорического характера, как, например, было в Венгрии в 1956 г., и не предлагала полного ухода от существующей политической системы, в СССР ее все равно рассматривали как потенциальную угрозу. Так же с точки зрения коммунистов, ситуация в Чехословакии могла перерасти в региональную угрозу дестабилизации всей Восточной Европы. Кроме того, ЧССР была частью ОВД, а значит она участвовала в советской системе коллективной безопасности, в расколе которой Советский Союз не был заинтересован. В начале, в марте 1968 г. действия Дубчека были подвергнуты жесткой критике со стороны других стран ОВД на

съезде коммунистических партий в Дрездене. В июле в адрес КПЧ было направлено открытое письмо от руководителей КП стран Восточной Европы. Дубчек осознавал масштабы угрозы, понимал, что предупреждения его коллег из других стран об опасности принимаемых им мер не безосновательны. Стоит отметить, что у Александра Дубчека точно была довольно крепкая опора на западе, так как решится на столь опасные действия без каких-либо гарантий, было политическим самоубийством. Подтверждением этому предположению станут дальнейшие события «Пражской весны» и тот факт, что по ее завершению Дубчек благополучно покинул страну и переехал жить в США на долгие годы [58].

В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. «Пражская весна» была подавлена введением в ЧССР войск стран ОВД. Существует несколько противоречивых фактов о том, что стало причиной ввода войск и всех дальнейших действий в ЧССР. По сведениям советского дипломата Валентина Фалина: «16 августа, то есть за четверо суток до нашего вторжения в ЧССР, Брежневу звонил Дубчек и просил ввести советские войска. Как бы чехи ни старались замолчать данный факт, запись телефонного разговора хранится в архиве» [62]. По другой версии данного разговора не было и это был лишь маневр советского руководства, критикуемого за его действия в ЧССР. Если все же предположить, что данный разговор был, то очень много вопросов вызывают дальнейшие события, происходившие в Праге.

Население массово выходило на улицы города. Оповещение шло по подпольным радиостанциям, из которых чехи и узнали о вторжении войск ОВД. Люди забрасывали бронетехнику бутылками с зажигательной смесью и строили баррикады на пути танков. По примерным подсчетам, за все время военной операции в Чехословакии погибло более ста мирных жителей, более пятисот было ранено. В Высочанах начался подпольный XIV съезд КПЧ, на котором не присутствовали представители Словакии. Высочанский съезд призывал коммунистов всего мира осудить вторжения советских войск. В то время Дубчек и его соратники уже были доставлены в Москву. Изначально планировалось арестовать всех «реформаторов» и создать временное революционное правительство, однако Высочанский съезд и акции массового гражданского

неповиновения заставили Москву изменить планы и пойти на договор с Дубчеком. В итоге был подписан Московский протокол, состоявший из 15 пунктов и означавший сворачивание всех демократических реформ и конец «Пражской весны».

Сейчас, по прошествии времени, можно сделать выводы о том, что «Пражская весна» начиналась не для достижения близких целей – достижения политического плюрализма и решения национальных вопросов. Это была бомба замедленного действия, катализатор последующей «бархатной революции». На волне «Пражской весны» в Чехии появятся диссиденты, которые выйдут на акции протеста в августе 1968 г.[43]. После окончания «Пражской весны» диссиденты Чехословакии, состоявшие практически полностью из чехов, покинут государство и будут находиться в США до самой бархатной революции.

На решение словацкого вопроса «Пражская весна» никак не повлияла. Словаки были лишь сторонними наблюдателями всех процессов и мало участвовали в акциях протеста. Практически всё пострадавшее мирное население – это чехи. Даже тот факт, что на Высочанском съезде присутствовала только, чешская ячейка Чехословацкой коммунистической партии, говорит о том, что словаки и их мнение не учитывалось в ходе «Пражской весны». Не появилось в Словакии и диссидентов. Политическое крыло во главе с оправданным после репрессий, Густавом Гусаком, поддерживало Дубчека, однако довольно пассивно. Эта поддержка была основана скорее на страхе перед возможным возобновлением репрессий, чем на реальном согласии реформам. Все время, что шла «Пражская весна», словаки готовили свой закон о федерации. В итоге, так как Москва должна была пойти на определенные уступки ЧССР, Закон о федерации был принят. Таким образом, с октября 1968 г. Чехия и Словакия стали равноправными субъектами федерации[2].

Однако федеративность так же носила скорее номинальный характер. Децентрализации ЧССР не произошло. Это было связано с тем, что самостоятельно словакам было сложно добиваться своих прав, а Московское руководство было больше обеспокоено урегулированием ситуации, второй виток

которой начался после самосожжения на Староместской площади в Праге студента Яна Палаха 16 января 1969 г. Сам студент якобы призывал вернуться на путь реформ и полностью оправдать Дубчека и Высочанский съезд. Ответом на это происшествие стали массовые демонстрации в Праге. Несколько студентов также пытались повторить поступок Палаха, однако их удалось спасти.

Советское давление на Дубчека возрастало с каждым днем. В итоге появился план «нормализации», который должен был устранить все последствия «Пражской весны». В сентябре 1969 г. ЦК КПЧ приняло решение об отмене всех решений Высочанского съезда. В 70-е началась экономическая реформа. С ее помощью советские надеялись вновь заручиться поддержкой населения. Она предполагала повышение зарплат при замораживании цены на продукты питания. В целом либерализация экономики совместно с наращиванием темпов промышленности и вливанием средств на развитие сельского хозяйства, в особенности в Словакии, привела к тому, что в период с 1971 по 1975 гг., в Чехословакии был второй уровень жизни населения в социалистическом лагере[27].

Однако на назревающий кризис это уже не могло повлиять, ведь корни проблемы не носили экономического характера. С одной стороны были чехи с их демократическими устремлениями на Запад, с другой словаки с неразрешенным национальным вопросом. Чем сильнее в Словакии развивалась промышленность, тем увереннее чувствовали себя словаки на политической арене. В середине семидесятых в Словакии начнется активный рост политического сознания словаков. В Коммунистической партии Чехословакии намечался явный раскол. КПЧ выступало за централизацию и продолжение существования государства в прежних рамках, а КПС требовало не только номинальной, но и фактической федерализации. В 1975 г. Густав Гусак стал президентом Чехословакии, однако это не приведет ни к каким существенным изменениям.

В период с 1975 г. и до начала «бархатной революции», чехи займут однозначную позицию. Политику «нормализации» они интерпретируют как «нормализацию» словаков, т.е. возвращение к их прошлому состоянию, к тому, что

было до 1968 г. Запуганные словаки с репрессированной интеллигенцией, вызывали куда большее одобрение чехов, чем обновленный словацкий народ и его стремление получить свою власть в государстве. В то время как в Чехии росло диссидентское движение, возглавляемое Вацлавом Гавелом, в Словакии росли протестные настроения против самих чехов. «Хартия-77» 1975 г. и ее подписание спровоцировала новый виток репрессий со стороны советской власти. Гавел будет осужден и Чехия окончательно выйдет на тропу войны с Москвой. Рост протестных настроений будет продолжаться до января 1989 г., когда будет разогнана демонстрация в память о Яне Палахе. Это приведет к активной фазе противостояния.

По всей Чехословакии шли демонстрации. Движущей силой протеста выступали студенты. Несмотря на то, что первые акции были санкционированными, власти все равно их разгоняли, чем лишь усугубляли ситуацию. В Словакии активно подогревалась тема национального вопроса и всех обид, которые у словаков были по отношению к чехам. В ноябре 1989 г. в Чехии появится Гражданский форум (ГФ), ответом на который в Словакии станет Общество против насилия (ОПН). Эти две политические силы станут основой «бархатной революции», а в декабре 1989 г. Гавел станет президентом Чехословакии [24].

Революция шла не без активных политических трансформаций даже в новообразованных оппозиционных силах. Так к 1990 г. Гражданский форум раскололся на Гражданское крыло под руководством Гавела, Гражданскую демократическую партию Вацлава Клауса и Гражданский демократический альянс. Все эти силы пришли к власти на первых многопартийных выборах, оттеснив коммунистов, получивших 13% голосов. В Словакии из ОПН выйдет партия Движение за демократическую Словакию (ДЗДС) под руководством Владимира Мечьяра, которое победило на выборах. Кроме ДЗДС, победу одержали Христианско-демократическое движение Словакии и Христианско-демократическая уния [71].

На момент начала «бархатного развода», в Словакии был глубокий экономический кризис, причиной которого стали реформы Гавела. Это являлось главным аргументом Мечьяра за разделение Чехии и Словакии. Данную идею активно поддерживала словацкая эмиграция в США. В Федеральном Собрании Чехословакии вновь стали звучать споры о том, как правильно писать название государства. Словаки настаивали на написании «Чехо-Словакия» через дефис. Выходом стала смена названия на «Чешская и Словацкая Федеративная Республика». Только казалось, что споры урегулированы, как словаки начали настаивать на пропорциональном разделении полномочий в правительстве. В 1991 г. правительство Мечьяра сменил правительство Чарногурского, однако это не повлияет на ситуацию в Словакии. Более мягкий Чарногурский мог пойти и на компромисс с чехами, но это было уже невозможно сделать [24].

Словаки начали добиваться конфедерации и полного пересмотра Конституции ЧСФР. Чехов не устраивал такой вариант развития событий, они не хотели уступать словакам ни кресел в правительстве, не тем более идти на изменение государственного строя. Наконец стало понятно, что словацкий вопрос будет решен в ближайшие годы вне зависимости от желания чехов либо кого-то еще. Накануне парламентских выборов 1992 г. большинство чешских партий дало понять, что ни о какой конфедерации речи не идет. Так же чешское правительство отказывалось провести децентрализацию власти и дать словакам возможность самостоятельно осуществлять внешнеполитическую деятельность.

В результате, на выборах 1992 г. к власти в Словакии вернулся Мечьяр, который обвинил Чарногурского в излишней мягкости, а словакам объяснил, что никакая конфедерация не поможет им в решении национального вопроса. В Чехии Вацлав Клаус убедительно обошел все соперников. По итогам переговоров Мечьяра и Клауса было принято решение о разделе ЧСФР на два независимых государства: Чешскую Республику и Словацкую Республику. 1 января 1993 г. на карте Восточной Европы появилось два новых государства, завершив более чем семидесятилетний путь словаков к решению их национального вопроса [71].

История становления словацкой государственности неразрывно связана со «словацким вопросом». Это вопрос комплексный, затрагивающий как национальную идентичность словаков, так и ориентацию Словакии на международной арене. Его появление можно отнести к периоду распада габсбургской монархии в 1918-20 гг., когда по итогам Трианонского мирного договора на руинах Австро-Венгрии возникла Чехословакия, и словацкий социум встал перед необходимостью формирования собственной политической системы и своих элит. До 1989 г., то есть до момента «бархатной революции», значительная часть внутривнутриполитической жизни Чехословакии была сосредоточена на решении этого вопроса.

Таким образом, характерными чертами «словацкого вопроса» стала прерывистость и дезинтеграция национальной идентичности, всецелая уступчивость вместо преимущества в политическом мышлении, что было обусловлено двумя факторами. Во-первых, за всю историю существования самобытного словацкого этноса, у него практически не было собственного национального государства. Словацкий народ фактически существовал и развивался в рамках венгерского государства, что не позволяло проследить естественную национальную эволюцию в рамках национального государства. Во-вторых, геополитическое положение Словакии, находящееся на стыке Востока и Запада, приводило к тому, что государство постоянно попадало под разные сферы влияния.

Анализ коммунистического способа решения словацкого вопроса позволяет сделать вывод, что он предполагал индустриализацию, с помощью которой планировалось сделать Словакию равноценным субъектом государства, а не дотационным придатком, то есть, в конечном счете, добиться экономического и культурного выравнивания двух субъектов – Чехии и Словакии. Сама стратегия развития государства по такому плану практически сразу нашла отклик среди словацкой интеллигенции.

События января-августа 1968 г. войдут в историю под названием «Пражская весна». Они активно затронут жизнь Чехословакии, однако стоит отметить, что

словаки участвовали в данных процессах куда менее охотно, чем чехи. Потеряв практически всю политическую элиту, они со стороны наблюдали за процессами в соседнем государстве. Единственное, что получили словаки в процессе «Пражской весны», так это Словацкую грекокатолическую церковь, которая была упразднена советской властью в 1950 г.

Можно сделать вывод о том, что «Пражская весна» начиналась не для достижения близких целей – достижения политического плюрализма и решения национальных вопросов. Это была бомба замедленного действия, катализатор последующей «бархатной революции». На волне «Пражской весны» в Чехии появятся диссиденты, которых будут всячески поддерживать диссиденты из Москвы, которые выйдут на акции протеста в августе 1968 г. После окончания «Пражской весны» диссиденты Чехословакии, состоявшие практически полностью из чехов, покинут государство и будут находиться в США до самой «бархатной революции».

В период с 1975 г. и до 1989 г., чехи займут однозначную позицию. Политику «нормализации» они интерпретируют как «нормализацию» словаков, т.е. возвращение к их былому состоянию, тому, что было до 1968 г. Запуганные словаки с репрессированной интеллигенцией, вызывали куда большее одобрение чехов, чем обновленный словацкий народ и его стремление получить свою власть в государстве. В то время как в Чехии росло диссидентское движение, возглавляемое Вацлавом Гавелом, в Словакии росли протестные настроения против самих чехов, что приведет к активной фазе противостояния.

Итак, «словацкий вопрос», как проблема национально самоопределения, сыграл большую роль в распаде Чехословакии. Изначально задуманное как унитарное государство равных народов, Чехословакия не смогла выполнить своих функций, постоянно ущемляя права словаков. Чешская нация, будучи более развитой политически, сделала Словакию дотационной и крайне не самостоятельной частью государства. Долгие годы словаки находились в тени своих более развитых соседей, не имея возможности добиться равноправия ни в одной сфере жизни общества.

Кроме того, ни один из вариантов решения словацкого вопроса не был действенным и просто на время скрашивал существующие противоречия. Таким образом, многонациональная Чехословакия как государство не состоялась именно из-за существующих неразрешенных этнических вопросов. Попытка чехов как народа большинства подавить словаков, заставить их поверить, что их нации никогда не существовало и все это время они были отколовшейся частью чешского народа, успехом не увенчалась. Словаки хоть и были политически и культурно менее развиты, свою самобытность не потеряли.

Анализ событий позволяет утверждать, что на протяжении всей своей истории словаки искали тех, кто будет решать их судьбу, подскажет, как развиваться и каких ориентиров придерживаться. Вначале это были венгры, потом словаки надеялись на чехов, мечтали о русской помощи, потом попали под влияние фашистов, затем коммунистов. С обретением независимости произошла самоизоляция. Вступление в Европейский Союз, привело к тому, что он и решает теперь многие аспекты развития государства.

Таки образом, «словацкий вопрос» и его длительная история показывают, как важно народу осознать свое предназначение и самостоятельно выбрать внешнеполитические ориентиры. Под определенным давлением Запада, Чехия сама вывела ЧСФР на тропу раскола, специально обостряя «словацкий вопрос». Можно говорить, что чехословацкая «бархатная революция» была одной из первых цветных революций в мире. Республика распалась по внешнему сценарию. Возможно, если бы не внешнее давление, то чешские политики пошли по иному пути, наставляя, а не подавляя своих словацких коллег.

Глава II Институциональные процессы в посткоммунистической Словакии: 1993-1998 гг.

2.1 «Мечьяризм» - как феномен словацкой посткоммунистической трансформации

Формирование независимого Словацкого государства было сопряжено с большими трудностями. Требовалась полная модернизация, как политической жизни страны, так и социально-экономической сферы. Было понятно, что коммунистическая партия постепенно теряет свое влияние, её электорат уменьшается. Встала необходимость построения не только новой партийной системы, в которую вошли бы различные политические силы и движения, но и четкого определения внешнеполитического курса Словацкой Республики. Эйфория первых месяцев независимости, сопряженная с надеждами на жизнь в качественно новом демократическом государстве, не стала толчком к трансформации политического сознания словацкого общества. Возможно, именно поэтому к власти пришел человек, который в течение длительного периода времени тормозил развитие страны и свернул все возможные демократические инициативы и программы. Период руководства правительства Владимира Мечьяра вошел в историю как период «Мечьяризма». Этим термином принято называть авторитарный и жесткий курс, которым премьер руководствовался в своей политике [9].

Еще, будучи в составе Австро-Венгрии, словаки задавались вопросом о своем историческом предназначении и возможных путях его реализации. Из-за существовавшего на протяжении долго периода влияния немцев, венгров и чехов, словаки придали своему национальному вопросу особый характер. За более чем

семидесятилетнее существование Чехословакии, Словакия несколько раз получала то автономный, то федеративный статус, то вновь возвращалась в унитарное государство.

В чешском государстве была сформирована политическая элита, способная самостоятельно реализовывать внутреннюю и внешнюю политику. Однако в Словакии дела обстояли иначе. Её слабая политическая элита опиралась на решения чешских коллег, что предопределило формирование политики «чехословакизма», как специфического внутривластного феномена [37].

Как мы уже подчеркивали, коммунистический вариант разрешения «словацкого вопроса», был самым привлекательным. Хотя словаки не поддерживали коммунизм как таковой. Политика партии, направленная на индустриализацию и повышение уровня жизни населения, заработала доверие общества и смягчила существующие острые углы. На смену идеи «чехословацкого народа», пришла идея «советского человека», которая хоть в корне и не отличалась, но сулила новые горизонты и воплощение идей ирредентизма [13].

Среди стран Центральной и Восточной Европы, ставших после «бархатных революций» на путь демократического развития, Словакия выделялась быстрым сворачиванием процессов консолидированной демократии. Республику принято считать исключением в этой группе государств. Под влиянием «словацкого вопроса», который в полной мере не был разрешен даже к моменту образования независимого государства, внешняя и внутренняя политика Словакии стояла на позициях отрицания чехословацкого прошлого. Поэтому можно с уверенностью сделать вывод, что государство пошло по своей траектории развития - восточно-европейской.

Все наследие чехословацкого периода практически прекратило свое существование после прихода к власти Владимира Мечьяра в 1994 г. Именно этот политический деятель создаст в Словакии условия, вследствие которых государство, единственное из всей Вышеградской группы, не будет приглашено

для участия в интеграционных процессах захлестнувших Центральную и Восточную Европу.

Само собой, Словакия не была уникальным историческим случаем. В тот момент, когда социалистический лагерь распался и на политической арене Европы появился ряд новых независимых государств, вместе с ними возникла и проблема установления нового политического режима. С коммунизмом было покончено, однако новая партийная система не успела сформироваться. Многие объединения и гражданские организации, которые участвовали в подготовке и проведении «бархатных революций», не имели достаточной поддержки среди населения. Поэтому первые выборы показали политическую пассивность и неопределенность как населения Центральной и Восточной Европы, так и Словакии [60].

По сравнению с соседними государствами, словаки вынуждены были одновременно решать большой перечень исторически и политически обусловленных задач. Кроме проблем переходного характера, Словакия вынуждена была решать проблемы культурно-исторического характера.

«Бархатный развод» не дал времени населению взвесить все за и против возможного нового статуса. В отличие от Чешской Республики, которая опиралась на значительный исторический опыт формирования независимого государства, словакам было сложно найти тут почву, на которой смогло бы зиждется их общество. Короткий период независимого военного словацкого государства 1939-1945 гг. не могло быть положительно использовано ни одним политическим лидером, даже таким одиозным как Владимир Мечьяр.

Само историческое соотношение недемократических и демократических сил в Словакии на протяжении истории было постоянно изменчиво, что делало затруднительным установление и развитие демократического общества. Сам процесс демократизации не был столь важным, как процесс формирования нового, политически активного гражданина, который смог бы влиять на формирование и развитие государства. Формирование акторов внутригосударственной арены проходило тяжело и практически неподъемно для

общества, стоящего на распутье. Словаки на протяжении всей своей истории тяготели к выбору уже готовой модели политического развития. Можно с уверенностью сказать, что все существовавшие в Европе формы модернизации рано или поздно попадали и в Словакию. Аграрное и сильно подверженное католическому влиянию общество плохо поддавалось политическому реформированию.

Во времена Австро-Венгрии Словакия находилась под влиянием Венгерской части империи, а Чехия – Австрийской, что обусловило различия в формировании общественной и политической жизни государства в дальнейшем. Стоит отметить, что сама Венгрия развивалась по периферийной модели модернизации и после 1991 г. находилась в таком же состоянии, что и Словакия. Похожие проблемы были и в Польше.

Отпечаток, оставленный запоздалым периферийным типом модернизации, был менее заметен в странах, у которых была собственная история государственности. Кроме того, в Словакии главный источник политической поляризации находился больше в плоскости культурного конфликта, в то время как в других странах региона он был в сфере социально-экономической.

Особенно сильно на укрепление авторитарных тенденций в государстве влиял фактор отсутствия политических элит и регулярные санкции по отношению к «нежелательным» группам, проводимые на всех этапах становления государства. Само население было политически пассивным и одинаково спокойно отнеслось как к созданию Чехословакии в 1918 г., так и к возникновению независимой Словакии в 1993 г. Так же стоит отметить, что доля равнодушного населения чередовалась с теми, кто не имел вообще никакого представления о дальнейшей судьбе и развитии государства. Кроме того, Братислава никогда не имела статуса крупного политического центра. Сначала все решения принимались в Будапеште и Вене, затем в Праге, позднее в Берлине и Москве. Даже столь значимые для словацкого народа события, как Пражская весна и «бархатная революция», происходили практически без участия словаков, в столице Чехословацкой республики, Праге. Таким образом, одновременное формирование

государственного строя и демократическая консолидация общества привело к тому, что пострадали и не достаточно быстро эволюционировали оба процесса. А потому приход к власти тоталитарного Виктора Мечьяра не кажется уникальным случаем.

Мирное разделение Чехии и Словакии уменьшило шансы синхронного развития двух государств. Вопросы национальной идентичности и собственной государственности стали фактором поляризации словацкого общества на всех уровнях: от элит до простых граждан. Кроме того, после 1993 г. усилились споры по всем спектрам общественной жизни, от национальной идентичности и прав этнических меньшинств до экономической трансформации и стиля правления Мечьяра.

Вопрос венгерского национального меньшинства всегда занимал особое место в политике Словакии. После распада Австро-Венгрии на территории Чехословакии образовалось весомое инациональное меньшинство. В Чехии это привело к поддержке немецкого вторжения в Судетской области, а в Словакии к постоянному межэтническому напряжению между словаками и венграми. Кроме венгерского меньшинства, Братислава должна была выработать основную линию касательно еще одной этнической группы – ромского (цыганского) населения. Это все привело к осложнению и без того не простой политической ситуации. Со временем данные проблемы выльются в предмет борьбы между партиями. Однако сам Мечьяр не ставил решение данных вопросов на передний план, предпочитая сосредоточиться на экономической сфере [68].

О том, что демократический переход в Словакии будет происходить в осложненной форме, говорил характер коммунистического режима, который существовал там в 90-е гг. По сути, коммунистический режим в Словакии носил национально-приспособленческий характер, особенностью которого была традиция «воздействия» на элиты снизу.

Местные парламентские выборы в Словакии 1990 г. привели к власти коалицию, состоящую из Христианско-демократического движения (далее ХДД) и Общества против насилия (далее ОПН). После распада ОПН и создания

Владимиром Мечьяром Движения за демократическую Словакию (далее ДЗДС) в стране существенно изменился не только баланс сил, но и вектор развития.

Основой для развития демократической политической системы Словакии стало недлительное руководство Яна Чарногурского и некоммунистического правительства. Основатель Христианско-демократического движения, пришел к власти после первого отстранения Мечьяра в 1991 г. и продержался на посту премьер министра до выборов 1992 г., когда победу одержала партия Движение за демократическую Словакию Владимира Мечьяра [70].

При правительстве Чарногурского в Словацкой Республике, еще в составе Чехословакии, были заложены необходимые основы государственного развития. По сути это был короткий период либерализации, пускай и ограниченной, под контролем коммунистов. Стоит отметить, что под конец существования коммунистической Чехословакии, сама компартия не применяла жестких методов контроля над развитием государства и создавала возможность для формирования альтернативных сил. Была установлена парламентская форма правления и пропорциональная избирательная система, что крайне положительно повлияло на дальнейшее формирование государства. Даже в настоящий момент, Словацкая Республика в полной мере использует ту модель, которую заложил Чарногурский в 1991 г. [64].

После выборов 1994 г. третье правительство Мечьяра попытается изменить установленные ранее демократические условия. Им были предприняты попытки изменения конституционного строя, касающиеся системы власти и пропорциональной избирательной системы. Победив на выборах, ДЗДС будет настаивать на изменении формы правления в сторону президентской республики. Единственное, что помешало свершиться этому факту, было отсутствие необходимого количества голосов в парламенте в пользу конституционных изменений. Кроме того, сам процесс принятия конституций в странах Центральной и Восточной Европы вызывал множество вопросов и сильно критиковался, равно как и их содержание. Однако именно этим конституциям

удалось удержать ситуацию в рамках закона даже в таких сложных случаях как в Словакии [63].

Как и многие другие конституции стран региона того периода, главный закон Словакии представлял собой наспех составленный документ с множеством противоречий в отдельных положениях. Но именно эта конституция стала на пути коалиции Мечьяра стремящейся реализовать авторитарные замыслы. Поэтому ошибочным является мнение, которое считает основной проблемой несовершенную конституцию. По сути, Конституция Словакии 1993 г. представляет собой инструмент политической стабилизации в переходный период. Её анализ позволяет выделить основные проблемы, с которыми столкнулось общество в самом начале. Так согласно ст.1 Конституции: «Словацкая Республика есть суверенное, демократическое и правовое государство. Оно не связано ни с какой идеологией или религией»[242]. То есть, прямой отказ от коммунистической идеологии не присутствует, но читается между строк.

Вторым важным вопросом, особо сильно волновавшим Мечьяра, из-за которого и планировалось внести изменения в главный государственный закон, был вопрос приватизации, и её допустимых объемов. В ч.1 ст. 55 Конституции Словакии сказано, что «экономика Словацкой Республики основывается на принципах социально и экологически ориентированной рыночной экономики» [242]. По сути это и стало основой для приватизационного законодательства, с учетом того, что сама приватизация началась еще в Чехословакии. Сначала, во время первого этапа приватизации, в 1990 году, в частные руки были переданы малые государственные предприятия. Затем, уже во время правительства Мечьяра, прошла вторая волна приватизации, которая предусматривала передачу и крупных промышленных объектов без учета экономических особенностей тех или иных регионов страны. Усугублял ситуацию Закон о реституции, задачей которого было возвращение незаконно национализированного в 1948 г. В результате, вместо перехода к рыночной экономике, Словакия погрязла в судебных тяжбах по вопросам передачи имущества и «спорным предприятиям».

Можно утверждать, что весь авторитарный элемент правления партии ДЗДС проявлялся именно в экономических вопросах. Для консолидации и дальнейшей интеграции Словакии была необходима рыночная экономика, но правительство делало все возможное, чтобы этого не случилось.

Существенным недостатком Конституции, повлекшим за собой множество инсинуаций со стороны правительства Мечьяра, был размытый контур самой государственной формы правления. Закладывая базис для парламентской республики, Конституция существенно усложняла понимание роли президента и его выборов. Необходимые для выборов три пятых голосов депутатов выглядели мало возможными в многопартийном парламенте. Однако, только после выборов 1998 г. удастся изменить существовавшие недостатки и перейти к прямым выборам президента [242].

Сегодня идут постоянные споры о том, могла ли более совершенная Конституция ускорить процесс консолидации в Словакии или нет. Конечно, единственно верный ответ получить крайне сложно. Но есть основания полагать, что все же Конституция не была основополагающим фактором.

Залогом успеха авторитарного режима Мечьяра и его «долгожительства» можно считать часто сменяющиеся в Словакии политические режимы. На пике свержения коммунистической модели, при невыясненном варианте дальнейшего развития общества, полемика ДЗДС о будущем государства выглядела крайне привлекательно. Стоит отметить, что за коммунистов в Словакии активно практически не голосовали. Так, в 1946 г. аграрная и католическая Республика не поддержала их на выборах. Зато позднее, в условиях тоталитаризма, коммунистическая идеология «уравнительства» и общее улучшение условий жизни населения, помогло компартии добиться широкой поддержки. Важно помнить, что сам коммунизм в Словакии носил специфический характер, и это делало его непохожим на коммунизм в соседних государствах. Словацкая коммунистическая модель может быть названа «семейной». Она характеризовалась куда более мягкими санкциями за правонарушения чем, например, в Чехии [68].

Словацкое общество можно охарактеризовать как крайне адаптивное к различным формам государственных режимов. Народ научился «смягчать» любые существующие углы и выживать в любых условиях. Так, либерально-ориентированных диссидентов в Словакии, в отличие от многих государств социалистического лагеря, практически не было. Единственными, кто довольно быстро отделился от режима к середине 80-х гг., были католические структуры. Затем к ним присоединилась формирующаяся элита из общественных и культурных деятелей и экологических движений. Вообще можно выделить три волны выступлений крайне пассивного словацкого общества против существующего строя. Это восстание против немецких захватчиков в 1944 г., общественное несогласие 1989 г. и мобилизация против правительства Мечьяра в 1998 г. [60].

Главной причиной популярности Владимира Мечьяра стала экономическая ситуация на момент 1989 г. После волны революций и распада экономического сообщества прокоммунистических стран, были потеряны основные рынки сбыта товаров и экономические ориентиры в целом. Для Чехии этот процесс был менее болезненным, чем для Словакии, что стало толчком для нового витка недовольства и роста напряженности между чехами и словаками.

После любых революционных событий, какими бы по своему содержанию они не были, население традиционно ожидает улучшений во всех сферах жизни. Однако история показывает, что чаще все происходит наоборот. То же самое произошло и в Чехословакии. Народ пребывал в определенной эйфории по факту свершившейся «бархатной революции» и ожидал новой жизни под знаменами консолидации и рыночной экономики. Однако вначале ожидания не оправдались. Рост межнациональной напряженности достиг нового уровня. Добавившиеся новые экономические трудности на фоне куда более процветающей Чехии сформировали мнение среди населения необходимое для раскола государства.

Согласно проводимым опросам общественного мнения, как во время «бархатной революции», так и после десятилетия существования независимого словацкого государства, та часть населения, которая могла быть названа

либерально ориентированной, выступала за сохранение целостной Чехословакии. Отсюда можно сделать вывод о том, что если бы состоялся референдум по вопросу дальнейшей судьбы государства, солидный пласт населения выступил бы против раскола.

Правительство Мечьяра, как и их чешские коллеги, было заинтересованно в формировании двух новых государств без общественного противостояния. Стоит вспомнить по революционную тенденцию, существовавшую в чехословацком обществе и проявившуюся во время «Пражской весны» и «бархатной революции», по итогам которой, как раз и пытались провести трансформацию государственного строя.

Либерально настроенное население, по сути - федералисты, потерпели поражение по итогам выборов 1992 года и установления власти ДЗДС. Тот факт, что правительство было сформировано из националистов и посткоммунистических левых, обусловил ослабление влияния федеральных властей. Данные политические группы поддержала прослойка населения, недовольная экономическими трудностями, ответственность за которые возлагали на чехословацкое руководство [63].

Популистские идеи о том, что ухудшение экономической ситуации выгодно приверженцам федерализма добавило напряжения в словацком обществе. Произошел внутренний раскол, поделивший общество на две группы: политически активную, состоящую из приверженцев федерализации и их оппонентов, и куда более широкую группу аполитичных граждан. Можно смело говорить о том, что аполитичный слой населения своим полным бездействием помог сформироваться правительству ДЗДС даже более чем их политические приверженцы.

Полную персонификацию Движения за Демократическую Словакию Мечьяр провел за четыре года и к 1994 г. само ДЗДС имело вполне определенную электоральную поддержку. Это была группа людей, которых объединяли общие проблемы. По сути это были те слои населения, интересами которых никто не занимался во время краха прежней системы. Резко лишившись всех социальных

гарантий, определенные группы словацкого общества горячо поддерживали риторику премьер-министра [41].

Сам Владимир Мечьяр проводил политику «мобилизации масс», которая позволила ему не только персонифицировать ДЗДС, но и в определенной степени «люмпенизировать» электорат. Методика заключалась в том, что каждый месяц в Братиславу свозили жителей из сельской местности на митинги. Так как одним из первых действий Мечьяра в независимой Словакии была практически полная ликвидация средств массовой информации, на такого рода мероприятиях не присутствовало никого, кто мог бы освещать событие для всего народа Словакии.

Митинги Мечьяр проводил лично, порой часами рассказывая о заговорах против своей персоны и политических интригах, имевших место в государстве. Его оппоненты неоднократно упрекали политика за бестактность, так как он мог позволить себе обнародовать имена вполне конкретных государственных деятелей, якобы ведущих подпольную деятельность по подрыву существующего строя. Такого рода разглашение информации могло не только разрушить репутацию названного лица, но и создать вполне реальную угрозу жизни и здоровью.

Согласно опросов очевидцев, на митингах сторонников ДЗДС были инциденты, когда толпа набрасывалась на человека, которого они принимали за журналиста или шпиона. Это было не сложно сделать, так как посторонним на эти действия вход был закрыт и многие митингующие прекрасно знали друг друга.

В своем правительстве Владимир Мечьяр так же придерживался идеи персонификации. Даже те члены Кабинета Министров, которые были выходцами из Движения за демократическую Словакию, не имели практически никакой власти и полностью зависели от решений премьер-министра. Это делалось с той целью, что население будет понимать незаменимость своего лидера. Тактика была оправданной, так как до 1998 г. власть Мечьяра оставалась незыблемой [63].

Однако, то, что даже высшие министерские чины не могли принимать самостоятельных решений и полностью зависели от своего руководителя, не могло не сказываться на ситуации в целом. Партийная и правительственная

персонификация так же шла в разрез с политикой приватизации, занимавшей центральное место в деятельности премьер-министра. Стоит отметить, что правительство не отметало идей политического плюрализма, но стремилось сохранять полноту власти в руках правящей партии.

Сходство «Мечьяризма» и «коммунизма» давало толчок для ряда обоснованных сравнений между данными формами государственного устройства. Объектами сравнения были не только попытки установления власти одной партии, но и все методы, нечуждые Мечьяру. Так для борьбы против политических оппонентов он использовал, аналогичные коммунистическим, методы запугивания и давления на политических оппонентов. При этом политик пользовался услугами тайной полиции и наемных бандитов, что давало основания критикам говорить о «бандитских методах» премьер-министра [70].

В том, что касалось политики в вопросах свободы слова, то она не отличалась от общего направления в рамках «Мечьяризма». В целом средства массовой информации находились под жестким государственным контролем, а «неугодные» журналисты подвергались угрозам и репрессиям.

Само поведение Мечьяра было крайне развязным. Он мог позволить себе любую выходку, подтверждением чему может служить «инцидент с часами». Произошел «инцидент» в 1997 г., когда Владимир Мечьяр распорядился о том, чтобы часы, которые было видно из окна кабинета президента Ковача, показывали не время, а дни, оставшиеся до окончания президентского срока. Причем количество дней указывалось не так, как прописано в Конституции, то есть с момента вступления в должность, а со дня избрания Михаила Ковача в должность.

Таким образом, Мечьяр не только показывал, что стоит выше закона, но и настаивал на более ранней отставке президента. Хотя сама временная разница между сроком конституционным и тем, что предлагал премьер-министр, была не существенной. Причиной для такого поведения была критика в адрес Владимира Мечьяра от бывшего однопартийца Ковача. Вернуть часам их прямое назначение

Мечъяр отказался даже после того, как оппозиция официально осудила его действия в парламенте [63].

Несмотря на такую деятельность правительства, Словакия не стала закрытым государством. Причиной тому является Конституционная система, а также отсутствие поддержки Мечъяра из-за рубежа. Среди западных исследователей бытует мнение о том, что Владимир Мечъяр пользовался помощью российского правительства, что не имеет за собой достаточного обоснования. Российская Федерация продолжала поставлять энергоносители по льготным ценам, не означало политическую поддержку премьера. Скорей это делалось по причине того, что внутривластная ситуация отвернула от Словакии западных партнеров и народ остался со своими проблемами лицом к лицу. Исторические связи Словакии с Россией были довольно прочными, что позволило правительству сохранить льготные цены на некоторые товары.

«Мечъяризм» стоит особняком среди множеств авторитарных режимов. Его сложно однозначно характеризовать. Не смотря на множество сходств, присущих всем монархическим однопартийным режимам, «мечъяризм» имел свои особенности. При тоталитарной системе, закон может и не выполнять своих главных функций по защите основных прав человека, но в любом случае он будет хотя бы поддерживать основания для действий власти.

Однако «мечъяризму» не удалось разрушить институты власти, хотя сам уровень демократичности общества снизился. Единственное, что удалось сделать Владимиру Мечъяру в попытке трансформации выборных институтов, были поправки к Закону о выборах, которые в итоге усложнят жизнь его оппонентов на выборах 1998 г. Главной слабостью системы Мечъяра было отсутствие надежной коалиции и безответственная фискальная политика. Ему удалось опустошить государственную казну, при этом политика коррупции и кумовства достигла невиданных высот, что все равно не создало благоприятно климата и не добавило премьеру союзников [60].

Чувствуя угрозу, Мечъяр довел до абсурда избирательную систему путем различных реформ и нововведений, которые часто противоречили друг другу.

Количество реформ было столь велико, что детально проанализировать их все не является возможным. Центральные нововведения затрагивали политическую структуру государства. Мечъяр боялся потерять власть, а потому всячески стремился ликвидировать оппозицию. Одна из реформ, например, предполагала, что представители малых партий будут вынуждены выходить из их состава и участвовать на выборах в составе большой коалиции.

Когда данная реформа начиналась, Мечъяр действовал вполне осознанно, зная, как разобщены все политические силы в государстве. Естественно, он не предполагал образования демократической коалиции, которая появится к 1998 г. Вообще любые поправки к законодательству были возможны лишь по причине того, что избирательное право не являлось частью конституционного. Если бы было иначе, то для принятия поправок, Мечъяру потребовалось бы заручиться поддержкой 3/5 парламента, что было не возможно. Но так как Конституция Словакии не конкретизировала правила проведения выборов, и содержала только норму о тайном голосовании, все манипуляции Мечъяра были возможны [63].

Ситуация, возникшая в Словакии, стала поводом для дискуссии о преимуществах парламентской формы государственного устройства. Бытовавшее мнение о том, что данный строй позволяет быстрее проводить демократические трансформации оказался не столь убедительным. Парламентаризм не помог создать в Словакии полиархию по причине слабой Конституции.

В целом для посткоммунистических стран Центрально-Европейского региона, ни одна из возможных систем не создала идеальных условий для демократического развития. Формальный парламентаризм в той или иной степени был схож со Словацким. Президентская форма правления в государствах региона привела в некоторых государствах региона к персональной автократии и повлекла за собой частичный, либо полный, отказ от демократического развития.

В Словакии парламентская форма правления полностью ослабила президентскую власть, сосредоточив всю полноту полномочий в руках Владимира Мечъяра, который воспользовался ситуацией сполна. Однако не стоит делать опрометчивых выводов о том, что парламентская форма не имеет положительных

сторон. При правильном конституционном разделении власти между президентом и премьер-министром можно достичь положительных результатов, примеров чему в мире достаточно.

Сравнивая ситуацию в Словакии с другими странами региона, можно сделать вывод о том, что президент Ковач просто не обладал определенным авторитетом, как например Вацлав Гавел в Чехии. Такая же ситуация была в Венгрии, где президенту Арпаду Генцу удалось сдерживать амбиции премьер-министра Йозефа Анталла [33].

Михаилу Ковачу не только не хватало авторитета, у него так же были довольно ограниченные полномочия, по сравнению со странами региона. Он не только не мог распускать парламент, но и имел лишь формальное право вето. Для президентского вето в Словакии требовалась поддержка 50% парламента плюс один голос. Но при этом его самого могли отстранить тремя пятими голосов большинства. Все это в комплексе создало условия для словацкого однопалатного парламентаризма с концентрацией власти в руках узкого круга парламентариев.

Таким образом, можно утверждать, что формирование словацкой политической традиции представляет собой комплексное явление, включающее в себя проблему национальной, культурной, исторической и геополитической идентичности словацкого народа. Среди стран Центральной и Восточной Европы Республика Словакия выделялась быстрым сворачиванием процессов консолидированной демократии. Кроме того, она вынуждена была решать проблемы культурно-исторического характера. Сам процесс демократизации не был столь важным, как процесс формирования нового, политически активного гражданина, который смог бы влиять на формирование и развитие государства.

Одновременное формирование государственного строя и демократическая консолидация общества привело к тому, что пострадали и не достаточно быстро эволюционировали оба процесса. Словацкое общество можно охарактеризовать как крайне адаптивное к различным формам государственных режимов. Вопросы национальной идентичности и собственной государственности стали фактором поляризации словацкого общества на всех уровнях: от элит до простых граждан.

А потому приход к власти тоталитарного Виктора Мечьяра не кажется уникальным случаем. Конституция Словакии 1993 г. представляет собой инструмент политической стабилизации в переходный период. Существенным её недостатком был размытый контур самой государственной формы правления.

Для консолидации и дальнейшей интеграции Словакии была необходима рыночная экономика, но правительство делало все возможное, чтобы этого не случилось. Весь авторитарный элемент правления партии ДЗДС проявлялся именно в экономических вопросах [3]. Залогом успеха авторитарного режима Мечьяра и его «долгожительств» можно считать часто сменяющиеся в Словакии политические режимы.

Рассматривая политику Мечьяра можно сделать вывод, что она была направлена, в первую очередь, на внутреннюю жизнь государства и мало затрагивала внешнеполитический сектор. Большая часть реформ периода «мечьяризма» касалась политики Словакии. В попытке удержать всю полноту власти в своих руках, премьер-министр предпринимал попытки всячески ущемлять оппозицию и создавать невыносимые условия на выборах. В Словакии формируется система, в которой правительство может полноценно работать лишь при наличии коалиций. Ни правящая партия, ни оппозиция не могли рассчитывать на получение большинства голосов избирателей, а потому были вынуждены заключать союзы и идти на компромиссы. Мечьяр всячески стремился закрепить данную систему, так она создавала дополнительные сложности для оппозиции. Партия Мечьяра – ДЗДС, так же быстро утратила большинство голосов, и они были вынуждены идти на коалиционные соглашения, вместе с тем, сохраняя за собой большее представительство в парламенте.

Экономические реформы Мечьяра отличались от того курса, который был заявлен во время «бархатного развода». Построение рыночной экономики было отложено на годы, со старой системой так же было покончено, а потому государство оказалось зажатым между двух экономических систем. Приватизация, проводимая в рамках реформ, привела к тому, что многие социально значимые объекты отошли в частные руки. В целом экономическая

ситуация в Словакии за первые годы независимости ухудшилась по сравнению с социалистическим периодом. Это привело к росту социального напряжения. С одной стороны была группа населения, поддерживающая Мечьяра и его политику, с другой стороны были объективные проблемы, которые данное правительство не могло решить. Кроме экономической и политической нестабильности, в стране наблюдался кризис демократических институтов. Свобода слова ограничивалась на государственном уровне, у населения не было возможности вести полноценную общественную жизнь. Хотя новых законов в данной сфере не принималось, негласно правительство вело политику контроля над общественным мнением.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что формирование политической традиции в Словакии в конце XX века было ознаменовано постоянной борьбой коалиции и оппозиции, которая привела к росту политической нестабильности в 1995-1997 гг., что способствовало появлению внутривластной тенденции, названной «словацким способом трансформации». Она предполагала полную концентрацию власти в руках коалиции. Это не могло не влиять на интеграционные процессы в государстве, которое в 1994 г. заявило о своем желании присоединиться к Европейскому Союзу. Но, по факту, процесс был приостановлен до 1998 г., пока на очередных выборах к власти не пришло новое демократическое правительство. Такой длительный период работы правительства Мечьяра был вызван слабостью оппозиционных сил и их разобщенностью. До тех пор, пока разрозненные политические силы не смогли найти компромисс и не определили для себя приоритетной целью улучшения жизни общества, а не своих личных амбиций, Словацкая политическая жизнь находилась в состоянии стагнации. Не смотря на всю не совершенность системы, в Словакии формировалось оппозиционное крыло, которое пыталось противостоять выходкам премьер-министра и защитило основы плюрализма, которые возникли по итогам «бархатной революции».

2.2 Построение партийной системы и посткоммунистический парламентаризм

После 1989 г. события в политической жизни Словакии развивались стремительно. Общество, наконец, ощутило, что может самостоятельно решать свою судьбу, что повлияло на уровень политического самосознания граждан. Словаки хотели перемен, причем не только на словах. За долгие годы, что словаки находились под внешним управлением, они привыкли к тому, что любые обещанные трансформации политического и общественного строя могут оставаться выполненными лишь на бумаге. «Словацкий вопрос», который к 1989 г. достиг своего пика, должен был быть решен. В том случае, если бы «вопрос» не разрешился, это могло угрожать Чехословакии гражданской войной.

В ситуации крайней политической нестабильности и неумных амбиций чешского руководства, в Словакии привела к появлению новых политических сил. «Бархатная революция» была переломным моментом в формировании независимой Словацкой Республики. Общество было настроено на перемены, однако эйфория и единство довольно быстро сменились противостоянием разных политических сил. Сам процесс трансформации словацкой политической системы, из единой чехословацкой в независимую, осложнялся большим количеством противоречий, возникающих у множества политических и общественных движений. За очень короткий срок, в Словакии образовалось порядка шестидесяти политических групп. Каждая из них преследовала свои цели, у всех были разные интересы, и они по-разному видели будущее страны[60].

Общество против насилия (Далее - ОПН) появилось в Словакии 19 ноября 1989 г. как антикоммунистическое движение. На своем первом заседании, ОПН выступило с резкой критикой существующего строя, экономического положения в стране и уровня жизни населения в целом. Главным требованием ОПН были

демократические преобразования всего государственного строя. Свои собрания ОПН проводило в открытом формате, стремясь сразу привлечь внимание как можно большего количества зрителей. Самыми многочисленными и активными сторонниками ОПН были словацкие студенты. Свое первое серьезное заявление ОПН сделало уже 21 ноября, осудив действия по разгону демонстрантов в Праге в своем обращении к руководству ЧССР. Среди их требований были призывы отпустить политзаключенных и дать не коммунистам право выступать в СМИ и вести переговоры с правительством [48].

Стоит отметить, что в Словакии не было ярко выраженного диссидентского движения, как в Чехии «Хартия-77». В Словакии существовала малочисленная неполитическая группа «гражданского диссидентства». В эту группу попали те, кто был репрессирован либо просто исключен из партии после 1969 г. Словацкое диссидентство выступало против любого нарушения прав человека и за установление более демократического общественного строя. Со словацкими диссидентами активно сотрудничали представители так называемого христианского диссидентства, такие как Ян Чарногурский и другие политики, которые в будущем выйдут на политическую арену Словакии. Так же существовала небольшая группа приверженцев идей Дубчека и его «Пражской весны». Хотя для самих словаков диссиденты были довольно чуждым элементом, ассоциируемым с чешским политиком, а значит с ущемлением прав словаков [26].

Достаточно быстро Чехия отреагировала на появление ОПН. Гавел назвал ОПН аналогом Гражданского форума и обещал словакам вместо «федерализированного тоталитаризма - демократическую федерацию». В поддержку «демократизации» выступила католическая церковь, которая всячески поощряла действия ОПН и ГФ. 25 ноября в Братиславе прошел митинг, во время которого народ призвал к ликвидации монополии компартии. В тот же день ОПН и Координационный совет словацких студентов приняли совместное Программное заявление, в котором выдвигались требования о проведении

свободных выборов в Словакии, полной свободе слова и печати и ликвидации руководящей роли КПЧ.

29 ноября 1989 г. в Праге состоялась первая встреча лидеров ГФ и ОПН. Стороны приняли совместное коммюнике, в котором говорилось, что Гражданский Форум и Общество против насилия рассматривают себя «в качестве суверенных представителей чешского и словацкого гражданского движения. Они будут продолжать эти партнерские отношения и в дальнейшем, при проведении всех переговоров с органами власти». На момент заявления, у ГФ и ОПН общей целью было преобразование ЧССР в демократическую федерацию. Стоит отметить, что чехи, которые никогда особо не интересовались происходящим в словацкой части государства, и в этот раз не изменили своим принципам. Они не планировали объединяться с ОПН, что и предопределило сепаратное развитие правительственных структур в двух частях страны [54].

30 ноября 1989 г. была ликвидирована 4 статья Конституции ЧССР о руководящей роли компартии. Это стало толчком к началу периода трансформации от тоталитарного, к демократическому государственному устройству. Многие главы законодательной и исполнительной власти ушли в отставку, освободив место для нового руководства. В Словакии с этого началось формирование правительства национального согласия на основе ОПН. Действовало правительство национального согласия с декабря 1989 г. по июнь 1990 г. Целью данного правительства было подготовить население к первым свободным выборам. На пост главы переходного правительства был назначен Милан Чич от КПС, из состава которой он выйдет в 1990 г. Первыми заместителями премьер-министра станут беспартийный Й.Маркуш и коммунист В.Лекса, а заместителями – В.Ондруш из ОПН и беспартийный А.Варга. Всего в состав правительства народного согласия вошло 9 беспартийных и 6 членов КПС. В декабре 1989 г. на политическую арену Словакии выходит В.Мечьяр, назначенный на пост Министра внутренних дел. В это же время во властные структуры выходит и С.Новак от Демократической партии в качестве Министра здравоохранения и С.Минарович из Партии свободы, как председатель Комитета

народного контроля. В самом начале 1990 г. стало понятно, что без существенной реконструкции парламента ССР не обойтись. В состав Словацкого Национального Собрания (Далее - СНС) кооптировали сорок два новых депутата, из них девятнадцать были от ОПН и семь от ХДД. В президиуме кабинета министров так же произошли определенные изменения, в виде вхождения в его состав Владимира Мечьяра и некоторых других министров, до того момент в президиум кабинета не входивших[70].

16 марта 1990 г. СНС принял закон о выборах в парламент, что стало толчком к началу избирательной кампании. Они были назначены на июнь 1990 г. были намечены следующие выборы, к которым активно готовились новоиспеченные политические силы Словакии. Коммунисты, хоть и утратили большой процент электората, все еще оставались довольно весомой силой и готовились на выборах взять реванш. Кроме них к выборам готовились возрожденные либо совершенно новые партии. Первые свободные парламентские выборы в Словакии состоялись 8-9 июня 1990 г. В них приняло участие 95% избирателей. Общество против насилия было одним из фаворитов грядущих выборов, в итоге они набрали 29,34% голосов избирателей, получив 48 мандатов. На втором месте, после ОПН было Христианско-демократическое движение Словакии (Далее - ХДД), набравшее 19,2% и 31 мандат, за ними следовала Словацкая национальная партия (Далее - СНП) – 13,94% и 22 мандата. На четвертом месте была Коммунистическая партия Словакии – 13,34%, получившая 22 мандата. Кроме того, меньше 10% набрало движение национальных меньшинств – «Сосуществование» (8% и 14 мандатов), Демократическая партия (5% и 7 мандатов) и Партия зеленых (4% и 6 мандатов) [32].

В федеральных органах власти так же происходили определенные изменения. На выборах 1990 г. в Народную палату Федерального Собрания ЧСФР вошли: ОПН – 32,54%, ХДД – 18,98%, КПЧ – 13,81%, СНП – 10,96%, Сосуществование – ВХДД (Венгерское христианско-демократическое движение) – 8,58%, ДП – 4,4%, СДПС – 1,89%. Мандаты распределились следующим образом: ОПН – 19 мандатов, ХДД – 11 мандатов, КПЧ – 6 мандатов, СНП – 6 мандатов,

Сосуществование – ВХДД – 5 мандатов, ДП и СДПС не получили ни одного мандата. В Палату национальностей ЧСФР вошли: ОПН – 37,28% (33 мандата), ХДД – 16,66% (14), КПЧ – 13,43% (12), СНП – 11,44% (9), Сосуществование – ВХДД – 8,49% (7) [32]. Можно сделать вывод о том, что демонтаж прежней политической системы начался как раз благодаря тому, что ОПН в Словакии и ГФ в Чехии заручились поддержкой большинства избирателей.

Правительство народного согласия Словакии завершило свою работу в июне 1990 г., выполнив возложенные на него задачи по подготовке к выборам. 26 июня состоялось заседание нового парламента, главой которого был избран Ф.Миклошко из ОПН. Заместителями стали И.Чарногурский и Я.Клепач из ХДД, а так же Л.Надь из Венгерской независимой инициативы (Далее - ОПН-ВНИ), М.Земко из ОПН и О.Кельтошова из ДП. В состав нового Словацкого Национального Собраниа вошло лишь 22 коммуниста при 150 депутатских мандатов. В состав правительственной коалиции вошли: ОПН, ХДД и ДП, получив в общем 86 мандатов. Начало работу правительство 27 июня, а председателем стал В.Мечьяр, входивший на тот момент времени в ОПН. Из 23 членов правительства от ОПН было 11 человек, от ХДД – 8, ДП – 3, ОПН-ВНИ – 1. В таком составе кабинет будет работать до марта 1991 г., когда к власти придет Я.Чарногурский и ХДД [67].

Изменения в структуре регионального правительства стали началом пересмотра всей федеральной системы власти. Во второй половине 1990 г. состоялся ряд встреч между В.Мечьяром и П.Питгаром, премьер-министром ЧСР. В ходе встреч обсуждались проблемы государственного устройства и вопрос перераспределения компетенций между правительствами республик. Данные проблемы решались медленно и с большими трудностями, так как, несмотря на победу некоммунистических сил на выборах, на местах кадры остались все теми же. Федеральная бюрократия не хотела делиться полномочиями с региональными структурами. Некоторое время спустя все же удалось сделать определенные действия в направлении намеченных целей. Таким шагом стало принятие совместного коммюнике трех правительств 9 августа 1990 г., в котором

говорились о необходимости принятия новых демократических конституций для ЧСР и ССР. Примечательно, что правительство ЧСФР было как отдельный, третий субъект переговорного процесса. 14 августа в Братиславе прошла встреча, на которой прозвучали требования о предоставлении независимости Словакии. А 17 августа в Праге на встрече правительств ЧСФР, ЧСР и ССР, а так же лидеров ГФ и ОПН, с президентом В.Гавелом было принято коммюнике, поддерживающее идею федерации и двух независимых республик.

В декабре 1990 г. ФС ЧСФР началось обсуждение так называемого «закона о компетенциях», который должен был урегулировать отношения между федеральным правительством и республиками. Словацкая сторона настаивала на возвращении к Закону о федерации 1968 г. в котором говорилось о равноправии двух республик в составе федерации. В итоге, 12 декабря закон был принят и часть компетенций должна была быть передана с федерального уровня на республиканский. Стоит отметить, что ЧСФР хоть и выступала отдельно от ЧСР, но по сути была единой с ней структурой, так как для чехов федеральное и региональное правительство были неотделимы. В ЧСФР практически все мандаты, до выборов 1990 г., принадлежали чехам, а соответственно политика федерации была абсолютно созвучна чешскому представлению о развитии государства.

Переход к новому формату государственного устройства вызвал одобрение словацкого населения. Данную победу ассоциировали с ОПН. Успех ОПН был обусловлен тем, что они появились на волне революционных событий и их лозунги отвечали требованиям революционного времени. ОПН отталкивалась от идеи разделения Чехословакии на два государства, настаивая на том, что «словацкий вопрос» никогда не будет решен в рамках Чехословакии, какой бы федеративной она не была. В период с ноября 1989 г. по март 1991 г. ОПН было самой влиятельной партией в Словакии. Целями, провозглашенными ОПН, было построение правового демократического государства, разработка и принятие новой Конституции, на момент существования единой Чехословакии, они предлагали реформирование государства на федеративной основе. В

экономическом секторе ОПН предлагало начать постепенный переход к рыночной экономике и сделать Словакию полноценным участником международных экономических процессов [32].

Однако даже тот факт, что ОПН пользовалась популярностью у широкого круга граждан, настроенных на борьбу с тоталитаризмом, не помог партии избежать раскола. В 1991 г. от ОПН откололось Движение за демократическую Словакию (Далее - ДЗДС) Владимира Мечьяра. ДЗДС быстро завоевала популярность благодаря яркой личности своего лидера и беспроигрышным политическим лозунгам. То, что осталось от ОПН стало Гражданским демократическим союзом (Далее - ГДС), который позднее проиграет выборы и не войдет в состав правительства. Главными оппонентами ДЗДС стали ХДД во главе с Яном Черногурским. Третьей влиятельной силой в Словакии стала Демократическая партия Словакии (Далее - ДПС), которая стала преемницей Партии словацкого возрождения, расформированной в начале 50-х. ДПС унаследовала от ПСВ правоцентристскую ориентацию. В основе ее программы лежало создание демократического государства и жизнь в свободном Европейском сообществе. Кроме того, ДПС позиционировала себя как партия «всех религиозных слоев и общественных групп»[7].

КПС все так же не желала покидать политическую арену страны. Во главе коммунистов стоял Петерон Вайс. Компартия призывала к консолидации политических сил в едином порыве достижения социально справедливого общества. К осени 1991 г. внутри левого крыла произошел раскол, в результате которого появилась Партия левых демократов (Далее - ПЛД). Они значительно отошли от прежней идеологии, сделав упор на недопущение возврата к старым ошибкам, и довольно быстро заручились поддержкой определенной части населения. Кроме того, от коммунистов откололось еще несколько политических движений, как, например, Партия демократического социализма, но все они были малочисленными и пользовались слабой популярностью.

В период формирования политической системы Словакии, особо актуальными были вопросы о дальнейшем существовании ЧСФР. Учитывая волну

недовольства, прошедшую по словацкому обществу, популярностью стали заручаться крайне правые силы, такие как СНП. Основным пунктом программы Словацкой национальной партии касался провозглашения независимости государства. Если посмотреть на все предвыборные программы словацких партий, то у СНП была единственная программа, прямо призывавшая к расколу ЧСФР на два независимых государства. К началу выборов, каждая политическая конкретизировала свои цели и приоритеты. Для левых это борьба за социальную защищенность граждан, для правых – независимость, были приверженцы демократических свобод, как и те, кто все еще хотел вернуться к старой системе.

После распада ЧСФР, в Словакии президентом избран представитель партии – Михаил Ковач, а премьер-министром стал глава ДЗДС – Владимир Мечьяр. В 1992 г. пройдут вторые парламентские выборы, в которых примет участие 84% избирателей. По итогам выборов ДЗДС получила 74 мандата (37,26% голосов), ПЛД – 29 мандатов (14,70%), ХДД – 18 мандатов (8,88%), СНП – 15 мандатов (7,93%) [65]. В выборах также приняла участие новообразованная Коалиция партий венгерского нацменьшинства (Далее - Коалиция), в которую вошли: ВХДД, «Сосуществование» и Венгерская народная партия (Далее - ВНП). В результате КПВН получила 14 мандатов (7,42%). Меньше 10% голосов, а соответственно ни одного мандата, получили: ГДС (4,03%), СДПС (4%), коалиция ДП-ГДП (3,31%), СХДД (3,05%) и Партия зеленых (2,14%). Остаток голосов разделили новообразованные малочисленные партии. После выборов СНС переименовали в Национальный Совет Словацкой Республики (Далее - НССР) [65].

Выборы в Народную палату ФС ЧСФР имели похожие результаты. Так ДЗДС получила 33,53% голосов, ПЛД – 11,44%, СНП – 9,39%, ХДД – 8,96%, Коалиция – 7,37%, СДПС – 4,86%, ГДС – 3,96%, Коалиция ДП-ГДП – 3,95%, СХДД – 3,45%, Партия зеленых – 2,62%. В Палату национальностей ФС ЧСФР вошли: ДЗДС – 33,85%, ПЛД – 14,04%, СНП – 9,35%, ХДД – 8,81%, Коалиция – 7,39%, СДПС – 6,09%, ГДС – 4,04%, ДП-ГДП – 3,66%, СХДД – 3,24%, Партия зеленых – 2,43%, остальные – 7,10% [65]. Следовательно, можно сделать вывод, что ДЗДС

одержало уверенную победу на выборах во все региональные и федеральные органы власти. В то же время, Движение за демократическую Словакию начинало все больше походить на настоящую политическую партию, с интересами которой нужно было считаться. По своей структуре ДЗДС была не однородной. Внутри нее были представители разных политических течений: социал-демократы, христианские демократы и несколько либеральных групп.

По результатам выборов сформировано второе словацкое правительство в составе ЧСФР. Данное правительство было коалиционным, состояло из представителей ДЗДС и СНП, а главой стал В.Мечъяр. Несмотря на то, что коалиция просуществовала не долго из-за распрей как внутри самой ДЗДС, так и разногласий между премьер-министром и президентом, главный документ словацкий парламент все же принял. 17 июля 1992 г. была принята Декларация о суверенитете Словацкой Республики, фактически завершившая существование федерации. В документе говорилось, что: «данной декларацией Словацкий национальный совет провозглашает государственную независимость Словацкой республики как основу суверенной словацкой нации». Кроме того, в декларации подчеркивалось, что люди, провозглашающие ее это «демократически избранный Словацкий национальный совет», и что данный акт станет итогом «тысячелетней борьбы словацкого народа за самобытность» [199]. Федеральному собранию ЧСФР не оставалось ничего делать, как принимать законы, направленные на мирный развод двух государств, что в итоге и привело к тому, что 1 января 1993 г. появилась независимая Словацкая Республика.

Можно сделать вывод, что на момент провозглашения независимости, Словакия находилась в состоянии большой политической раздробленности. Огромное количество партий и мелких политических движений заполняло политическую арену страны и путало избирателя. Привычная стабильная система с одной партией исчезла и, словаку нужно было выбирать из огромного множества политических программ и лозунгов. Каждая партия на пестрой словацкой политической арене имела свое представление о будущем государства, свою программу и план действий. Чаще всего эти программы носили крайне

популистский характер и не предлагали ничего конкретного. Все это повлияло на резкий спад политической активности словаков, которые просто устали от постоянных выборов и предвыборной агитации. Страна находилась в глубоком экономическом кризисе. На начало 1993 г. безработица достигла 40% и продолжала расти. Объем ВВП сократился на 30%, сельское хозяйство переживало глубокую стагнацию из-за уменьшения спроса на продукты питания, в связи с ростом цен и параллельном снижении зарплат.

Кроме того, промышленность Словакии фактически остановилась. Связанно это было с прекращением субсидирования от правительства и полной заморозкой военно-промышленного комплекса. Словакия производила большое количество техники и снаряжения для стран ОВД, однако с распадом СССР и самой Организации Варшавского Договора, 35 предприятий, ориентированный на данное производство, было остановлено. Второе осложнение было связано с тем, что словацкая промышленность была составной частью чешской и отчасти производила товары для дальнейшей доработки на территории Чехии, что стало невозможным с распадом ЧСФР. Распад Чехословакии и Союза Экономической Взаимопомощи привел к утрате привычных рынков сбыта, а потому практически все производство стало ненужным. Результатом стало сокращение рабочих и закрытие предприятий. В такой атмосфере население начинает думать больше о своем выживании, нежели о политике. Ни одна из партий, шедших на выборы 1992 г. не предлагала никакого варианта выхода из экономического кризиса. Популистские партийные программы того момента касались только решения национально вопроса словаков и перехода от тоталитарной системы к демократической.

Демократическая система стала довольно непонятной для еще вчера зажиточных словаков. Из-за резкого спада экономики, произошедшего в момент «бархатной революции» возникло ощущение, что борьба с тоталитаризмом носила так же характер борьбы против благосостояния. Именно на этот неловкий вопрос должны были ответить новоиспеченные политики, однако они к этому были не готовы. Внутри партий шла ожесточенная борьба за власть и сферы

влияния. Партии раскалывались на маленькие осколки, и каждый из этих осколков начинал вести свою независимую политическую игру.

Итогом всех экономических проблем и постоянной политической турбулентности стали очередные парламентские выборы, прошедшие 30 сентября – 1 октября 1994 г. На выборы 1994 г. ДЗДС шла в расколотом состоянии. В 1993 г. в партии произошел раскол, вызванный отставкой министра иностранных дел Милана Княжно. В свою очередь, отставной министр обвинил премьер-министра Мечьяра в авторитарном стиле правления и раскритиковал его концепцию внешней политики, которую считал недальновидной. Вместе с семью другими депутатами, выходцами из ДЗДС, Княжно создал партию Демократическая альтернатива (Далее - ДА). Примерно в то же время, министр экономики Людовит Черняк (Далее - СНП) покинул свой пост, а его партия из коалиции перешла в оппозицию. Свое решение националисты объясняли тем, что на пост нового министра обороны, Мечьяр назначил бывшего коммуниста Андрейчака. Однако позднее ДЗДС и СНП снова пошли на коалиционное соглашение. Это стало возможным благодаря тому, что Черняк и еще несколько несогласных с позицией партии депутатов, вышли из нее и создали свою – Народно-демократическую партию (Далее - НДП). В феврале 1994 г. в составе ДЗДС произошел очередной раскол, связанный с персональной политикой Мечьяра. Йозеф Моравчик и Роман Ковач, министр иностранных дел и вице-премьер, вышли из состава ДЗДС и вместе с еще 11 депутатами создали платформу, под названием Альтернатива политического реализма (Далее - АПР). В апреле 1994 г. ДА и АПР объединились в Демократический союз Словакии (Далее - ДСС) [7].

По итогам выборов, ДЗДС лишь укрепила свои позиции. К моменту проведения выборов, в левом крыле произошли существенные изменения. Неспособные противостоять поодиночке коалиции ДЗДС – СНП, левые объединились в союз Общий выбор (Далее - ОВ). В итоге голоса в парламенте разделились следующим образом: ДЗДС – 39,96%, ОВ – 10,41%, Венгерская коалиция (Далее - ВК) – 10,18%, ХДД – 10,08%, Демократический союз Словакии (Далее - ДСС) – 8,57%, Объединение рабочих Словакии – 7,34%, СНП – 5,4%,

другие – 12,88% [68]. Несмотря на большой перевес по итогам голосования, у ДЗДС было недостаточно мандатов для формирования правительства. Всего из 150 мест в парламенте, депутаты от ДЗДС заняли 61 место, что составило более 40% от общего количества. На втором месте по численности полученных мандатов был ОВ, получивший 18 мандатов. Остальные мандаты распределились следующим образом: ВК – 17, ХДД – 17, ДСС – 15, ОРС – 13, СНП – 9. Хотя ДЗДС получило меньше мандатов в раздробленном состоянии, они все равно в три раза превосходили партию, занимавшую второе место в парламенте. В состав коалиционного правительства вошли: ДЗДС (12 министерских портфелей), ОРС (4 портфеля) и СНП (2 портфеля: министра обороны и министра образования) [68].

ДСС развивался как оппозиция ДЗДС. Связанно это было с тем, что люди, входившие в его состав, были категорически не согласны с политикой Мечьяра. В период между объявлением даты выборов и их проведением, т.е. с марта по сентябрь 1994 г. государством управляло сформированное переходное правительство во главе с Йозефом Моравчиком. В его состав вошли ДСС, ПДЛ, ХДД и ВК. По итогам выборов, ДСС создала коалицию с НДП, получив, таким образом, 15 мандатов. ДЗДС добивалась признания мандатов оппозиционеров недействительными. Это обосновывалось тем фактом, что демократы, якобы, не собрали необходимого количества подписей под списками кандидатов в депутаты. Мандатная комиссия парламента признала все правомерным и ДСС сохранила свои места, а лидерами партии остались Й.Моравчик и М.Княжно.

Непросто было и одной из первых партий независимой Словакии – Христианско-демократическому движению (Далее - ХДД). Партия, основанная еще 1990 г., опиралась на программу по созданию справедливого и духовно здорового общества, и выступала за переход на рыночную экономику. В 1992 г. в партии произошел раскол, в результате которого от ХДД откололся Христианско-социальный союз (Далее - ХСС). В состав коалиции ХДД входила дважды. В первый раз, когда в апреле 1991 г. пост премьер-министра получил лидер ХДД Ян Чарногурский, второй – в составе правительства Й.Моравчика в марте 1994 г. По

результатам выборов 1994 г. партия получила 17 мандатов и 10% голосов, занимая далеко не первое место в правительстве. Что касается ХСС, то в 1992 г. они заняли радикальную позицию, выступали за отделение Чехии от Словакии. Лидером партии стал Ян Клепач. Однако после провозглашения независимости Словакии, деятельность ХСС пошла на спад и она, как и многие другие партии, исчезла с политической арены страны [7].

Член всех правительственных коалиций Мечъяра, СНП, довольно долго была одной из самых популярных партий Словакии. В правительстве 1990 г. лидер партии Людовит Черняк занял место министра экономики, именно с его отставкой и был связан переход партии в оппозицию. После того, как в 1993 г. СНП вернулась в коалицию, в партии произошел раскол. Черняк сформировал крыло, критиковавшей партию за возвращение в состав коалиции. За это Черняк был смещен с позиции лидера партии, а его место занял Ян Слота. В то же время, Черняк вместе с пятьюдесятью депутатами из ста семидесяти девяти членов СНП, создали Народно-демократическую партию (Далее - НДП). В правительстве Моравчика НДП получила министерство приватизации, а на выборы 1994 г. шла единым списком с Демократическим союзом Словакии. Так же в 1994 г. появится еще одна партия – Демократическая, созданная из Демократической партии и Консервативно-демократической партии, основанной в 1993 г. На выборах 1994 г. Демократическая партия не набрала необходимого количества голосов и не прошла в парламент [60].

У всех вышеперечисленных сил было одно общее качество – они все составляли антикоммунистический блок и в 1989-1990 гг. выступали единым фронтом. К 1994 г. у них существенно изменились программы, так как коммунизм в виде общего врага исчез. Вместе с исчезновением общего врага - исчезла и необходимость искать точки соприкосновения и договариваться, что привело к раздробленности и политическому плюрализму. С одной стороны, все партии антикоммунистического блока выступали за создание независимого европейского государства, построенного на рыночных основах, с другой – каждая партия по своему видела путь достижения данной цели. Так же не стоит забывать, что к

1994 г. «Мечьяризм» уже был неотъемлемой частью словацкой политической жизни.

Вместе с тем, коммунистические партии не прекратили своего существования с распадом ЧСФР. Партия демократических левых, участница всех выборов с 1990 г., ранее была территориальной организацией Коммунистической партии Чехословакии в Словакии. В 1991 г. она сменила свое название с Коммунистической партии Словакии на Партию демократических левых, и определили свое направление как социально-демократическое [160]. ПДЛ входила в два переходных правительства, Чарногурского и Моравчика. В последнем левые получили шесть портфелей. К парламентским выборам 1994 г. Партия демократических левых основала вместе с Социал-демократической партией Словакии и Движением сельскохозяйственных работников союз – Общий выбор. Возглавил союз Петер Вейс. На выборах они получили 18 мандатов. Кроме ОВ, в 1994 г. в левом крыле сформировалась еще одна сила – Объединение рабочих Словакии (Далее – ОРС) [7]. Сформирована ОРС была в марте 1994 г. как союз нескольких рабочих организаций. Партию можно охарактеризовать как радикальную и крайне популистскую. Несмотря на свою левую направленность, ОРС поддерживала программную линию ДЗДС, а потому по итогам выборов 1994 г. вошла в состав коалиции сформированной Владимиром Мечьяром.

Так как в Словакии вопрос национальных меньшинств был острым всегда и не нашел своего разрешения по итогам «развода» с чехами, довольно быстро стали набирать популярность движения, представляющие интересы национальных меньшинств. Венгерская коалиция была союзом трех партий: Венгерского христианско-демократического движения, Венгерской гражданской партии и Содружества. ВХДД было первым национальным движением венгров, основанным в 1990 г. На выборах 1992 г. вместе с Содружеством они получили 14 мандатов, а после вошли в коалицию с Моравчиком. Венгерская гражданская партия возникла чуть позже, в 1992 г. в результате преобразования движения венгерского меньшинства в партию. Содружество представляло собой движение

за права национальных меньшинств. В итоге, три венгерские партии в рамках коалиции получили 17 мандатов в парламенте по итогам выборов 1994 г. [32].

В целом, первые годы независимости в Словакии были ознаменованы процессами сворачивания демократии. Даже в период подготовки к «бархатному разводу», у многих возникали сомнения, удастся ли цивилизованный раздел государств при таком политике как Мечьяр. «Развод» произошел безо всяких осложнений, но вопроса с «Мечьяризмом» это не решило. Президентом Словакии с 1993 г. был М.Ковач, получивший поддержку ДЗДС, ПЛД, СНП и ХДД. Данная поддержка была ему необходима, так как Словакия на момент 1993 г. – парламентская республика, а потому президента выбирал парламент. Позиция Мечьяра как премьер-министра, в государстве с такой формой правления, была более значимой. Именно противостояние президента и премьер-министра ознаменовало первые годы независимости Словакии. У каждого из них было свое представление о развитии государства, порой диаметрально противоположное мнению оппонента. Мечьяр быстро свернул все провозглашенные демократические программы и фактически закрыл государство от внешнего мира. В 1993 г. в Словакии продолжался глубочайший экономический кризис, связанный с падением агропромышленного комплекса [23].

Партия левых демократов занималась поиском выхода из сложившейся ситуации. Лидер партии, Вайс, считал, что для того, чтобы Словакия стала на путь развития, а не стагнации, необходимо не допустить очередной ошибочной государственной политики в области экономики, как это было в 1990 г. Кроме того, он говорил о необходимости выхода на европейские рынки. Движение словацких крестьян, тесно поддерживающее контакты с левыми, давало неутешительные отчеты о спаде во всех сферах сельского хозяйства, вызванное снижением потребления. Вместе с тем государственная помощь сельскохозяйственному сектору существенно сократилась. Большая часть сельскохозяйственных кооперативов не располагала финансовыми источниками и заканчивала банкротством. Всему виной стали радикальные экономические реформы, которые сами словаки поддержали еще в 1989 г. Однако, целью данных

реформ был просто отход от коммунистической модели экономики, не предлагающей при этом никакого четкого плана действий на будущее.

В 1994 г. кабинет Моравчика предложил новую программу экономического развития Словакии. Он базировался на идее долгосрочного планирования экономического развития и стремился «заложить базу для динамичных преобразований, ускорить процесс трансформирования экономики». Правительство планировало начать новый этап приватизации и обеспечить диалог между всеми участниками экономической реформы. До конца 1994 г. планировалось снизить рост цен на 11%, а безработицу на 17%, кроме того, данная программа предполагала увеличение валютного резерва, для поддержания конвертации словацкой кроны [60]. Без внешнего инвестирования словацкая экономика была обречена. Западные страны довольно сильно датировали Чехию, Польшу и Венгрию, а вот Словакия оказалась практически без инвестиций. Связывали данное явление опять же с личностью Владимира Мечьяра. Его неопределенная позиция и постоянные перемены внешнего курса, лишали Словакию каких-либо финансовых вливаний. Президент Ковач в своих заявлениях говорил: «Данные о том, что в промышленности в создании валового продукта Словакии приватизированный частный сектор участвует лишь на 25%, в то время как в Чехии, Польше и Венгрии его доля гораздо выше, не убеждает западные страны в реальности нашего движения вперед, вровень с другими» [32].

Опасения Ковача о том, что Словакия для Запада выглядит как государство, которое не стремится к переменам, было оправданным. Без приватизации Словакия не могла перейти на следующий этап построения рыночной экономики, что было необходимым условием для успешной интеграции в европейскую экономику. Кроме экономических проблем, в Словакии довольно сильно обострились проблемы национальные, что так же отдаляло государство от интеграционных планов. В начале 1994 г. обострение политической ситуации в Словакии было вызвано попыткой венгров добиться автономии в составе Словацкой Республики. Мечьяр достаточно болезненно отреагировал на данное происшествие, фактически назвав партии Венгерской коалиции сепаратистами.

Правительство быстро приняло ряд законопроектов с целью «не допустить решающего влияния партий, находящихся в меньшинстве, при подготовке межправительственного договора между Словакией и Венгрией» [32]. Так же были развеяны любые мысли о возможности признания венгерского языка вторым государственным. В целом, документ призывал обеспечить «территориальную целостность Словацкой Республики и воспрепятствовать созданию венгерской автономии, где живут свыше миллиона словаков».

В Словакии, равно как и в Чехии, на протяжении всего периода их сосуществования наблюдалась проблема неумения разделять национальный принцип и гражданский. Можно сказать, что, так как национальный принцип и национальные интересы у чехов и словаков стояли превыше всего, это и привело к распаду ЧСФР. Ситуация не изменилась с обретением независимости и лишь усугубилась с формированием политических сил венгерского меньшинства. ДЗДС, состоявшее в коалиции с националистической СНП, остро реагировало на любые попытки «ущемления» словацкой нации. Венгры составляли более 10% населения Словакии, что делало их национальный вопрос достаточно весомым. Приверженцы идеи венгерско-словацкой взаимности, настаивали на лояльном отношении как словаков к венграм, так и венгров к словакам, делая акцент на том, что без одобрения Венгерской Республики Словакия может так и не войти в Европейский Союз. Все национальные распри необходимо было решить, а возможность сделать это лежала как раз в идее демократического словацкого государства [70].

Политика национального согласия, призванная обеспечить стабильное и мирное сосуществование всех граждан Словакии, содержалась в программных заявлениях Й. Моравчика. Будучи оппозиционером Мечьяру, он вместе с другими оппозиционными политиками, такими как Я.Чарногурский, выступали за сближение с Европой и выбором основного вектора внешнеполитического развития европейскую интеграцию. Чарногурский в свою очередь подчеркивал, что у Словакии крайне выгодное геополитическое положение в самом центре Европы, которое можно использовать для реализации своих экономических

интересов. Однако Мечъяр высказывался достаточно однозначно, считая политическую коалицию с венгерским меньшинством невозможной. Именно потому после победы на выборах 1994 г. ДЗДС даже не рассматривала варианта создания коалиции с Демократическим союзом [11].

Конечно, создание венгерской автономии могло стать фактором дестабилизации для, и без того слабой, Словакии. Однако требования Венгерской коалиции были спровоцированы самим ДЗДС и его союзниками. В парламенте СНП, как часть правительственной коалиции, позволяла себе высказывания в адрес венгерских коллег, что часто приводило к стычкам в правительстве. Именно это и стало причиной требований создания на юге Словакии венгерской автономии. Так же негативно на ситуацию влиял тот факт, что, как и экономисты, и политологи, так и простые граждане Словакии, отмечали определенные улучшения в стране в период правительства Моравчика. Его экономическая реформа стала приносить плоды в виде спада безработицы и остановки роста цен. Кроме того, Моравчик пытался если не разрешить, то сгладить обострившийся венгерский вопрос. То, что Венгерская коалиция стала одной из правительственных, с одной стороны показало желание словаков сотрудничать, но с другой привело к лоббированию автономистских идей [32].

Рассматривая истоки словацкого политического конфликта, можно выделить следующее: он зародился как следствие неправильного поведения политиков и разного подхода к пониманию как демократии в целом, так и путей ее применения к словацкому обществу в частности. Конфликт был представлен двумя противоположными политическими блоками, поддерживаемыми разными слоями общества. Кроме того, все политические перипетии словацкого политикума быстро приобрели окраску культурного противостояния в обществе. Политические акторы разделились на два взаимоисключающих блока партий. Конфликт между ними не был классическим противостоянием левых и правых, так как каждый блок включал в себя и те и иные силы. Соответственно получалось, что каждая сторона включала в себя и левых, и правых, и центристов. Это стало возможным лишь потому, что идеологическое противостояние между

партиями внутри блоков подавлялось наличием внешней оппозиции, против которой было необходимо объединить усилия.

Для того, чтобы понять ситуацию в Словакии во всех аспектах, словацкие политологи и журналисты того периода, разделили существующие политические блоки на две группы, в которые вошли, так называемые, «стандартные» и «не стандартные» партии. Главным критерием «нестандартности» применительно к партиям, заключался в определении функций, которые партия выполняла и ее совместимости с международными партийными организациями либо членством в них. Таким образом, «стандартные» партии характеризовались совместимостью с существующими международными партийными структурами, которые, в свою очередь отличались традиционной идеологической и политической ориентацией (консерваторы, либералы, социал-демократы). Что касается «не стандартных» партий, то они не только не могли быть участниками европейских политических движений, но и позиционировали себя как националисты, популисты, и в целом приверженцы авторитарных и радикальных идей, и состязательной политической системы. Можно сделать вывод, что к числу «стандартных» партий относили все те, которые основывали свою деятельность на принципах классических политических доктринах, таких как социальная демократия, консерватизм, либерализм, а «не стандартные» партии были им абсолютно противоположны. Кроме приверженности традиционным политическим доктринам, «стандартные» партии придерживались принципов толерантности, индивидуальной ответственности и равенства всех граждан, в то время как для «не стандартных» партий привычными были коллективизм и патернализм [60].

Несмотря на очевидное преимущество «стандартных» партий, в Словакии ситуация была довольно необычной в силу чрезвычайной силы и популярности как раз «не стандартных» партий. «Стандартные» и «не стандартные» партии дистанцировались друг от друга, что и создавало основу для социально-политического конфликта. Особенности данного конфликта заключались в том, что на первом этапе, который затронул 1990-1992 гг., «не стандартные» партии выступали против изменений в государственном устройстве, а на втором этапе, в

1993-1994 гг., уже «стандартные» партии заняли их позицию. В целом концепция разделения партий на «стандартные» и «не стандартные» носила уничижительный оттенок, в отношении последних. Создавалось впечатление, что у «Стандартных» партий больше законных оснований на управление государством и, что «не стандартные» партии настоящими партиями не являются, представляя собой какой-то ужасный вариант отклонения от нормальной политической силы. Данные предубеждения нашли плодотворную почву в политической агитации, проводимой партиями в процессе предвыборных кампаний. Можно сказать, что «стандартные» партии интерпретировали свое членство в международных структурах как свидетельство своей европейской ориентации, а независимость «не стандартных» партий показывала, что они ставят интересы Словакии выше общеевропейских [60].

Для того чтобы лучше понимать данную концепцию разделения партий на два блока, нужно сделать акцент на том, что «не стандартные» партии такие же легитимные, как и «стандартные». С идеологической точки зрения, они само собой не стандартные, так как их подход радикально отличается от западного либерально-демократического, что и привело к проблемам с правящей коалицией в начале 1994 г. С другой стороны, нельзя сказать, что данные партии являются абсолютно девиантными и полностью выбиваются из существующей политической модели. И Словацкая национальная партия, националистическая ультраправая сила, и Ассоциация рабочих Словакии, ультралевая партия, имели аналоги в среде либерал-демократов. Это было возможно благодаря тому, что так называемые «не стандартные» партии Словакии поддерживали связь с аналогичными «не стандартными» партиями Европы. На протяжении довольно долгого периода времени, за который «не стандартные» партии хотели стать «стандартными», они несколько раз пытались войти в крупнейшие международные политические объединения. В свою очередь ДЗДС так же пыталось наладить отношения со всеми тремя политическими лагерями Европы и с демократами, и с либералами, и с консерваторами. В конечном счете, ДЗДС

сознательно решила не заходить в рамки одной идеологии и позиционировалась как центристская сила [127].

Само понимание политики и идеологии, у обеих групп партий было схожим. «Стандартные» партии ориентировались на «западную партийную семью» и долгосрочным результатом от своей деятельности считали внедрение современной демократии во все сферы жизни общества, а власть, по их мнению, должна была стать лишь инструментом для внедрения данных принципов и их поддержания. «Не стандартные» партии не разделяли данные взгляды. Многие из современных демократических ценностей для них виделись лишь как преграда для достижения их идеологических и материальных целей. В то же время, для «не стандартного» крыла, материальные и идеологические цели стояли примерно на одном уровне. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что главное различие между двумя политическими блоками Словакии заключалось не только в идеологическом противостоянии, но и в общем подходе к реализации властных полномочий. Цели перед политическими силами так же ставились диаметрально противоположные, что не давало им пойти на компромиссы и начать искать решение на более существенные социальные и экономические проблемы [60].

В 1995 г. словацкие политологи выделяли три возможные причины посткоммунистического расщепления словацкого общества, лежащие в основе конфликта власти и оппозиции. Эти три конфликта проистекали из принципов экономического распределения ресурсов, участия в коллективном принятии решений и гражданские права. Вокруг принципов экономического распределения ресурсов шло противостояние между левыми (популистами), выступавшими за политический подход, и правыми (либералами), приверженцами рыночной модели. Демократические принципы коллективного принятия решений затрагивали интересы «современных либералов», защищавших личное пространство каждого, и «традиционалистов-автократов», настаивающих на том, что обязанность каждого – соблюдать существующие коллективные нормы и установленные полномочия. Гражданские права, в особенности их этнический аспект, разделили общество на приверженцев «универсального подхода»,

тракующих гражданские права как общекультурные, и тех, кто отстаивал «местнические взгляды» о том, что гражданские права являются неотъемлемыми от расовых, этнических и национальных [99].

Все представленные конфликты отображались и словацкой политике. Конфликт на почве разделения ресурсов был одним из первых в Словакии. Он начался в 1991-92 гг., найдя отражение в общественном мнении. ДЗДС и СНП, которые были на тот момент в составе правящей коалиции, сознательно пошли на принятие левых и популистских позиций, выраженных в требованиях смягчить экономическую трансформацию и уважении «словацкого выбора» в будущем. В дальнейшем они уйдут от «экономической левизны», передав ее в руки АРС в 1994 г. Авторитаризм, во всех его проявлениях, можно назвать сущностью политики ДЗДС. Коалиция, которую ДЗДС возглавит в 1994 г., будет так же авторитарного толка. Особенностью коалиции 94 г. от коалиции 1991-92 гг., было то, что авторитарные идеи гиперболизировались, за счет «очищения» от либеральных и социал-демократических элементов, до того состоявших в партии. Так, например, крайний правый радикализм стал основой СНП только после 1994 г., когда партия окончательно реорганизовалась, убрав либеральные элементы. Ассоциация рабочих Словакии сразу создавалась как радикальная и авторитарная сила. Именно потом, что АРС была сразу ближе к ДЗДС и СНП, она и вошла в состав коалиции, так как разрыв между этой партией и демократическим крылом был слишком велик [32].

Классовое неравенство, растущее в Словакии, подогреваемое экономическими проблемами, давало толчок недовольству граждан. Однако Мечьяру удавалось переводить растущую агрессию в другое русло. Создавалось впечатление, что все безработные и малоимущие появились из-за попыток каких-то неясных демократических реформ. Это помогало ДЗДС удерживать своих избирателей и иметь довольно устойчивый рейтинг. Негативной стороной данного процесса было то, что все партии коалиции находились в тени Мечьяра и его политики. Никто не разделял СНП, ОРС и ДЗДС, равно как и не считал, что партии могут

действовать вопреки общей авторитарной позиции премьера. Демократические силы проигрывали, постоянно находясь в невыгодном свете [70].

С начала 1994 г. Словакия стала часто фигурировать как «нежелательный» кандидат на вступление в Европейский Союз. Кроме того, европейские союзники Словакии опасались, что Мечъяр разыграет «русскую карту» и сменит вектор в сторону России. Нельзя сказать, что у России и Словакии в тот период были устойчивые экономические и политические связи. Российская Федерация сама была в довольно ослабленном состоянии после распада СССР, и все силы правительства были положены на восстановление внутренней стабильности в государстве. Мечъяр действительно лавировал между партнерами, но в целом, не отдавал заметного предпочтения ни одному из них. Словакия практически не занималась своей внешней политикой, а интеграционные процессы были практически приостановлены. В период с 1995 по 1997 гг., Словакия, в отличие от своих соседей по ЦВЕ, была исключена из списка первоочередных кандидатов на вступление в Евроатлантические структуры [60].

После окончательного перехода страны под управление Мечъяра, начал набирать обороты острый политический кризис. Правительство не могло нормально функционировать из-за разногласий между коалицией и оппозицией. Президент Ковач поддерживал оппозиционные партии, что влекло за собой конфликты с Мечъяром [124]. В итоге в Словакии появилась абсолютно новая модель функционирования парламентской республики, в которой между Президентом и Правительством стоит Конституционный суд, который решает постоянно возникающие споры. Данная модель выглядела следующим образом: Национальный совет принимает закон, Президент его отклоняет, коалиция большинством преодолевает вето и тогда в игру вступает Конституционный суд, чье решение, согласно Конституции, является безоговорочным. Причиной для появления подобной модели стали попытки коалиции внести правки к выборному законодательству. Срок президента Ковача истекал, а значит, Парламент должен был избрать нового. Однако согласия по этому вопросу не было, и оппозиция опасалась, что коалиция будет всячески тормозить даны процесс. Это было

черева-то тем, что до тех пор пока Президент Словакии не избран, его место временно занимает премьер-министр, в данном случае Мечъяр [126].

Не имея возможности действовать поодиночке, демократические партии пошли на объединение. Так в 1996 г. на политической арене Словакии появились две новые коалиции: Словацкая демократическая коалиция и Партия венгерской коалиции [85]. Так же демократы понимали, что если не объединятся до начала предвыборной кампании, то могут просто не попасть в Парламент. В Национальном совете так же появилась новая коалиция. Она носила не официальный характер, в силу своего фактически не оформленного вида. «Синяя коалиция», как ее называли, своей целью видела внесение коррективов в закон о выборах. Целью данных изменений был переход на прямые всенародные выборы президента [86].

Таким образом, сам процесс трансформации словацкой политической системы, из единой чехословацкой в независимую, осложнялся большим количеством противоречий, возникающих у множества политических и общественных движений. За очень короткий срок, в Словакии образовалось порядка шестидесяти политических групп. Первым антикоммунистическим движением в Словакии стало Общество против насилия, которое появилось 19 ноября 1989 г. Однако, толчком к началу периода трансформации от тоталитарного к демократическому государственному устройству, стала ликвидация 4 статьи Конституции ЧССР о руководящей роли компартии 30 ноября 1989 г. Кроме того, стало очевидным, что без существенной реконструкции парламента Словацкой Социалистической Республики не обойтись [69]. Поэтому был принят закон о выборах в парламент 16 марта 1990 г. и это стало началом избирательной кампании. Итогом первых свободных парламентских выборов в Словакии стала поддержка большинством избирателей ОПН, что свидетельствовало о начавшемся демонтаже прежней политической системы.

Также начавшиеся изменения в структуре регионального правительства свидетельствовали о начале пересмотра всей федеральной системы власти. Тем не менее, вопросы перераспределения компетенций между правительствами ЧСР и

ССР решались медленно и с большими трудностями. Важным шагом на пути решения этих проблем стало обсуждение так называемого «Закона о компетенциях», которое началось в декабре 90-го года и завершилось его принятием 12 декабря.

Необходимо отметить, что в 1991 г. партийная система претерпевает изменения. ОПН трансформируется в Движение за демократическую Словакию В.Мечьяра и Гражданский демократический союз. Третьей влиятельной силой стала Демократическая партия Словакии. Вторые парламентские выборы покажут уверенную победу ДЗДС во все региональные органы власти. Главой нового коалиционного правительства стал лидер ДЗДС – В.Мечьяр. Важным достижением нового правительства стало принятие Декларации о суверенитете Словацкой Республики 17 июля 1992 г., которое фактически завершило существование Чехословацкой федерации. Однако можно с уверенностью утверждать, что на момент провозглашения независимости, Словакия находилась в состоянии большой политической раздробленности. Это привело к резкому спаду политической активности словаков. Положение усугублялось глубоким экономическим кризисом. В результате нерешенные экономические проблемы и ожесточенная внутрипартийная борьба привела к парламентским выборам 30 сентября – 1 октября 1994 г. По итогам выборов, ДЗДС лишь укрепила свои позиции. Кроме экономических проблем, в Словакии довольно сильно обострились проблемы национальные - в начале 1994 г. венгры попытались добиться автономии в составе Словацкой Республики [32].

Анализ сложного процесса развития словацкой партийной системы и парламентаризма позволяет выделить следующие причины словацкого политического конфликта:

- он зародился как следствие неправильного поведения политиков и разного подхода к пониманию как демократии в целом, так и путей ее применения к словацкому обществу;
- стал результатом борьбы двух противоположных политических блоков, которые поддерживались разными слоями общества;

- был вызван культурным противостоянием в обществе.

Кризис политической системы, привел к тому, что Словакия практически не занималась своей внешней политикой, а интеграционные процессы были приостановлены, и в период с 1995 по 1997 гг., Словакия была исключена из списка первоочередных кандидатов на вступление в Европейский Союз. Исходя из этого, можно утверждать, что Словакия шла на очередные выборы, назначенные на 1998 г. в крайне ослабленном состоянии. Внутривнутриполитические распри и постоянное противостояние партий не влекло за собой ничего хорошего. Правительство, сосредоточенное на решении своих личных проблем, не уделяло должного внимания экономическим и иным аспектам жизни общества. Как следствие, словацкий пик политической активности пошел на спад. Словаки не видели смысла в проведении выборов, так как фактически ничего не менялось. Словакия вновь вернулась в состояние крайней политической стагнации, а общество снова стало аполитичным и безучастным.

Глава III Становление новой политической модели в Словакии после 1997 г.

3.1 Трансформация общественно-политического строя Словакии под влиянием «третьего сектора»

Долгие годы Европа не принимала активного участия в делах Словакии. Мечьяр проводил довольно изощренную внешнюю политику, не предполагающую движения ни на Запад, ни на Восток. Однако вечно это продолжаться не могло и становилось понятно, что если сейчас словаки не выберут евроинтеграцию, то в дальнейшем они будут искать другие пути развития. Евросоюз, само собой, был заинтересован в присоединении всех стран постсоветской Центральной и Восточной Европы. Попытка расширения своей сферы влияния максимально на восток была присуща Европе даже во времена Холодной войны. Тем более, существовало негласное правило, что без присоединения к НАТО, вступление в ЕС становилось фактически невозможным. Будучи военным блоком, созданным для противостояния интересам сначала СССР, а затем и России, НАТО было заинтересованно, если не подойти к границам РФ как можно ближе, то не допустить расширения влияния Федерации в былых, советских масштабах точно[197].

В этих условиях в Словакии началась поддержка «демократического крыла». Политика Мечьяра официально было объявлена оппозицией диктаторской и на его свержение стали выделяться все возможные силы и средства. Была развернута работа по информированию населения с целью его активно вовлечения в политический процесс. После 1991 года, времени эмоционального подъема и веры в новое счастливое будущее, в Словакии случился сильный спад, характеризующийся полной аполитичностью. Можно провести ряд аналогий с

ситуацией в соседней Украине, в которой после обретения независимости в 1991 г., так же случился глубокий экономический и политический кризис, приведший к снижению уровня вовлеченности общества в жизнь государства. Так же как и в Словакии, первые десять лет независимости в Украине характеризовались поляризацией общества и созданием множества мелких политических сил, работающих на конкретный электорат. Разница была лишь в масштабах государств. Для сравнительно небольшой Словакии, региональная поляризация была фактически не заметна. Куда большей была разница между уровнем политической активности жителей города и села. В своих политических акциях Мечъяр часто использовал привезенных сельских жителей, которые впоследствии и шли голосовать за него на выборах, в то время как городское население было частично аполитичным, частично дезориентированным из-за большого количества политических сил. Однако, как и на Украине, в Словакии появиться разделение на «запад-восток», которое будет заключаться в приверженности либо не приверженности «западным идеалам». Восточные части обеих стран будут выступать против вступления в ЕС и НАТО, в то время как западные регионы будут наоборот активно поддерживать евроатлантическую интеграцию[92].

Парламентские выборы 1998 г. носили решающий характер для дальнейшей судьбы Словакии. Особенностью подготовки к ним было широкое вовлечение так называемого «третьего сектора», т.н. НГО (негосударственных организаций). Словацкие НГО - одни из самых эффективных в Восточной Европе. На них была возложена миссия по информированию общества и созданию определенного общественного мнения у населения. Эффективность работы указанных организацией оценивается по их умению оперативно заполнять «пробелы», существующие в социально-общественной среде. В данном случае, такими были политические вопросы и необходимость их оперативного решения. Впервые масштабное привлечение третьего сектора к массовым политическим акциям произошло в период подготовки и проведения референдума 1997 г. [121]

Была разработана схема, которая затем будет применена и во время предвыборной кампании. Оппозиционные силы сотрудничали сразу по двум

направлениям: первое – сотрудничество с НГО и гражданскими объединениями, а второе заключалось в создании небольших новых объединений, или инициатив, специально под «нужды» референдума. НГО стали активнее вовлекаться в политическую жизнь общества. Итогом такого вовлечения стало появление гражданского объединения «Совместная акция за референдум». Деятельность данного объединения сделала возможным участие всех оппозиционных партий в выборах. Можно сказать, что роль НГО на предвыборном этапе была решающей [72].

В целом, гражданские объединения появлялись очень быстро. Так, кроме «Совместной акции за референдум», появилась еще «Молодежь за референдум». Данная организация отличалась своей масштабностью. Под ее эгидой действовало сразу несколько молодежных объединений, призванных мобилизовать молодежь по всей стране. Так вышло, что поколение, заставшее «бархатную революцию» в детском возрасте, выросло на редкость аполитичным. Кроме ярких воспоминаний о расколе Чехословакии со всеми акциями, демонстрациями и громкими заявлениями, у них в памяти был и глубокий кризис. Молодое поколение старалось покинуть Словакию, перебраться в более развитые соседние страны, но никак не пытаться менять систему изнутри. Мечьярская политическая машина работала преимущественно на пенсионеров. Система образования была в плачевном состоянии и практически не датировалась государством. Были случаи, когда Мечьяр пытался продавать или передавать в собственность здания и имущество учебных заведений и культурных объектов [126].

Уровень грамотности населения в Словакии был средним. Динамика роста уровня грамотности так же была незначительной. Так, с 1990 по 2005 гг. он вырос лишь на 10%. В 1990 г. по данным ООН, уровень грамотности населения Словакии составлял 60%, что является хорошим показателем с точки зрения мировой ситуации в образовании, но по меркам Европы, данного уровня образования недостаточно [107]. Кроме того, система образования в целом была не на первом месте в кругу проблем, решаемых правительством. Вовлечение студентов в политическую жизнь общества было просто необходимо для решения

тех задач, которые ставились перед оппозицией. С появлением негосударственных организаций, нацеленных на работу с молодым населением ситуация стала в корне меняться.

В целом, все новообразованные НГО небыли связаны с конкретными политическими силами. При этом все они занимали довольно четкую позицию в отношении правящей партии. Не было ни одного НГО, выступавшего за попытку диалога между властью и оппозицией, либо ставящего под вопрос деятельность не только правительственных, но и оппозиционных сил. Феномен словацкого третьего сектора заключался в том, что он возник фактически, из неоткуда, на невыясненные средства и стал основным механизмом в системе сдержек и противовесов в вопросах использования власти. Кроме того, НГО стали основой для нового этапа социальных трансформаций, интеллектуальной платформой для общественных преобразований. Всепоглощающая деятельность НГО покрыла те сектора, до которых власть просто не добиралась [81].

Третий сектор защищал права все слоев населения, интересовался жизнью, как крупных городов, так и маленьких общин, решал проблемы от экологических до экономических. Особенностью деятельности НГО в Словакии была их сегментация. Каждое объединение состояло из множества более маленьких, работающих на местах. Можно сказать, что на протяжении довольно короткого периода времени НГО фактически вошли в каждый словацкий дом. Своей главной целью они провозглашали защиту граждан, которая заключалась в свободном доступе к информации, которая, по мнению НГО, была либо искаженной, либо просто скрывалась от населения. Данные организации подчеркивали, что им очень сложно работать, так они все время вынуждены бороться против авторитарной власти, всячески ущемляющей их деятельность. А потому, как только хватка Мечьяра стала слабее, и он отвлекся на более существенные проблемы, НГО моментально отреагировали и стали множиться с невероятной скоростью[183].

Гражданская инициативность сделала Словакия мгновенно очень заметным игроком в восточном регионе. Вместе с НГО в страну пришла до того момента

невиданная западная поддержка и популярность. Так, английский политолог Карэн Хендерсон, писала: «Словакия больше не невидимка. В новое тысячелетие Словакия войдет не как невидимая страна. Она войдет как страна с многослойным обществом, имеющим сильные и слабые стороны. Частью этой видимости современной Словакии является гражданское общество, арена, на которой люди собираются ради достижения своей общей цели – лучшей жизни для себя и других. Позади этих людей стоят невидимые политические и общественные деятели, без которых страна не изменилась бы так разительно за последние годы» [128].

Стоит отметить, что первые НГО появились в Словакии еще в период «бархатной революции» и сыграли немалую роль в распаде Чехословакии. Тогда, будучи угодными новой власти, они добились принятия ряда законов о свободе собраний, которые, формально, требовались Европой для дальнейшей демократизации общества Словакии. В 1994 г. группа общественных организаций интегрировала в единую негосударственную структуру – Комитет третьего сектора (Далее - КЗС). Комитет был заявлен как партнер правительства в гуманитарной сфере и благотворительности, образования, культуры и молодежи, защиты окружающей среды, прав человека и национальных меньшинств. Комитет неоднократно менял свою структуру в зависимости от того, как менялись потребности словацкого общества. Однако основной целью Комитета стала защита всех негосударственных организаций и информировании общества об их деятельности.

Информационной поддержкой третьего сектора занималось Словацкое агентство академической информации (Далее - СААИ) [173]. СААИ – это неправительственная, некоммерческая организация, реализующая деятельность, направленную на повышение уровня гражданского общества. Кроме того, данное агентство содействует интернационализации учебных и научных заведений Словакии. Стоит сделать оговорку, что СААИ реализует свою деятельность и в наши дни, оставаясь одним из самых влиятельных неправительственных акторов в Словакии. Для Комитета СААИ была основным информационным партнером. В

его составе появился журнал «Некоммерческий», в котором освещалась деятельность КЗС. Позднее, Комитет начнет издавать свой собственный журнал «Эффект», а функции СААИ стал выполнять интернет. На базе КЗС быстро возник ряд новых НГО, таких как: Молодежный совет Словакии, Экофорум, Родина, Социофорум и другие.

КЗС занимался всеобъемлющей защитой многочисленных негосударственных структур от нападков власти. Владимир Мечъяр видел угрозу в НГО и стремился запретить их деятельность на территории Словакии. В период с 1990 по 1997 гг., третий сектор был теневым и имел довольно небольшую долю поддержки населения. Тому виной была и информационная политика, направленная на контроль СМИ со стороны власти, и слабая поддержка из-за рубежа. В конце 95 года, в самом начале нового витка политического кризиса, министерства, до того момента если не поддерживающие, то и не саботирующие деятельность Комитета, изменили свою политику. Так в июле 1995 г. министр экологии запретил своему персоналу участвовать в акциях по защите окружающей среды, проводимых НГО. В мае 1996 г. глава Службы информационной безопасности Иван Лекса, сделал доклад в Парламенте. В докладе говорилось, в частности, что «на события, происходящие в Словакии, оказывают влияние различные транснациональные и международные организации, фонды, иностранные лоббисты и группы по интересам. Это влияние куда сильнее, чем мы предполагали. Мероприятия, проводимые ими, часто противоречат национальным интересам Словакии» [100].

Данное поведение правительства трактовалось как авторитарное. НГО создавали образ тирана, запрещающего их деятельность. При этом объективное положение дел как раз указывало на то, о чем предупреждал Иван Лекса. Влияние зарубежных игроков росло с каждым днем, укрепляя позиции НГО. Все акции, приуроченные референдумам, третий сектор позиционировал таким образом, что человек, выступающий против НАТО, выступал автоматически и против свободных выборов президента. Создавалось впечатление, что лишь в евроатлантической интеграции лежит демократическое будущее Словакии.

Влияние, оказываемое на массовое сознание, создавало беспокойство, так необходимое для серьезных политических изменений в обществе. Демократия становилась синонимом оппозиции и негосударственным организациям, а значит, поддержка власти становилась чем-то нелогичным и непонятным. Опасения власти не были беспочвенными. Стоит лишь вспомнить про открытие фонда GEMMA, или про Институт гражданских вопросов, при поддержке Европейского Союза. Так же быстро множились оппозиционные объединения, вроде «Проатлантической инициативы» [165].

Первая масштабная совместная акция оппозиции и НГО прошла в ноябре 1996 г. в Братиславе. В митинге участвовали представители 18 городов Словакии. Основным тезисом акции было недопущение концентрации власти в руках узкого круга людей и пресечение попыток лишить людей возможности самоуправления. Следующим шагом стала самая масштабная на тот момента акция оппозиции и НГО: «Совместная акция «за референдум»». Акция началась в апреле 1997 г. В ней приняли участие все оппозиционные партии Парламента, за исключением Партии левых демократов. Главной целью акции был сбор подписей за референдум про прямые выборы президента. Однако негласной целью была раскачка общества, его подготовка к возможным новым политическим акциям. Данное мероприятия широко освещалось в СМИ, создавалось ощущение вовлеченности населения в процесс государственного управления. Словаки вновь ощутили, что могут сами вершить свою судьбу [210].

К акции присоединялись все новые и новые неправительственные объединения, вроде открытого форума «Сохраним культуру», Словацкого синдиката журналистов, Форума интеграции Словакии, Словацкого Хельсинского комитета, Общества третьего сектора и т.д. Вместе с тем, КЗС, будучи главным координатором процесса, делал акцент на том, что все действия согласовываются с оппозицией. Среди оппозиционных партий, поддерживающих акцию Комитета, были: ХДД, ДС, ДП, СДПС, ВХДД, ВГП, ПЗС. Другими словами, все те партии, что войдут в две новые крупные коалиции. Координатором акции стал заместитель главы Демократического союза Ян Будаи. «Совместная акция «за

референдум»» взяла под свой контроль более 80 телевизионных каналов и радиостанций. Они называли себя ответственными за всю пропагандистскую работу, в рамках которой провели более 120 митингов и после того, как референдум провалился, НГО были полны решимости проводить еще одну акцию за референдум[222].

Получалась довольно противоречивая ситуация. С одной стороны, НГО, проводившие референдум, отмечали небывалую активность населения, подчеркивая, что собрали голосов даже больше, чем планировали. С другой стороны, объективная статистика показала, что явка на референдум составила менее 10%. Причиной этому мог стать тот факт, что оппозиция, с одной стороны, агитировала всех принять участие в референдуме, с другой – подчеркивала, что его результаты все равно будут подтасованы. Таким образом, население с одной стороны мобилизовали, с другой показывали бессмысленность всего происходящего. Создавалась определенная напряженность, которую общество просто должно было разрядить. Эмоциональная составляющая, как показывает практика, одна из основных в технологии смены режимов.

Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в Украине в 2000 г. Когда к власти шла «оранжевая» власть Виктора Ющенко, общество так же было мобилизовано для дальнейших действий. В 2000 г. президент Леонид Кучма проводит всеукраинский референдум, главным вопросом которого, так же как и в Словакии, является изменение порядка выборов президента. Несмотря на то, что большинство населения (84%), проголосовало за изменения, согласно которым: «Президент Украины может также досрочно прекратить полномочия Верховной Рады Украины, если Верховная Рада Украины в течение одного месяца не смогла сформировать постоянно действующего парламентского большинства или в случае не утверждения ею на протяжении трех месяцев подготовленного и поданного в установленном порядке Кабинетом министров Украины государственного бюджета Украины» [10], Рада не приняла результаты. Несмотря на то, что данное законодательство принималось против президента, он выступил за принятие результатов. Против чего выступил министр Юстиции, ссылаясь на

тот факт, что согласно Конституции Украины, результаты референдума носят консультативный, но не обязательный характер. Итогом данного референдума стало углубление политического кризиса, рост недоверия к власти, региональный раскол и дальнейшее деление общества. В 2004 г. на волне народного возмущения и при поддержке Запада, к власти пришло «демократическое правительство».

Кроме негосударственных организаций, на развитие политической ситуации в Словакии оказывали влияние различные фонды. Одним из самых влиятельных был фонд GEMMA, образованный в 1993 г. в городе Римавска Собица, для поддержки региона Гемер. Само название региона - историческое, так как в настоящее время он охватывает города Римавска Собица, Рожнява, Ревуц и Брезно. Таким образом, Гемер – это регион на стыке двух областей: Банскобистрицкой и Кошицкой. Исторически, данные территории всегда населяло венгерское меньшинство, которого было не менее 10%. Ввиду сложных межнациональных отношений, венгерское меньшинство всегда искало помощи и поддержки, что делало данные территории привлекательными для НГО. В своих программах третий сектор всегда выступал за равенство наций, благодаря чему пользовался широкой поддержкой меньшинств [170].

На протяжении довольно долгого периода времени, фонд GEMMA был малозаметным. Он занимался вопросом развития региона и информированием населения о возможных путях выхода из кризиса. Реально фонд себя проявил только в 1997 г., когда произошла трансформация фонда в объединение «GEMMA – 93». В 1997 г. под патронатом президента Ковача, фонд начал акцию «И Словакия в Европу» [236]. Целью данной акции было организовать поход через всю Словакию, проводить в каждом населенном пункте митинги и собрания, на которых планировалось рассказывать населению о необходимости вступления Словакии в Европейский Союз и НАТО [169]. К «походу» готовились долго, на протяжении года, а потому все было очень хорошо организовано. Во время подготовки к акции, организаторы заручались поддержкой широкого круга общественности и разного рода негосударственных организаций как внутри Словакии, так и за ее пределами. Вполне ожидаемым было равнодушное

отношение властей к данной инициативе. А неожиданным оказалось отношение студенческой молодежи, которая фактически проигнорировала даже саму идею проведения данной акции. Студенческие НГО только начинали свою работу по вовлечению большего числа участников. Как известно, студенты являются основной движущей силой большинства революционных процессов, а потому работа с ними всегда идет особенно тщательная.

Акция началась 6 мая 1997 г. в городе Снина, с пешего похода и митинга, а закончилась 20 мая 1997 г. митингом «Лучше жить в Европе», прошедшим в Братиславе. Город Снина – один из самых восточных городов Словакии. В государстве была ситуация, аналогичная украинской, когда восточные и западные области разделяют государство на два противоборствующих лагеря. Восточные земли Словакии, так же как и восточные области Украины, выступали против Европейской интеграции и были яркими противниками вступления страны в НАТО. Не удивительно, что для начала «эстафеты» GEMMA выбрала именно самую восточную из областей Словакии. Отличительной чертой словацкой ситуации было то, что между западными и восточными областями не было такого сильного разрыва в экономическом развитии, как это имеет место в Украине. Восточные регионы Словакии были традиционно аграрными и всегда отставали от среднего уровня благосостояния по стране. Именно в этих регионах жил основной электорат Владимира Мечьяра. Видимо именно этот фактор и стал основным в выборе отправной точки акции [221].

В том, что эстафета шла с востока на запад, организаторы видели свой символизм. Они утверждали, что это своего рода демонстрация пути самого государства на запад, в сторону Евросоюза и западных ценностей. Эстафета шла по трем направлениям. Первое затронуло южные и центральные регионы страны. Общей протяженностью 660 км, первая «ветвь» эстафеты прошла из Снины в сторону Братиславы через Михалове, Кошице, Римавску Сobotу на юге и свернула в центральную часть Словакии через Банску Бистрицу и Нитру. Второе направление было северным и проходило через Гуменне на север в сторону Братиславы. Общая протяженность северного маршрута была 780 км. Третьим

было юго-западное направление маршрута. Оно охватывало города Комарно и Дунайску Стреду. 20 мая все три ветви слились в одну в Братиславе, где и прошел заключительный митинг. Всего с 6 по 20 мая 1997 г. участники акции прошли и проехали около 1640 км по территории государства. Организаторы утверждали, что около 800 км участники прошли пешком по населенным пунктам и пользовались автобусами только на длительных дистанциях[82].

Во время данной акции, организаторы проводили многочисленные митинги, раздавали агитационные листовки, привлекали местных гражданских деятелей. Большинство акций носило нетипичный для Словакии формат. НГО использовали всю богатую палитру европейских наработок в сфере манипуляции общественным сознанием. Своей основной целью участники акции называли развертывание дискуссии о внешнеполитических ориентирах Словакии. По мнению представителей третьего сектора, население слишком пассивно участвовало в процессах выбора дальнейшего пути развития Словакии, и это было необходимо исправить. Второй целью было информирование граждан о Европейском Союзе и НАТО. По мнению представителей GEMMA, у словаков было предвзятое отношение к НАТО, насажденное им политикой Мечьяра. А потому, хоть акция и называлась «И Словакия в Европу», по сути это была акция «И Словакия в НАТО» [132].

Во время «похода», третий сектор впервые в истории независимой Словакии широко вовлек тех, кого принято называть «четвертая власть» - средства массовой информации. Так как телевизионные каналы преимущественно контролировались правительством, организаторы «похода в Европу» привлекали радио и печатную прессу. Не оставили без внимания данную акцию и представители зарубежных СМИ. Можно сказать, что благодаря данной акции, о Словакии впервые заговорили ведущие западные каналы, а простые европейцы узнали, что в самом сердце Европы, ведет борьбу за демократию народ Словакии. Европейские СМИ освещали данную акцию таким образом, что создавалось впечатление, будто власть не поддерживает инициативу населения вступить в Европейский Союз. Вместе с тем, стоит отметить, что данные события освещали

далеко не ключевые западные СМИ, но для НГО Словакии и это было победой. Их не так волновало освещение ситуации за рубежом, сколько то, что это можно преподнести населению как показатель того, что Европа беспокоится о них и не бросит в трудную минуту. Очень важно было создать у словаков ощущение, что они европейцы и могут стать членами большой европейской семьи, от которой они были оторваны.

Стоит отметить, что спонсором данной акции выступало USAID – Агентство США по международному развитию. Данное Агентство пользуется дурной славой из-за своих операций по смене правительства в разных странах мира. Так, в России деятельность USAID была прекращена в 2012 г. Заявление представителя МИД России Александра Лукашевича, по этому поводу, очень четко отображает всю деятельность Агентства: «Характер работы представителей Агентства в нашей стране далеко не всегда отвечал заявленным целям содействия развитию двустороннего гуманитарного сотрудничества. Речь идет о попытках влиять через распределение грантов на политические процессы, включая выборы различного уровня и институты гражданского общества»[34].

В Восточной Европе USAID так же неоднократно себя проявляла. Агентство влияло на разработку проектов Конституции многих стран и внесении поправок в гражданское и налоговое законодательство. Главной целью Агентства всегда была поддержка демократии и гражданского общества и сотрудничество с неправительственными организациями. В Словакии Агентство работало в период перехода от «Мечьяризма», будучи фактическим организатором всех проходивших в стране акций. Через ОТИ - отдел переходных инициатив, Агентство финансировало ни одну смену режима во многих странах мира. Сейчас USAID продолжает свою деятельность на территории Украины.

Кроме фонда GEMMA и не без поддержки USAID, в Словакии появился один из самых влиятельных институтов – Институт по гражданским вопросам (IVO). Он был основан в 1997 г. как независимое объединение экспертов в разных отраслях знаний. IVO это организация по типу «think tank», а главная деятельность – изучение информации о состоянии общества и направлениях его

развития. За период с 1997 г., институт опубликовал большое количество отчетов о состоянии словацкого общества на разных этапах его развития. Так же IVO занималось пред референдумной кампанией, издав несколько брошюр, целью которых было повлиять на мнение граждан о вступлении в НАТО. Одним из главных исследований в данной сфере была работа «Факты и иллюзии про нейтралитет» Юрая Ешко[20]. В целом, данный материал содержит обобщенный материал об истории нейтралитета в Европе и опыте разных стран. В качестве вывода, автор сделал заключение о том, что для Словакии невозможно будущее в качестве «нейтрального» государства, а потому страна должна стать частью альянса, чтобы противостоять возможным угрозам. Так же подводился итог, что в будущем без НАТО Словакия просто не сможет самостоятельно обеспечивать безопасность государства. Вместе с Ешко, к исследованию подключился Габриел Палацка, который проанализировал экономические аспекты нейтралитета в своем исследовании «НАТО и цена безопасности» [20]. Палацка приходит к выводу, что для Словакии экономически целесообразно войти в НАТО, хотя, как показали дальнейшие события, это было не правдой и с того момента, как Словакия встала на путь атлантической интеграции, объемы средств, выделяемых на армию выросли и это ударило по экономике.

Второй брошюрой IVO была работа Даниела Бутора «Референдумы в мире». В ней содержалась история проведения референдумов, аргументы в пользу проведения и против этого, информацию о швейцарских кантонах и муниципалитетах и швейцарском опыте в целом, референдумах во всем мире и политических референдумах в частности. Так же в брошюре было детально изложено содержание и формулировка вопроса, выносимого на референдум и четыре вопроса, выносимые на референдум в Словакии [164]. Презентация обеих брошюр прошла в Парламенте. Каждый депутат из партий, поддерживающих референдум о прямых выборах президента, получил свой экземпляр. Так же материалы попали в книжные магазины и во все средства массовой информации. Благодаря помощи фонда GEMMA, материалы раздавались и простым гражданам во время акции «И Словакия в Европу».

Стоит отметить, что коалиционные силы не получили данные материалы. Изначально все кампании строились таким образом, чтобы подчеркнуть различия между правящей коалицией и оппозицией, показать, что власти не интересуют положение дел в стране, и они не заинтересованы в работе с общественным мнением. Вместе с тем, правительство, заявляющее о том, что все акции проводятся при поддержке Запада, были не беспочвенными. Огромные финансы, необходимые для воплощения данных проектов, было неоткуда взять в кризисной Словакии. Все они поступали из-за океана, через различные американские фонды поддержки демократии. Финансирование на этот проект выделил американский Open Society Institute. В исторической ретроспективе прослеживается удивительный парадокс выборочности поддержки демократии, да и понимания самого значения демократии в целом. Так, в 1997 г. американцы вложили много времени и средств в проведение референдума и признания его результатов [164]. Когда референдум провалился, Запад выступил с осуждением действий власти, назвав их недемократическими, так как они не признавали решения собственного народа. В то же время, в 2014 г. во время проведения референдума в Крыму и на Донбассе, все тот же Запад назвал итоги недействительными и призвал власти не признавать их. Становится очевидным, что демократия может быть лишь тогда возможной, когда не перечит планам США.

Также к акциям, приуроченным к референдуму, присоединились такие организации как SKOI (Постоянная конференция Гражданского института) и SFPA (Словацкое объединение по вопросам внешней политики). SKOI больше походила на политическую партию, имела сотрудников по всей стране и проводила постоянно дискуссионные клубы для того, чтобы граждане могли познакомиться с известными словацкими политическими деятелями, учеными и журналистами. В рамках данных клубов, SKOI накануне референдума проводила агитацию и раздавала гражданам листовки. SFPA имело иное направление деятельности. Основной целью объединения было содействие широкой интеграции Словакии во все евроатлантические структуры [137]. Для реализации данных идей, объединение проводило лекции, конференции, форумы, семинары и

дискуссии. С 1995 г. в структуре объединения появился Исследовательский центр. После того, как Мечъяр объявил о намерении провести референдум о вступлении в Североатлантический Альянс, SFPA стало проводить все мероприятия в несколько раз чаще. Их главной целью была поддержка идеи вступления Словакии в НАТО на референдуме. Довольно быстро стало очевидно, что деятельность объединения касалась только интеграции в атлантические структуры. Можно приводить еще большое множество примеров и упомянуть такие организации как CEP (Центр по вопросам европейской политики) и PAI (Проатлантическая инициатива). У всех НГО была общая идея: свободное гражданское общество Словакии и интеграция государства в ЕС и НАТО. Однако на практике вся их деятельность сводилась лишь к агитации за вступление в НАТО. Европейские планы Словакии были всего лишь прикрытием для атлантической интеграции [167].

Все проевропейские НГО Словакии на самом деле оказывались агитаторами Североатлантического Альянса. Финансирование третьего сектора так же осуществлялось из-за океана, о чем свидетельствуют обнародованные данные. Следующим шагом после проведения акций за референдум было появление объединенной платформы. Представители третьего сектора понимали, что если референдум провалится, то и результаты грядущих выборов могут оказать не такими, какими бы хотелось. Несмотря на то, что в акциях было задействовано большое количество граждан, явка на референдум была незначительной.

Следующей масштабной акцией стало появление ОК'98 (Občianska kampaň '98) – Гражданская кампания 98 [194]. Целью данной кампании было повысить уровень осведомленности граждан о выборах, создать мотивацию для участия граждан в выборах, гарантируя им справедливые результаты посредством народного надзора за ходом выборов и подсчетом голосов. Именно благодаря данной акции, как утверждают ее организаторы, явка на выборы составила рекордных 84% избирателей. Под эгидой Гражданской кампании дюжины НГО организовывали митинги и встречи, проводили лекции и конференции, раздавали листовки, снимали и показывали агитационные ролики. Проводились культурно-

образовательные мероприятия, по всей стране сотни волонтеров привлекали внимание граждан к выборам. Можно сказать, что именно благодаря их работе, избиратели не только пришли на выборы, но и проголосовали за те силы, на которые им указывали. Достаточно быстро предвыборная агитация свелась к тому, что выборы 1998 г. были выборами против авторитаризма и за демократию[237].

Победа демократической коалиции на выборах 1998 г. не только не снизила роль третьего сектора в словацкой политики, а, напротив, вывела НГО на новый уровень. Они, наконец, вышли из тени, ощутили свою значимость и заручились достаточной поддержкой общества, чтобы развернуть широкую деятельность по построению общества гражданской ответственности. НГО взяли на себя функцию контроля за властью. Теперь они имели достаточно полномочий, чтобы не дать новому правительству свернуть с пути Европейской интеграции, что подразумевало и интеграцию в НАТО. Так же, был провозглашен курс на демократические ценности и качественные перемены во всех сферах жизни государства. НГО собирались проследить за тем, как правительство будет решать существующие экономические и социальные проблемы. Можно сделать вывод, что третий сектор стал ведущим и самым влиятельным в Словакии.

НГО реализовывали большое количество инициатив пропагандистского характера. Одной из таких была инициатива по реформированию структуры государственного управления: «За реальную реформу общественного управления до 2000 года». Также появилась инициатива о внесении изменений в прохождение гражданской военной службы, начале полемики об изменении качества дорог, созданию закона об обращении с отходами. В гуманитарном секторе НГО также создали ряд инициатив: направленные на повышение внимания общества к женщинам – жертвам насилия («Каждая пятая женщина – 2002»), межэтнической толерантности («Расизм это и ваша проблема – 2001»), выступающие против дискриминации сексуальных меньшинств [145].

Одной из своих главных побед на период начала двухтысячных годов, НГО называли принятие закона «О свободе информации», который обязывал всех

чиновников предоставлять информацию о себе, своей деятельности и доходах. Словаки до сих пор называют данный закон в этой сфере лучшим в Европе. Особенностью его принятия было то, что он возник как гражданская инициатива и проводился под лозунгом «Что не секретно, то общедоступно». В акции приняло участие около 120 НГО и более 100 000 гражданских активистов. Кроме государственного уровня, организации также действовали и на локальном уровне. Они сделали популярной тенденцию создавать общественные фонды и объединения. Локальные негосударственные фонды были образцом того, как можно вкладывать финансирование от частных спонсоров с учетом потребностей населения. Они создавались таким образом, чтобы охватывать каждый из регионов Словакии и заниматься постоянным мониторингом проблем и потребностей населения [229].

С 2000 г. словацкие НГО перешли на абсолютно новый уровень. Укрепив свою власть в Словакии, они стали вовлекаться в международные процессы, под эгидой международного третьего сектора. Они оказывали гуманитарную помощь Косово и Восточной Африке, однако наибольшего внимания заслуживают их акции по помощи в установлении демократии в таких странах как Сербия, Украина, Беларусь и т.д. Словацкий третий сектор очень тесно сотрудничал с украинским. Они не только издали ряд совместных работ, в которых проводили параллели между процессами в Словакии и Украине, но и активно помогали украинским коллегам построить подобную модель, при которой НГО смогут играть в государстве ведущую роль. В исторической ретроспективе, можно сказать, что им удалось достичь определенных результатов на данном поприще [90].

Связь словацких НГО с украинскими одна из наиболее тесных. Они массово влились в украинский третий сектор и стали помогать выстраивать необходимую модель. Украине преподносился вариант словацкого интеграционного опыта как единственно правильного и применимого. В Украине проводились презентации, приезжали эксперты из IVO, и в целом выстраивалась определенная модель третьего сектора, который на тот момент в Украине был развит слабо. В целом, активизация третьего сектора на Украине приходится на 2008 г., когда

«демократическая» власть В.Ющенко стала терпеть сокрушительное поражение, и стало понятно, что к власти придут совершенно другие силы. Активизация была связана с тем, что необходимо было подготовить почву под будущие изменения государственного устройства Украины.

В стране проводились регулярные мероприятия с участием представителей НГО стран Восточной Европы. Стоит отметить, что третий сектор был одинаково хорошо развит и в Польше, и в Чехии, и в Венгрии, и везде являлся одной из движущих сил процессов трансформации. Во всех странах Восточной Европы НГО были широко вовлечены в процессы евроатлантической интеграции. Однако именно Словакия и Польша были ключевыми игроками в сфере налаживания контактов с украинским третьим сектором. На роль этих государств была возложена миссия добрососедской помощи в Европейской интеграции Украины. При поддержке все тех же американских фондов «распространения демократии», на Украине начали выстраивать восточноевропейскую модель функционирования государства, при которой одна из ключевых ролей принадлежала третьему сектору и «голосу народа». Проводя параллели, можно найти очень много общего между развитием ситуации на Украине и в Словакии.

Активизация словацких НГО после 2004 г. была обусловлена тем, что страна вступила в Европейский Союз и могла уже оказывать помощь другим государствам и делиться своим положительным опытом. Вместе с тем, именно на период присоединения Словакии к Европейскому Союзу и приходится пик деятельности НГО, они полностью оправдали доверие американских и европейских спонсоров и добились необходимого результата от населения. Известно, что если бы словаки не поддержали присоединение Словацкой Республики к ЕС и НАТО, то интеграция была бы невозможной. Стоит вспомнить, что за годы «Мечьяризма» в стране сложился устойчивый негативный образ евроатлантического партнерства. Вместе с тем, все остальные виды партнерства так же были сомнительными, а оставаться в постоянной изоляции Словакия не могла. При Мечьяре даже деятельность государства как члена Вышеградской группы, была крайне пассивной, и стоял вопрос о выходе

Словакии из состава организации или вообще роспуске данной группы за ее неэффективностью[120].

После победы демократической коалиции на выборах 1998 г., встал вопрос о создании единого органа, который будет регулировать деятельность НГО, занявших свое место в системе государственного управления и не планировавших сдавать позиции. 31 августа 1999 г. резолюцией правительства Словакии был учрежден Совет правительства Словацкой Республики для неправительственных некоммерческих организаций (Далее – Совет). Совет получил конкретное место в составе правительства Словацкой Республики, избранного в 1998 г. в соответствии с поставленными перед ним задачами в области построения гражданского общества. Данные задачи были поставлены перед Советом во время конференции НГО, прошедшей 6 августа в городе Ступавна. На конференции присутствовали как самые влиятельные в Словакии организации, так и НГО второй и третьей величины. Коллегиальным решением было одобрено создание Совета при правительстве [115].

Процесс был начат еще в 1997 г. Комитетом третьего сектора. На пятой конференции НГО, в октябре 1997 г. в Ступавине, КЗС предложила, чтобы созданная ими правовая группа начала заниматься пересмотром налогового законодательства. Предполагалось, что новое правительство, которое должно было войти в полномочия после 1998 г., будет более сговорчивым и появится возможность внести поправки в законодательство. Несмотря на то, что до выборов еще оставалось время, Комитет фактически вел переговоры с еще не вступившей в полномочия властью, подчеркивая, что знает исход голосования. Суть изменений касалась 1% системы распределения налогов. На конференции было принято решение, что если новое правительство, все же окажется не таким сговорчивым, как им бы хотелось, то у НГО уже есть достаточный уровень поддержки от населения и они будут способны пойти на какие-то меры самостоятельно [150].

Как говорилось ранее, словацкий третий сектор не был сепарирован от остальных аналогичных структур соседних стран. Как только встал вопрос о

пересмотре налогового законодательства в Словакии, в процесс включились НГО других стран. Так как ситуация в Словацкой Республике была самой тяжелой во всей Восточной Европе, то было решено «подать пример» более демократичной Венгрией. В апреле 1998 г. в Братиславе прошел совместный семинар словацких и венгерских НГО о распределении налогов по системе 1% в Венгрии. В семинаре, кроме Комитета третьего сектора, участвовали венгерские НГО, Министр финансов и юстиции Венгрии, а так же Некоммерческий информационный и учебный центр (NOIK), на который была возложена функция повышения уровня осведомленности общества о предстоящих изменениях. В последствие в Венгрии были приняты поправки в законодательство.

Накануне выборов 1998 г., Комитет презентовал всем политическим партиям, тогда еще состоящим в оппозиции, документ «Требования НГО». Среди прочего там содержалось данное предложение: «НГО требуют внести поправки в налоговые акты, чтобы граждане и бизнес сектора получили возможность вносить пожертвования на общественно полезные цели. Мы требуем:

- право граждан на получение налоговых льгот для пожертвований;
- для юридических лиц расширить либо увеличить свои налоговые вычеты в пользу долгосрочной поддержки НГО;

- налоговый режим для НГО должен быть изменен таким образом, чтобы НГО могли максимально использовать свои доходы для общественного развития»[117].

Во время предвыборной кампании, Словацкая демократическая коалиция заявила о своей поддержке третьего сектора. В их манифесте содержался пункт о том, что как только партия вступит в свои полномочия, в законодательство будут внесены поправки, согласно которым каждый гражданин сможет жертвовать 1% своих налогов любой некоммерческой негосударственной организации, фонда либо общественного объединения [150]. Сразу после парламентских выборов в декабре 1998 г. и победы демократической коалиции, КЗС предложило Министерству финансов сотрудничать в вопросах разработки финансового законодательства по пунктам, касающихся НГО. Однако Министерство отклонило данное предложение, а потому через год Комитет предложил вновь внести поправки в

налоговое законодательство. НГО было необходимо получить больше свободы и выйти из-под контроля властей в своих финансовых вопросах. Тем не мене, каким бы лояльным к НГО не было новое правительство, Министерство финансов так и не пошло на уступки в вопросах изменения налогового законодательства. Поворотным моментом стала встреча Комитета с премьер-министром и, в тоже время, председателем СДК, Микулашем Дзуриндой. представители третьего сектора выразили опасения, что данные промедления в принятие изменений в налоговом законодательстве отодвигают Словакию от вступления в ЕС, поскольку страна не хочет делать свое законодательство боле европейским и прозрачным. Так как для Дзуринды интеграционный аспект был одним из ключевых, он обещал посодействовать НГО в этом вопросе [116].

К тому моменту Минфин уже завершил проект поправок к закону о налогах на прибыль и юристы понимали, что предложения, вносимые НГО, на деле будут серьезно отличаться. Так как времени на информирование депутатов и проведения кампании для населения, Комитет пытался влиять на итоговый вид 1% системы путем проведения отдельных встреч с представителями различных политических групп. Главным аргументом было то, что налогоплательщики должны сами принимать решения о путях распределения налогов. Так же данная инициатива попадала под запланированную децентрализацию власти и переводение части полномочий на муниципалитеты. Основываясь на данных венгерских НГО, Комитет подсчитал, что система 1%-го распределения окажет влияние на словацкий бюджет в размере около 2,5 млн. евро. В конечном счете, данные поправки были приняты в 1999 г., но вступить в силу должны были только с 2002 г., так как Минфин ожидал снижения корпоративного подоходного налога с 34% до 29%, и было еще неизвестно, каким образом это повлияет на доходную часть государственного бюджета [83].

Таким образом, анализ исследуемого материала позволяет сделать вывод, что влияние неправительственных организаций крепло в Словакии с каждым днем. Третий сектор стал один из основных рычагов давления на правительство, имея серьезную поддержку со стороны европейских и американских структур. Это

позволяло НГО влиять на политику государства. Также необходимо отметить, что основным направлением деятельности НГО было активное вовлечение населения в политическую жизнь. Словаки, изголодавшиеся по участию в государственной жизни, охотно участвовали в акциях проводимых негосударственным сектором. Это создавало ощущение решения «словацкого вопроса». Казалось, еще чуть-чуть, и словаки будут называть себя членами большой европейской семьи.

Кроме того, с каждым годом независимости историческая потребность поиска самоопределения в Словакии не становилась меньше. Однако теперь решением этой проблемы были заняты западные структуры, имевшие очень четкое представление о будущем государства.

После вступления в Европейский Союз, Словакия должна была так же легко присоединиться к НАТО, что и являлось очевидной целью, учитывая масштабы финансовых и иных вливаний в Республику, довольно долго остававшуюся в тени политики крупных европейских стран. Очевидно, Словацкая Республика должна была в любом случае стать участницей очередной волны расширения ЕС. Таким образом, можно утверждать, что все происходящее в Словакии в период присоединения к НАТО отработывалось как определенная модель влияния на правительственные структуры и средство манипулирования общественным мнением. Отработанные методики позднее будут неоднократно использоваться и в других странах, в частности в Украине, где НГО станут основной движущей силой кардинального изменения направления внутренней и внешней политики государства.

3.2 Начало интеграционных процессов в Словакии в период первого кабинета М. Дзуринды.

Политический кризис, охвативший Словакию после 1996 г. не мог оставаться неразрешенным. Коалиция и оппозиция фактически зашли в тупик и не могли принять ни одного решения. Конституционный суд, выполняющий роль постоянного арбитра, просто не успевал решать такое количество вопросов. «Мечьяризм» приобрел ужасающие формы: власть премьера была фактически неограниченной, кумовство достигло небывалого размера, внешнеполитическая деятельность была приостановлена. Словакия находилась в глубоком и всеохватывающем кризисе.

Для выхода из сложившейся ситуации, пять демократических партий: Христианско-демократическое движение, Демократическая партия, Демократический союз, Партия зеленых Словакии, Социал-демократическая партия Словакии, приняли решение объединиться в Словацкую демократическую коалицию (Далее – СДК). Данное решение было обусловлено внесением поправок в закон о выборах, который делал практически невозможными выборы в составе многопартийной избирательной коалиции. Стоит отметить, что СДК была оформлена как самостоятельная политическая сила, а не как объединение пяти партий. Аналогично поступили партии, входящие в Венгерскую коалицию. Венгерское христианско-демократическое движение, движение «Сосуществование» и Венгерская гражданская партия (Далее – ВГП), вынужденно интегрировали в новую политическую силу – Партию венгерской коалиции (Далее – ПВК)[89].

Как только были образованы две новые партии, способные противостоять ДЗДС, между ними начались переговоры. Итогом стал ряд договоренностей между правоцентристами и ПВК о необходимости принятия законопроекта о прямых президентских выборах, для чего было решено провести референдум и

максимально привлечь общественность. Можно сказать, что все дальнейшие успехи двух коалиций были связаны лишь с тем, что партии демократического толка, наконец, поняли необходимость договариваться. Ошибочно считать, что в обществе произошли столь масштабные изменения в образе мышления, что оно решило отказаться от идеологии ДЗДС. В целом, электорат национал-популистов не был всеобъемлющим.

Главной проблемой была как раз политическая пассивность большей части населения. Многие не шли на выборы, так как не видели в них необходимости, понимая, что новый состав Парламента сможет изменить, так же мало, как и старый. Итогами каждых выборов становились лишь все новые распри и конфликты среди политиков. Сторонники Мечьяра никогда не составляли большинства словацкого общества. Однако так как партийная раздробленность была высока, голоса остальных избирателей фактически растворялись, что влекло за собой общую большую потерю голосов. Приверженцы парвоцентристских идей голосовали сразу за пять разных партий, потому голосов сторонников ДЗДС было достаточно для установления «тирании большинства». Консенсус в рядах демократических сил позволил устранить данную проблему, так как теперь избиратели всех пяти партий голосовали за единую силу, что делало их голоса более весомыми. Можно сделать вывод, что не в отсутствии политической культуры была главная проблема словацкого общества [241].

В 1997 г. в Словакии прошел ряд референдумов, окончательно сформировавший отношение общества к власти. Так, к предложенному оппозицией референдуму о прямых президентских выборах, правящая коалиция добавила еще один референдум, касающийся вступления Словакии в НАТО. Данный вопрос казался довольно абсурдным, так как именно в 1997 г. Словакия официально была вычеркнута из списка претендентов на присоединение к ЕС и НАТО. Кроме того, к самому вопросу о вступлении в НАТО, на референдум были вынесены так же вопросы о размещении военных баз и ядерного оружия на территории Словакии. В результате оба референдума провалились, вследствие бойкота населения. Менее 10% словаков пришли на голосование, а участковые

комиссии по проведению референдума всячески саботировали работу, что в дальнейшем подтвердит Конституционный суд. Вместе с тем, ожидаемого результата срыв референдума не принес. Позиции Мечъяра стали еще более шаткими, коалиция стала терять остатки популярности. В преддверии выборов, главной угрозой была возможность подтасовки результатов выборов. Для того чтобы снизить возможность фальсификации, было принято решение о параллельном подсчете голосов[117].

Параллельный подсчет голосов, согласно законодательству Словакии, заключался в том, что в представители всех политических партий, участвующих в выборах, принимают участие в подсчетах голосов. Они ставили свои подписи под избирательными протоколами. У каждой политической силы были свои представители в каждом регионе страны, что делало возможным одновременный и параллельный подсчет голосов по всей стране. Таким образом, фальсификация становилась практически невозможной, так как было сложно понять, какие результаты у других комиссий и в как необходимо «менять» результат. Кроме того, на выборах 1998 г. в Словакии работала система опросов «exit poll», результаты которой были обнародованы к вечеру дня выборов, а значит, примерные результаты были известны широкой общественности до окончания официального подсчета голосов. Так же демократические силы активно способствовали привлечению к выборам международных наблюдателей, чье присутствие в данной ситуации было просто необходимо [144].

В период предвыборной кампании можно было в целом заметить активное вовлечение европейских игроков в процесс. Европейский Союз, занимавший до того момента роль стороннего наблюдателя, вдруг резко включился во внутренние процессы, происходившие в Словакии. СДК и ПВК получали широкую поддержку от ЕС. Причиной тому было множество факторов, но главный – невозможность отдельного присоединения Словакии к Европейскому Союзу. Запланированное вхождение сразу Чехии, Эстонии, Венгрии, Литвы, Латвии, Польши, Словакии и Словении, могло быть сорвано из-за внутренних проблем в Словацкой Республике. Под вопросом было и членство Румынии и

Болгарии, которые присоединятся только в 2007 г. [172] Для Словакии потеря возможности вхождения в Европейский Союз на том этапе не была неожиданностью. Государство, объективно было не готово ни к каким интеграционным процессам. Ослабленная экономика, недееспособная законодательная и исполнительная власть, политическая раздробленность, рост национальной напряженности и стагнация армии – все это исключало Словакию из списка претендентов на членство в ЕС [162].

Среди других причин, повлиявших на победу Демократической Коалиции на выборах, можно выделить следующие:

- предотвращение потери голосов избирателей за счет правильной стратегии, повлиявшей на снижение фрагментации правоцентристской части политического сектора;

- мобилизация граждан на выборы (благодаря акциям третьего сектора, явка составила рекордных 84%);

- акцентирование внимания на демократически настроенных избирателях и активная работа с ними в рамках предвыборных кампаний;

- участие представителей правоцентристских партий в акциях третьего сектора и активное вовлечение политиков в действия НГО;

- создание имиджа «защитников демократии» для правоцентристских партий, который затем был успешно использован во время предвыборной кампании;

- работа с населением в сфере выбора внешнеполитической стратегии Словакии. НГО сумели создать необходимую атмосферу общественного желания вступить в европейский Союз. А так как СДК провозглашало интеграцию своим основным приоритетом, это и предопределило исход выборов [77].

Стоит отметить, что основным ключом к успеху стала предложенная СДК программа. В отличие от программ предшественников, она представляла собой реальную альтернативу сложившейся системе с четким планом действий. Кроме того, при поддержке третьего сектора, демократические силы опубликовали большое количество аналитических документов в рамках своей предвыборной агитации. Позднее, после победы демократов на выборах, упомянутая программа

ляжет в основу правительственных реформ. Кроме того, вся деятельность правительства основывалась на кооперации с третьим сектором, что создавало дополнительную поддержку. В некоторых областях сотрудничество было настолько тесным, что предполагало не только использование аналитических материалов и выводов экспертов, но и непосредственного вовлечения представителей НГО, и даже их назначения на руководящие посты.

После победы на выборах 1998 г., новое правительство сформировали представители правоцентристских и левых партий: СДК, ПВК, ПДЛ и Партия гражданского взаимопонимания (Далее – ПГВ). Первым, чем было необходимо заняться новому правительству, был экономический сектор. Кроме того необходимо было устранить все недемократические проявления, оставшиеся после правления Мечьяра. В составе правящей коалиции был сильный перевес в сторону правоцентристов – СДК и ПВК. Так же стоит отметить, что такие партии как ХДД, ДП и ДС стали играть меньшую роль в словацкой политике. Их положение стало шатким в период избирательных кампаний 1998-2002 гг., т.к. они были согласны не со всеми проводимыми в государстве реформами. Однако они оставались достаточно сплоченными, чтобы реализовывать правительственную программу в сфере экономики [187].

В 1999-2001 гг. в правоцентристском крыле произошла серьезная фрагментация. После выборов 1998 г. в СДК началась перегруппировка из-за постоянного напряжения между отдельными партийными представителями. Конфликтные ситуации были связаны с тем, что у разных представителей разных партий было разное видение дальнейшего развития «не левых» партий. Связано это было, в первую очередь, с деятельностью Дзуринды. Будучи лидером СДК, он настаивал на том, чтобы отойти от христианско-демократической платформы и перейти в формат «народной» партии. В тоже время другие представители «материнских» партий СДК, в том числе и ХДД, хотели сохранить свою идентичность [188]. В результате в 2000 г. ХДД окончательно отделилась от СДК и стала официальным пятым членом правящей коалиции. В том же 2000 г. Дзуринде удалось договориться с остальными представителями СДК и

трансформировать партию в народную. Так СДК стала Словацким демократическим и христианским союзом (Далее – СДХС), в которую, в дальнейшем, вошли многие либеральные партии, например Демократический союз.

СДХС должна была стать основой для интеграции правоцентристских сил и платформой для объединения христианских, либеральных и консервативных партий. По словам учредителей, СДХС должна «перешагнуть границы идеологической ограниченности, положив конец бессмысленному разделению на конфессиональных и гражданских правых»[209]. Кроме того планировалось отойти от коалиционного устройства, а сама форма партийной организации на основе коалиции малых партий признавалась изжившей свое. Вместе с тем, СДХС так и не удалось стать ключевым актором словацкой политической арены. ХДД сохранила большую часть избирателей, а СДХС не стала «народной» партией в той мере, что позволила бы ей завладеть большинством голосов избирателей. Конфликты в рядах правящей коалиции влияли на поддержку гражданами определенных партий, однако абсолютно не влияли на осуществление заявленной программы реформ. Таким образом, партии в составе коалиции хоть и соперничали, но в рамках воплощения правительственных программ СДХС, ХДД и ПВК действовали сообща.

Другие существенные изменения на политической арене Словакии в 1999-2001 гг. касались раскола в составе ПДЛ. В 1999 г. из ее состава вышла новая политическая сила – Смер (Курс) – Социальная демократия (Далее – Смер – СД). Во главе партии стал Роберт Фицо, заместитель председателя демократических левых и самый популярный левый политик Словакии того времени [125]. Довольно быстро «Смер» стала ведущей левой политической силой. В тоже время, из-за присоединения Демократического союза к СДХС, появилось место для еще одной новой политической силы. Ей стал Альянс нового гражданина (Далее – АНГ). Во главе партии стал предприниматель из сферы масс-медиа – Павол Руско. Обе партии довольно быстро завоевали популярность избирателей. Однако в своей критике власти они разительно отличались. Смер критиковала

самую идею социально-экономического либерализма, в то время как АНГ выступала против резких экономических реформ и осуждала политические скандалы, постоянно происходившие в широкой коалиции [89].

В целом, накануне выборов 2002 г., в Словакии наблюдались существенные изменения в общественном мнении. Так, в 1990 г., во время первых выборов в Словацкий национальный совет, лидировали силы, провозглашавшие себя демократическими. Общество против насилия имело существенный отрыв от других политических сил. Они заручились поддержкой 29,3 % голосов избирателей и получили 48 депутатских мандатов, что в итоге и предопределило судьбу Чехословакии и повлияет на становление независимого словацкого государства. На втором месте на выборах 1990 г. было Христианско-демократическое движение, получившее 19,2 % голосов и 31 мандат. Далее голоса распределялись следующим образом: Словацкая национальная партия 13,9% (22 мандата), Коммунистическая партия Словакии – 13,3% (22), «Сосуществование» - Венгерское христианско-демократическое движение – 8,6% (14), Демократическая партия – 4,3% (7) и Партия зеленых – 3,4% (6) [147]. Как уже говорилось выше, в Словакии образца 1990 г. во главе стояли демократические силы, выступавшие за уход от коммунистической модели государства и переход на европейские стандарты демократического общества. Границей для прохождения в парламент на выборах было преодоление 3%-ного барьера. Была сформирована коалиция ОПН – ХДД –ДС, которая в дальнейшем трансформируется в национал-популистскую силу. Однако на момент выборов, настроение народа Словакии было достаточно понятным – люди хотели перемен и жизни в демократическом европейском государстве [220].

Выборы 1992 г. разительно отличались от первых выборов, так как по их результатам к власти и пришел одиозный Владимир Мечьяр. Его партия ДЗДС набрала 37,3% голосов и получила 74 депутатских мандата. ПДЛ получила 14,7% (29 мандатов), ХДД – 8,9% (18), СНП – 7,9 (15) и «Сосуществование» - ВХДД – 7,4% (14) [126]. Граница для прохождения в парламент была поднята до 5% голосов избирателей. После выборов, полученных мест ДЗДС хватило, чтобы не

вступать ни с кем в коалицию, однако в дальнейшем партия объединится с СНП. Причиной для столь радикальных перемен в предпочтениях избирателей стала неразбериха внутри государства, вызванная тем, что старая система рухнула, а новая еще не была сформирована либо была слишком неустойчивой и непонятной. Националистические лозунги ДЗДС, предлагавшие решение «словацкого вопроса» стали ключевым козырем в руках Мечьяра, что и привело к дальнейшему усилению его власти и политическому кризису в Словакии.

Выборы 1994 г. не слишком отличались от выборов 1992 г. С большим отрывом снова победила ДЗДС, получив 35% голосов и 61 мандат. На втором месте была коалиция «Общий выбор», в состав которой вошли такие партии как ПДЛ, СДПС, ПЗС и Движений аграриев. Вместе они получили лишь 10,4% и 18 мандатов. Венгерская коалиция в составе ВХДД и «Сосуществование» ВГП, так же получила 10,2% (17). ХДД получила так же 17 мандатов (10,1%), ДС – 15 (8,6%), АРС – 15 (7,3%) и СНП 9 (5,4%) [114]. Была сформирована правящая коалиция ДЗДС – АРС – СНП. Несмотря на широкую предвыборную кампанию, вовлечение третьего сектора и глубокий политический кризис, демократическим силам не удалось поодиночке превзойти результатов ДЗДС на выборах 1998 г.

Однако результаты были внушающими оптимизм. Так, партия Мечьяра получила 27 % голосов и 43 мандата. СДК – 26,3% (42 мандата), ПДЛ – 14,7% (23), ПВК – 9,1% (15), СНП – 9,1% (14) и ПГВ – 8% (13) [135]. Демократическая коалиция практически сравнялась с ДЗДС, вместе с тем Дзуринда понимал, что этого не достаточно, а потому была образована демократическая правящая коалиция СДК – ПДЛ – ПВК – ПГВ. Это было начало государственного правления демократических сил и новый виток истории Словакии. За четыре года у власти демократические силы не только не потеряли поддержки населения, но и укрепили свое положение. Итогом этого стали результаты выборов 2002 г. ДЗДС, находящаяся в оппозиции, набрала 19,5% (36 мандатов), СДХС – 15,1% (28), «Смер» - 13,5% (25), ПВК – 11,2% (20), ХДД – 8,3% (15), АНГ – 8% (15) и КПС – 6,3% (11) [231]. После выборов была сформирована коалиция СДХС – ПВК – ХДД – АНГ.

Несмотря на то, что во время предвыборной кампании АНГ выступала с критикой в адрес СДХС, программная близость стала причиной, по которой АНГ пошла на коалиционное сотрудничество. В итоге у власти осталась правоцентристская коалиция. Результаты АНГ были неудивительны, так как в их распоряжении была одна из самых популярных телестанций в стране, плюс в своей предвыборной агитации, Альянс отошел от непопулярных шагов правительства Дзуринды. У ПКВ был устойчивый электорат, что объясняло результаты партии. А вот высокая поддержка СДХС и ХДД была довольно неожиданной, хотя и объяснимой. Партии проявили себя в устранении последствий государственного кризиса. Так же обе силы ставили своей главной задачей возвращение на путь интеграции. СДХС особенно удачно разыграла карту с евроатлантической интеграцией. При поддержке третьего сектора, которому покровительствовал Дзуринда, население быстро переключилось на идею о необходимости вступления Словакии в ЕС. В контексте евроинтеграции, населению разъясняли, что вступление в ЕС без вступления в НАТО невозможно, хотя и не прописано как обязательное ни в одном программном документе.

Интересной особенностью первого правительства Дзуринды был страх возвращения к власти Мечьяра [191]. Хотя в 1998-2002 гг. борьба за демократию в государстве официально не велась, одним из ключевых лозунгов предвыборной кампании СДХС был окончательный разгром «мечьяризма». Избиратели, которые впервые с момента провозглашения независимости Словакии оказались в достаточно стабильной политической и экономической ситуации, опасались возврата к кризису, а потому данные лозунги подействовали на поведение и предпочтение граждан. Европейский Союз, активно включившийся в словацкую политическую жизнь еще накануне выборов 1998 г., не прекратил сотрудничества с государством и высоко оценивал те изменения, которые произошли в государстве.

Другой особенностью словацкой политической системы как образца 1998-2002 гг., так и 1989 г. было коалиционное правительство. Вследствие внутренней конфигурации политических сил и типа избирательной системы, в Словакии стала

невозможной властью одной партии. В Словацкой Республике было сформировано пять правительств в 1990, 1992, 1994, 1998 и 2002 гг. – все они были коалиционными [90]. Связанно это было также с тем, что не были ни одной партии, получившей подавляющее большинство голосов избирателей на выборах. Вместе с тем, данная особенность стала причиной высокой кооперации политических партий. Не имея возможности управлять государством без коалиции, политики научились идти на компромиссы. Даже Мечъяр был вынужден искать соратников, хотя ДЗДС была единственной силой в Словакии, имевшей достаточную поддержку, чтобы не входить в коалицию. Для процесса консолидации демократии опыт формирования коалиций был чрезвычайно важен. Кроме того в Словакии была внедрена система «консоциальной» демократии, заключающейся в представительстве разных сегментов населения, включая национальные меньшинства, в политике.

Можно сказать, что данные особенности словацкой политики, заключающиеся в коалиционности власти, парламентской форме государственного правления и пропорциональной избирательной системе появились не случайно. Во время заседания Европейского совета в Копенгагене в 1993 г., когда Европейский Союз признал возможность расширения за счет присоединения восточноевропейских государств, были так же сформированы и основные требования для новых членов. Принципиальными требованиями были: наличие институтов, гарантирующих демократию, рыночная экономика, способная противостоять влиянию европейского рынка и возможность перейти на нормативно-правовую базу Европейского Союза. Кроме того, было подчеркнуто, что вхождение новых стран не должно нарушить существующее функционирование европейского сообщества. Посткоммунистические государства Восточной Европы должны были соответствовать предъявляемым требованиям, которые как раз и заключались во всех вышеперечисленных особенностях словацкой политической системы.

Коалицию, пришедшую к власти в 2002 г., принято называть «Коалиция в пользу реформ» [202]. Сутью данных реформ был возврат на путь европейской

интеграции. Вся историю взаимоотношения Словакии и ЕС можно разделить на два значимых этапа: получение приглашения на начало переговоров о вступлении в ЕС и период подготовки к вступлению. Первый этап начался с момента провозглашения независимости Словакии в 1993 г. и длился фактически до 1998 г. За этот период Словацкая Республика фактически отошла от интеграционных планов и даже была исключена из списков кандидатов на вступление. Второй этап начался после победы демократической коалиции на выборах 1998 г. и длился до вступления Словакии в ЕС. Несмотря на то, что период между 1996-1998 гг. был отмечен глубокой внешнеполитической изоляцией, Словакия все равно не выпадала из поля зрения европейских партнеров и была вовлечена в пред интеграционные процессы, хотел того Мечъяр или нет. Так еще в 1991 г. Чехословакия подписала Ассоциационное соглашение с Европейским Союзом, которое должно было регламентировать дальнейшие взаимоотношений государства с Европейским сообществом. Оно было переподписано в 1993 г. уже независимой Словацкой Республикой и вступило в силу в 1995 г. Для политического взаимодействия был создан Ассоциационный совет, в состав которого вошли представители Совета Европейских сообществ, Европейской комиссии и представители правительства Словакии [195].

Вместе с тем, в 1997 г. на саммите в Люксембурге Европейская комиссия не рекомендовала Словакию к началу переговоров о вступлении в ЕС из-за невыполнения копенгагенских критериев. Данное решение было обоснованным, так как решения Конституционного суда Словакии не выполнялись, в стране наблюдалась общая институциональная нестабильность, вызванная проблемами между премьером и президентом, и общим положением, в котором пребывала оппозиция. Невозможность выбрать президента в парламенте так же не добавляла политических очков Словацкой Республике перед Европейским Союзом. Потом, после победы на выборах 1998 г., демократическое правительство должно было приложить максимум усилий, чтобы догнать другие страны Восточной Европы и также присоединиться к переговорам о вступлении страны в Европейский Союз. Уже в ноябре 1998 г. Микулаш Дзуринда совершил свой первый визит в Брюссель

в качестве главы словацкого правительства. По итогам этого визита было принято решение о создании Рабочей группы на высоком уровне «Европейский Союз – Словакия». Рабочая группа заседала пять раз в период с 1998 по 1999 гг., решая основные проблемы, которые могут возникнуть на пути Словакии в ЕС. Европейская комиссия (Далее – ЕК) положительно оценивала те изменения, которые произошли в Словацкой Республике (Далее – СР) после 1998 г. Речь шла не только о парламентских и муниципальных выборах, но и о выборах президента. Владимир Мечьяр, включившийся в президентскую гонку после поражения на парламентских выборах, проиграл Рудольфу Шустеру, чем уверил европейское сообщество в окончательном выборе вектора дальнейшего развития словацкого государства[225].

Кроме того, в 1999 г. были внесены поправки в Конституцию СР, благодаря которым страна перешла на прямые выборы президента. Еще одно изменение в Конституции касалось использования языков национальных меньшинств. В экономической сфере ЕК настаивала на ускорении реформ в целом и приватизации банков и стратегических предприятий в частности. Под это так же в срочном порядке подводилась договорная база. К перечню глубоких внутренних реформ добавлялись реформы в судебной системе и решение вопросов цыганского (ромского) меньшинства, остающегося проблемой даже в настоящий момент [242]. Несмотря на возникавшие трудности, ЕК высоко оценила действия словацкого правительства и проводимые им реформы, что вернуло страну на путь интеграции. Сам Дзуринда активно включился в налаживание контактов с европейскими государствами. За год после его вступления в должность, он нанес более тридцати официальных визитов, в то время как Мечьяру не удалось нанести даже нескольких официальных визитов в начале работы его кабинета.

До принятия бюджета европейского Союза на период 2000-2006 гг., уверенности в том, будет ли Словакия участвовать в процессе расширения, не было. Вместе с тем, на фоне Югославского кризиса, довольно остро стоял вопрос сплочения европейских государств и укрепления коллективной системы обороны, в частности в Восточной Европе. Несмотря на всю сдержанность Евросоюза в

отношении Словакии, он настаивал на продолжении экономических и политических реформ. В Регулярном отчете о подготовленности Словацкой Республики к вступлению в ЕС, опубликованном в 1999 г., ЕК высоко оценивала изменения, произошедшие в государстве, особенно в вопросах демократии и выполнения политических критериев. Благодаря данному отчету, Словакии было рекомендовано начать переговоры о вступлении в ЕС. Такие же рекомендации получили и другие страны, так называемой второй группы, Болгария, Румыния и Мальта. В вопросах экономического реформирования, отчет был еще более оптимистичным и прогнозировал переход к рыночной экономике уже в 2000 г. [187]

Во время саммита в Хельсинки было принято решение об изменении ранее установленной модели приема новых членов в Европейский Союз по принципу «5+1». Было решено добавить к списку кандидатов на вступление еще 6 стран из второй группы. Так же было решено не руководствоваться общими критериями отбора и рассматривать каждую кандидатуру индивидуально. Благодаря этим изменениям СР получила приглашение начать переговоры, которые должны были в итоге серьезно изменить не только внешнюю политику страны, но и ее внутреннее устройство. Учитывая тот факт, что в 1997 г. Словакия была вычеркнута из списков претендентов на вступление в ЕС, данные изменения можно было назвать ключевой внешнеполитической победой страны с момента обретения независимости [212]. С 2000 г. Комитет начал издавать ежегодные отчеты по вопросам изменений в разных сферах жизни СР. Кроме того, Комитет своими отчетами должен был продемонстрировать изменения в отношениях между СР и ЕС, в частности в вопросах выполнения Ассоциированного соглашения [217].

В целом, с 2000 г. начался процесс активной трансформации всех сфер жизни словацкого общества. 23 февраля 2001 г. парламент Словакии принял самую объемную поправку к Конституции Словакии со времен образования независимого государства. Поправка касалась как аспектов связанных с европейской интеграцией, так и внутренних проблем. Главной внутренней

реформой была судебная, которая наиболее часто подвергалась критике со стороны Европейского Союза. Был отменен испытательный срок для судей перед их вступлением в полномочия. Кроме того, был уточнен порядок участия страны в международных договорах с учетом особенностей словацкой правовой системы. Немаловажным было уточнение по вопросам, касающимся «*acquiscommunitaire*» (Далее – *acquis*) - правовых актов Европейских сообществ. *Acquis* представляет собой достаточно объемный пакет документов, регламентирующих основные аспекты жизни европейского сообщества, и Словакии необходимо было привести свое законодательство в соответствии с ними. Благодаря поправкам к Конституции, было закреплено главенство права Европейских сообществ, также были внесены изменения в полномочия президента, органов самоуправления и конституционного суда. Был введен новый институт уполномоченного по защите прав граждан – омбудсмена. Данные поправки приблизили вступление Словакии в ЕС, устранив потенциальные законодательные препятствия [122].

Второй пакет реформ касался административного устройства государства. Словакии, как унитарному государству, указали на необходимость расширения полномочий административных структур. Это было необходимо для того, чтобы эффективно использовать финансовую помощь, поступающую из фондов Евросоюза. На фоне поступления финансирования для помощи Словакии во вступлении в ЕС, в размере 15 миллионов евро, разразился крупный скандал. В 2001 г. была обнародована информация, согласно которой деньги, выделенные на поддержку СР, использовались не целевым путем [146]. После огласки в отставку ушел заместитель председателя правительства по делам европейской интеграции Павол Хамжик. Хотя по итогам расследования Европейского бюро по борьбе с мошенничеством факт злоупотребления фондовыми деньгами установлен не был, от правительства Словакии потребовали наиболее прозрачного использования средств и улучшения финансового контроля. Ответом стало принятие правительством Словакии закона о финансовом контроле 18 октября 2001 г.

Важный этап подготовки к евроинтеграции начался после формирования второго правительства Дзуринды в 2002 г. Это было пятое правительство

Словацкой Республики, состоящее из четырех партий, три из которых, СДХС, ХДД и ПВК, входили в состав четвертого правительства [147]. Правящая коалиция взялась за реформирование наиболее сложных областей: здравоохранения, социальной, налоговой и пенсионной систем, децентрализации государственного управления, реформа в системе образования. Целью проводимых реформ было не только достижение необходимых показателей для интеграции, но и повышение эффективности экономической системы в целом. Сложно сказать, были ли полностью реализованы заявленные реформы, так как отчеты по их результатам охватывают и период новейшей истории Словацкой Республики как члена Европейского Союза, а это существенно влияет на объективность освещаемых итогов. Так, Европейский банк реконструкции и развития назовет Словакия «мировым лидером в области реформ» уже в 2005 г., что лишь отчасти может соответствовать действительности, учитывая ситуацию, в которой государство находилось большую часть своего существования [157]. По заверениям Европейского банка, Словакии удалось снизить уровень коррупции, повысить эффективность внешней торговли и т.д. Так как борьба с коррупцией всегда занимала одно из ведущих мест в словацкой политике, то именно с победами в данной сфере и были связаны оценки ведущих европейских экономических и финансовых структур [216].

С 1999 г. приоритетным направлением внешней политики Словакии стали западноевропейские государства и трансатлантические структуры. После того, как СР стала официальным кандидатом на членство в ЕС, начался широкий процесс подготовки к вступлению в еще одну структуру – НАТО. Уже во время переговоров о вступлении в Европейский Союз, в Брюсселе в феврале 2000 г., лидеры Республики заявляли, что понимают необходимость вступления в НАТО для полноценного обеспечения безопасности Словакии и укреплении «восточных рубежей» Евросоюза [206]. В свою очередь НАТО, несмотря на очевидную заинтересованность и вовлеченность в третий сектор словацкого государства, акцентировало свое внимание на том, что без трансформации армии, Словакия не сможет стать членом Альянса. Данные изменения требовали значительных

финансовых вложений, которые словацкое правительство надеялось получить от своих соседей, уже присоединившихся к НАТО: Венгрии, Польши и Чехии. Неспроста в 2001 г. появилось такое определение как «вышеградская армия». Страны-члены Вышеградской группы во время встречи в Кракове 1 июня 2001 г. на уровне премьер-министров, подтвердили свое намерение поддерживать Словакия на пути в НАТО и защищать интересы государства в Альянсе во время подготовки к интеграции. Было подчеркнуто, что «вышеградская армия» поспособствует усилению блока [91].

Вышеградская группа сыграла немаловажную роль во внешней политики Словакии и укреплении ее позиции на международной арене. Так, в 2000 г. при поддержке партнеров по Вышеградской четверки, Словакия стала членом Организации экономического сотрудничества и развития (Далее – ОЭСР), подтвердив свою приверженность демократии и свободной рыночной экономики [84]. Внешнеполитические позиции Словацкой Республики стали куда более устойчивыми после присоединения к ОЭСР, что приблизило вступление страны в ЕС. Также присоединение к ОЭСР дало толчок для нового витка экономических реформ благодаря расширению притоков инвестиций и получению финансовой помощи от международных валютно-финансовых институтов. Ситуация с вступлением в НАТО на этом фоне выглядело довольно оптимистичной. Во время саммита в Брюсселе в апреле 2000 г. на встрече с министром иностранных дел Словакии Эдуардом Куканом, было подчеркнуто, что на фоне остальных претендентов на вступление в Альянс (Прибалтики и Румынии), Словакия «выглядит наилучшим образом» и может войти в состав НАТО уже в 2002 г. [209].

Главной преградой на пути к вступлению Словакии в НАТО все еще оставалось общественное мнение. По данным социологических опросов, регулярно проводимых НГО, вступление Словакии в НАТО поддерживало 42% населения. 11% «не имели определенного мнения» и 47% выступали «против». Решение правительства о предоставлении воздушного пространства Словакии для военных самолетов НАТО имело еще меньшую популярность среди населения.

Лишь 32% граждан поддерживали данное решение [179]. Было понятно, что того уровня мобилизации граждан, что бы достигнут на кануне выборов 1998 – 2002 гг. не достаточно для реализации всех интеграционных планов государства. Третий сектор вновь должен был взять бразды правления в свои руки, что он и сделал. Более пятидесяти НГО занимались процессом информирования граждан о перспективах, которые откроются Словакии после присоединения к НАТО. Главной целью третьего сектора было разрушение «стереотипов» о НАТО и создание положительного общественного мнения об Альянсе. Кроме того, организации негосударственного сектора принимали активное участие в подготовке и проведении референдума о вступлении в ЕС в 2003 г. Ключевыми НГО в этот период были SFPAи SAC (Словацкая атлантическая комиссия). Под их эгидой проводился как референдум 2003 г., так и многие другие мероприятия, посвященные вопросам безопасности в Восточной Европе, происходившие в дальнейшем [189].

Стоит отметить, что самой успешно кампанией словацкого третьего сектора так и оставалась ОК'98. Опыт данной кампании, по заверениям самих представителей НГО, был успешно применен в других странах ЦВЕ, например, в 1999 г. в Хорватии, в 2000 г. в Сербии и в 2004 г. на Украине [182]. Все примеры применения словацкого опыта, однако, нельзя однозначно назвать положительным. И в Сербии, и в Хорватии мероприятия проводились на фоне глубокого военно-политического кризиса и нарастающей нестабильности. 2004 г. на Украине ознаменовался приходом к власти первого революционного правительства и фактической публичной фальсификацией результатов выборов. Так, результаты голосования были признаны недействительными, была начата акция протеста в Киеве, итогом которой стал беспрецедентный новый тур выборов президента, приведший к власти нужные политические силы.

На фоне событий, происходящих повсеместно в Восточной Европе по сходному сценарию и с вовлечением представителей третьего сектора, можно сделать вывод о том, что все заявления о продвижении демократии являются всего лишь прикрытием для реальной потребности создавать марионеточные

государства. Все демократические институты фактически контролируются извне, население вводится в заблуждение при помощи новейших средств манипуляций массовым сознанием. Так, Словакия стояла на распутье долгие годы, не понимая своего истинного предназначения. Именно этот фактор стал решающим в вовлечении страны в евроатлантическую интеграцию. Если вопрос о присоединении Словакии к ЕС с его положительными и отрицательными сторонами остается открытым и неоднозначным, то вступление страны в НАТО наводит на мысли о намерениях Альянса. Уже давно стало очевидным, что те обещания, которые были даны НАТО Советскому Союзу, не выполняются. Организация расширяется, подбираюсь все ближе к границам Российской Федерации. Словакия не является столь мощной европейской военной державой, чтобы объяснить высокий уровень заинтересованности Альянса и все те средства, которые были вложены в процессе присоединения. Однако без Словакии переход на новый этап – вовлечение Украины в интеграционный процесс был просто невозможен.

Тот факт, что Словакия в 1997 г. выбыла из списка претендентов на членство в ЕС, а в 2000 г. уже вернулась на этот путь вместе со странами первого эшелона, говорит о влиянии Альянса на европейскую политику[205]. В НАТО понимали, что без Словакии и ее «бесценного интеграционного опыта», продвигаться дальше будет просто невозможно. Потому второе правительство Дзуринды сделало ставку на переговоры с Альянсом и провозглашение своих атлантических приоритетов развития. Как только в Брюсселе уверились в том, что Словакия всецело «села» на иглу международного финансирования, а население достаточно тщательно обрабатывается третьим сектором, финансируемым напрямую из Вашингтона, Словакия резко стала одним из образцово-показательных случаев возвращения на путь реформ. Европейский Союз не мог так же пассивно наблюдать за ситуацией в Словацкой Республике, понимая, что страна, так или иначе, войдет в организацию. Именно это объясняет резкую активизацию европейской помощи стране, до того долгое время самостоятельно барахтавшейся со своими проблемами.

Благодаря массовым акциям НГО, население Словакии в итоге признало необходимость присоединения к НАТО. Потому в марте 2004 г. во время пятой волны расширения, Словацкая Республика вошла в НАТО вместе с Болгарией, Латвией, Литвой, Эстонией, Румынией и Словенией. Пятое расширение подвело Альянс вплотную к украинским границам, что дало свой результат в том же 2004 г. с началом массовых агитационных кампаний о присоединении Украины к НАТО. Представители IVO стали частыми гостями в Киеве, проводя различные форумы и семинары, обучая третий сектор и давая им напутствия на пути подготовки к интеграции. Проводились параллели между ситуацией в Словакии и на Украине, были найдены многочисленные совпадения в поведении населения по вопросам интеграции в НАТО. Предлагалось пойти по пути Словакии, который мог стать решающим для дальнейшего развития ситуации на Украине и ее места в мире в целом [247].

В том, что касалось европейской интеграции, Словакия придерживалась изначально запланированного курса. Так как население реагировало большей частью положительно либо нейтрально, в апреле 2003 г. Словакия и ЕС подписали Договор о вступлении. В мае 2003 г. данный Договор получил поддержку населения, подтвердив твердые намерения вступить в Европейский Союз. В июле 2003 г. парламент одобрил Договор, а в августе он был ратифицирован подписью президента [142]. Подписав Договор о вступлении, Словакия получила статус наблюдателя в ЕС и стала принимать участие во всех заседаниях всех органов ЕС. Словакия фактически стала актором европейской политической арены. 1 мая 2004 г. Словакия официально вошла в состав Европейского Союза, завершив очередной этап своего исторического эволюционного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы, происходившие в странах ЦВЕ в 1989-1990 гг. ярко очертили всю дальнейшую перспективу развития региона. Не считая ситуации в Румынии, все прошло мирным, «бархатным» путем. Анализируя причины произошедших событий, можно выделить несколько важных предпосылок.

Во-первых, коммунистическое руководство переживало сильный кризис само по себе. Москва была больше не в силах удерживать ситуацию в регионе. В попытке найти свое место в меняющемся мире, и находясь в постоянном давлении со стороны США, СССР отчетливо понимал невозможность своего дальнейшего существования в прежней форме.

Во-вторых, попытки проведения политических реформ, в рамках существующей однопартийной системы выглядели смехотворными и не внушали доверия ни политикам, ни простым гражданам. В-третьих, неэффективная экономическая политика, повергшая в кризис и сам СССР, привела к стагнации всех восточноевропейских экономик. Этот факт было невозможно скрывать: усиливался дефицит, понижался уровень жизни граждан, рос внешний долг каждого из государств соцлагеря.

В-четвертых, подавление «Пражской весны» не осталось незамеченным, что привело к росту диссидентских движений и антиправительственных настроений. Само собой, стоит учитывать и общее влияние Запада, который всецело поддерживал антикоммунистические движения и спонсировал многих видных оппозиционеров.

Последним, но не менее важным был обострившийся национальный вопрос. Разношерстное население Восточной Европы так и не приняло идею о том, что нет больше болгарина или румына, есть советский человек. Политика уравниательства не принесла должного результата. На первое место стал выходить вопрос национальных меньшинств, подвергаемых гонениям при разных

авторитарных режимах. Так же росло и социальное напряжение. Правящие элиты все дальше отдалялись от народа, не понимая его нужд. Все это привело к росту революционного напряжения, прокатившегося по всему региону.

Итогом революций в Восточной Европе стали процессы модернизации государственного устройства и трансформации политической структуры. Не во всех странах они проходили одинаково успешно. Сталкиваясь с необходимостью проводить жесткие реформы, новоиспеченные власти, зачастую, теряли популярность. Антикоммунистические настроения общества уходили на второй план, и политикам приходилось выстраивать свою деятельность в совершенно новых реалиях.

История становления словацкой государственности неразрывно связана со «словацким вопросом». Это вопрос комплексный, затрагивающий как национальную идентичность словаков, так и ориентацию Словакии на международной арене. Его появление можно отнести к периоду распада габсбургской монархии в 1918-20 гг., когда по итогам Трианонского мирного договора на руинах Австро-Венгрии возникла Чехословакия, и словацкий социум встал перед необходимостью формирования собственной политической системы и своих элит. До 1989 г., то есть до момента «бархатной революции», значительная часть внутривнутриполитической жизни Чехословакии была сосредоточена на решении этого вопроса.

Таким образом, характерными чертами «словацкого вопроса» стала прерывистость и дезинтеграция национальной идентичности, всецелая уступчивость вместо преемственности в политическом мышлении, что было обусловлено двумя факторами. Во-первых, за всю историю существования самобытного словацкого этноса, у него практически не было собственного национального государства. Словацкий народ фактически существовал и развивался в рамках венгерского государства, что не позволяло проследить естественную национальную эволюцию в рамках национального государства. Во-вторых, геополитическое положение Словакии, находящееся на стыке Востока и

Запада, приводило к тому, что государство постоянно попадало под разные сферы влияния.

Анализ коммунистического способа решения словацкого вопроса позволяет сделать вывод, что он предполагал индустриализацию, с помощью которой планировалось сделать Словакию равноценным субъектом государства, а не дотационным придатком, то есть, в конечном счете, добиться экономического и культурного выравнивания двух субъектов – Чехии и Словакии. Сама стратегия развития государства по такому плану практически сразу нашла отклик среди словацкой интеллигенции.

События января-августа 1968 г. войдут в историю под названием «Пражская весна». Они активно затронут жизнь Чехословакии, однако стоит отметить, что словаки участвовали в данных процессах куда менее охотно, чем чехи. Потеряв практически всю политическую элиту, они со стороны наблюдали за процессами в соседнем государстве. Единственное, что получили словаки в процессе «Пражской весны», так это Словацкую грекокатолическую церковь, которая была упразднена советской властью в 1950 г.

Можно сделать вывод о том, что «Пражская весна» начиналась не для достижения близких целей – достижения политического плюрализма и решения национальных вопросов. Это была бомба замедленного действия, катализатор последующей «бархатной революции». На волне «Пражской весны» в Чехии появятся диссиденты, которых будут всячески поддерживать диссиденты из Москвы, которые выйдут на акции протеста в августе 1968 г. После окончания «Пражской весны» диссиденты Чехословакии, состоявшие практически полностью из чехов, покинут государство и будут находиться в США до самой «бархатной революции».

В период с 1975 г. и до 1989 г., чехи займут однозначную позицию. Политику «нормализации» они интерпретируют как «нормализацию» словаков, т.е. возвращение к их былому состоянию, тому, что было до 1968 г. Запуганные словаки с репрессированной интеллигенцией, вызывали куда большее одобрение чехов, чем обновленный словацкий народ и его стремление получить свою власть в

государстве. В то время как в Чехии росло диссидентское движение, возглавляемое Вацлавом Гавелом, в Словакии росли протестные настроения против самих чехов, что приведет к активной фазе противостояния.

Итак, «словацкий вопрос», как проблема национально самоопределения, сыграл большую роль в распаде Чехословакии. Изначально задуманное как унитарное государство равных народов, Чехословакия не смогла выполнить своих функций, постоянно ущемляя права словаков. Чешская нация, будучи более развитой политически, сделала Словакию дотационной и крайне не самостоятельной частью государства. Долгие годы словаки находились в тени своих более развитых соседей, не имея возможности добиться равноправия ни в одной сфере жизни общества.

Кроме того, ни один из вариантов решения словацкого вопроса не был действенным и просто на время скрашивал существующие противоречия. Таким образом, многонациональная Чехословакия как государство не состоялась именно из-за существующих неразрешенных этнических вопросов. Попытка чехов как народа большинства подавить словаков, заставить их поверить, что их нации никогда не существовало и все это время они были отколовшейся частью чешского народа, успехом не увенчалась. Словаки хоть и были политически и культурно менее развиты, свою самобытность не потеряли.

Анализ событий позволяет утверждать, что на протяжении всей своей истории словаки искали тех, кто будет решать их судьбу, подскажет, как развиваться и каких ориентиров придерживаться. Вначале это были венгры, потом словаки надеялись на чехов, мечтали о русской помощи, потом попали под влияние фашистов, затем коммунистов. С обретением независимости произошла самоизоляция. Вступление в Европейский Союз, привело к тому, что он и решает теперь многие аспекты развития государства.

Таки образом, «словацкий вопрос» и его длительная история показывают, как важно народу осознать свое предназначение и самостоятельно выбрать внешнеполитические ориентиры. Под определенным давлением Запада, Чехия сама вывела ЧСФР на тропу раскола, специально обостряя «словацкий вопрос».

Можно говорить, что «бархатная революция» была одной из первых цветных революций в мире. Республика распалась по внешнему сценарию. Возможно, если бы не внешнее давление, то чешские политики пошли по иному пути, наставляя, а не подавляя своих словацких коллег.

Формирование словацкой политической традиции представляет собой комплексное явление, включающее в себя проблему национальной, культурной, исторической и геополитической идентичности словацкого народа. В Словакии главный источник политической поляризации находился больше в плоскости культурного конфликта, в то время как в других странах региона он был в сфере социально-экономической.

Вопросы национальной идентичности и собственной государственности стали фактором поляризации словацкого общества на всех уровнях: от элит до простых граждан и поэтому приход к власти тоталитарного Виктора Мечьяра не кажется уникальным случаем. Рассматривая политику Мечьяра можно сделать вывод, что она была направлена, в первую очередь, на внутренней жизни государства и мало затрагивала внешнеполитический сектор. Большая часть реформ периода «мечьяризма» касалась политики Словакии. В попытке удержать всю полноту власти в своих руках, премьер-министр предпринимал попытки всячески ущемлять оппозицию и создавать невыносимые условия на выборах. В Словакии формируется система, в которой правительство может полноценно работать лишь при наличии коалиций. Ни правящая партия, ни оппозиция не могли рассчитывать на получение большинства голосов избирателей, а потому были вынуждены заключать союзы и идти на компромиссы. Мечьяр всячески стремился закрепить данную систему, так она создавала дополнительные сложности для оппозиции. Партия Мечьяра – ДЗДС, так же быстро утратила большинство голосов, и они были вынуждены идти на коалиционные соглашения, вместе с тем, сохраняя за собой большее представительство в парламенте.

Экономические реформы Мечьяра отличались от того курса, который был заявлен во время «бархатного развода». Построение рыночной экономики было отложено на годы, со старой системой так же было покончено, а потому

государство оказалось зажатым между двух экономических систем. Приватизация, проводимая в рамках реформ, привела к тому, что многие социально значимые объекты отошли в частные руки. В целом экономическая ситуация в Словакии за первые годы независимости ухудшилась по сравнению с советским периодом. Это привело к росту социального напряжения. С одной стороны была группа населения, поддерживающая Мечъяра и его политику, с другой стороны были объективные проблемы, которые данное правительство не могло решить. Кроме экономической и политической нестабильности, в стране наблюдался кризис демократических институтов. Свобода слова ограничивалась на государственном уровне, у населения не было возможности вести полноценную общественную жизнь. Хотя новых законов в данной сфере не принималось, негласно правительство вело политику контроля над общественным мнением.

Также можно с уверенностью утверждать, что формирование политической традиции в Словакии в конце XX века было ознаменовано постоянной борьбой коалиции и оппозиции, которая привела к росту политической нестабильности в 1995-1997 гг., что способствовало появлению внутривластной тенденции, названной «словацким способом трансформации». Она предполагала полную концентрацию власти в руках коалиции. Это не могло не влиять на интеграционные процессы в государстве, которое в 1994 г. заявило о своем желании присоединиться к Европейскому Союзу. Но, по факту, процесс был приостановлен до 1998 г., пока на очередных выборах к власти не пришло новое демократическое правительство. Такой длительный период работы правительства Мечъяра был вызван слабостью оппозиционных сил и их разобщенностью. До тех пор, пока разрозненные политические силы не смогли найти компромисс и не определили для себя приоритетной целью улучшения жизни общества, а не своих личных амбиций, Словацкая политическая жизнь находилась в состоянии стагнации. Не смотря на всю не совершенность системы, в Словакии удалось сформировать сильное оппозиционное крыло, которое, как могло, противостояло

выходкам премьер-министра и защитило основы плюрализма, которые возникли по итогам «бархатной революции».

Сам процесс трансформации словацкой политической системы, из единой чехословацкой в независимую, осложнялся большим количеством противоречий, возникающих у множества политических и общественных движений. За очень короткий срок, в Словакии образовалось порядка шестидесяти политических групп. Первым антикоммунистическим движением в Словакии стало Общество против насилия, которое появилось 19 ноября 1989 г. Однако, толчком к началу периода трансформации от тоталитарного к демократическому государственному устройству, стала ликвидация 4 статьи Конституции ЧССР о руководящей роли компартии 30 ноября 1989 г. Кроме того, стало очевидным, что без существенной реконструкции парламента Словацкой Социалистической Республики не обойтись. Поэтому был принят закон о выборах в парламент 16 марта 1990 г. и это стало началом избирательной кампании. Итогом первых свободных парламентских выборов в Словакии стала поддержка большинством избирателей ОПН, что свидетельствовало о начавшемся демонтаже прежней политической системы.

Также начавшиеся изменения в структуре регионального правительства свидетельствовали о начале пересмотра всей федеральной системы власти. Тем не менее, вопросы перераспределения компетенций между правительствами ЧСР и ССР решались медленно и с большими трудностями. Важным шагом на пути решения этих проблем стало обсуждение так называемого «Закона о компетенциях», которое началось в декабре 90-го года и завершилось его принятием 12 декабря.

Необходимо отметить, что в 1991 г. партийная система претерпевает изменения. ОПН трансформируется в Движение за демократическую Словакию В.Мечьяра и Гражданский демократический союз. Третьей влиятельной силой стала Демократическая партия Словакии. Вторые парламентские выборы покажут уверенную победу ДЗДС во все региональные органы власти. Главой нового коалиционного правительства стал лидер ДЗДС – В.Мечьяр. Важным

достижением нового правительства стало принятие Декларации о суверенитете Словацкой Республики 17 июля 1992 г., которое фактически завершило существование Чехословацкой федерации. Однако можно с уверенностью утверждать, что на момент провозглашения независимости, Словакия находилась в состоянии большой политической раздробленности. Это привело к резкому спаду политической активности словаков. Положение усугублялось глубоким экономическим кризисом. В результате нерешенные экономические проблемы и ожесточенная внутрипартийная борьба привела к парламентским выборам 30 сентября – 1 октября 1994 г. По итогам выборов, ДЗДС лишь укрепила свои позиции. Кроме экономических проблем, в Словакии довольно сильно обострились проблемы национальные - в начале 1994 г. венгры попытались добиться автономии в составе Словацкой Республики.

Анализ сложного процесса развития словацкой партийной системы и парламентаризма позволяет выделить следующие причины словацкого политического конфликта:

- он зародился как следствие неправильного поведения политиков и разного подхода к пониманию как демократии в целом, так и путей ее применения к словацкому обществу;
- стал результатом борьбы двух противоположных политических блоков, которые поддерживались разными слоями общества;
- был вызван культурным противостоянием в обществе.

Кризис политической системы, привел к тому, что Словакия практически не занималась своей внешней политикой, а интеграционные процессы были практически приостановлены, и в период с 1995 по 1997 гг., Словакия была исключена из списка первоочередных кандидатов на вступление в Европейский Союз. Исходя из этого, можно утверждать, что Словакия шла на очередные выборы, назначенные на 1998 г. в крайне ослабленном состоянии. Внутривнутриполитические распри и постоянное противостояние партий не влекло за собой ничего хорошего. Правительство, сосредоточенное на решении своих личных проблем, не уделяло должного внимания экономическим и иным

аспектам жизни общества. Как следствие, словацкий пик политической активности пошел на спад. Словаки не видели смысла в проведении выборов, так как фактически ничего не менялось. Словакия вновь вернулась в состояние крайней политической стагнации, а общество снова стало аполитичным и безучастным.

Таким образом, анализ исследуемого материала позволяет сделать вывод, что влияние неправительственных организаций крепло в Словакии с каждым днем. Третий сектор стал один из основных рычагов давления на правительство, имея серьезную поддержку со стороны европейских и американских структур. Это позволяло НГО влиять на политику государства. Также необходимо отметить, что основным направлением деятельности НГО было активное вовлечение населения в политическую жизнь. Словаки, изголодавшиеся по участию в государственной жизни, охотно участвовали в акциях проводимых негосударственным сектором. Это создавало ощущение решения «словацкого вопроса». Казалось, еще чуть-чуть, и словаки будут называть себя членами большой европейской семьи.

Кроме того, с каждым годом независимости историческая потребность поиска самоопределения в Словакии не становилась меньше. Однако теперь решением этой проблемы были заняты западные структуры, имевшие очень четкое представление о будущем государства.

После вступления в Европейский Союз, Словакия должна была так же легко присоединиться к НАТО, что и являлось очевидной целью, учитывая масштабы финансовых и иных вливаний в Республику, довольно долго остававшуюся в тени политики крупных европейских стран. Очевидно, Словацкая Республика должна была в любом случае стать участницей очередной волны расширения ЕС. Можно утверждать, что все происходящее в Словакии в период присоединения к НАТО отработывалось как определенная модель влияния на правительственные структуры и средство манипулирования общественным мнением. Отработанные методики позднее будут неоднократно использоваться и в других странах, в частности в Украине, где НГО станут основной движущей силой кардинального изменения направления внутренней и внешней политики государства.

Можно утверждать, что победа демократической коалиции на выборах 1998 г. в Словакии не только не снизила роль третьего сектора в словацкой политике, а, напротив, вывела негосударственные организации на новый уровень: они взяли на себя функцию контроля за властью. Таким образом, третий сектор стал ведущим и самым влиятельным в Словакии.

Итак, политический кризис, охвативший Словакию после 1996 г. не мог оставаться неразрешенным. Коалиция и оппозиция фактически зашли в тупик и не могли принять ни одного решения. Конституционный суд, выполняющий роль постоянного арбитра, просто не успевал решать такое количество вопросов. «Мечьяризм» приобрел ужасающие формы: власть премьера была фактически неограниченной, кумовство достигло небывалого размера, внешнеполитическая деятельность была приостановлена. Словакия находилась в глубоком и всеохватывающем кризисе.

В 1997 г. в Словакии прошел ряд референдумов, окончательно сформировавший отношение общества к власти. К предложенному оппозицией референдуму о прямых президентских выборах, правящая коалиция добавила еще один референдум, касающийся вступления Словакии в НАТО. В результате оба референдума провалились, вследствие бойкота населения. Менее 10% словаков пришли на голосование, а участковые комиссии по проведению референдума всячески саботировали работу, что в дальнейшем подтвердит Конституционный суд. С 1999 г. приоритетным направлением внешней политики Словакии стали отношения с западноевропейскими государствами и трансатлантическими структурами.

Таким образом, на фоне событий, происходивших повсеместно в Восточной Европе по сходному сценарию, и с вовлечением представителей третьего сектора все заявления о продвижении демократии являлись всего лишь прикрытием для реальной потребности создавать марионеточные государства. Все демократические институты фактически контролировались извне, население вводится в заблуждение при помощи новейших средств манипуляций массовым сознанием. Если вопрос о присоединении Словакии к ЕС с его положительными и

отрицательными сторонами оставался открытым и неоднозначным, то вступление страны в НАТО показывало заинтересованность Альянса.

На примере Словакии становится очевидным, что те обещания, которые были даны НАТО Советскому Союзу, не выполнялись и не будут выполняться. Организация расширяется, подбираясь все ближе к границам Российской Федерации. Словакия не являлась столь мощной европейской военной державой, чтобы объяснить высокий уровень заинтересованности Альянса и все те средства, которые были вложены в процесс присоединения. Однако, без Словакии переход на новый этап – вовлечение Украины в интеграционный процесс стал бы просто невозможным.

Словакия придерживалась изначально запланированного курса в вопросах европейской интеграции. Так как население реагировало большей частью положительно либо нейтрально, в апреле 2003 г. Словакия и ЕС подписали Договор о вступлении. В мае 2003 г. данный Договор получил поддержку населения, подтвердив твердые намерения вступить в Европейский Союз. В июле 2003 г. парламент одобрил Договор, а в августе он был ратифицирован подписью президента. Подписав Договор о вступлении, Словакия получила статус наблюдателя в ЕС и стала принимать участие во всех заседаниях всех органов ЕС. Словакия фактически стала актором европейской политической арены. 1 мая 2004 г. Словакия официально вошла в состав Европейского Союза, завершив очередной этап своего исторического эволюционного развития.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы для разработки стратегии по предотвращению распространения влияния НАТО на Восток. Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что правительство может эффективно противостоять попыткам извне повлиять на развитие государства, только учитывая и формируя общественное мнение. Кроме того, необходимо использовать опыт словацкого третьего сектора с точки зрения механизмов работы с населением. Правильная работа в данном направлении не только укрепляет позиции законной власти, но и не допускает создания

информационного вакуума либо потоков дезинформации, которые могут быть использованы для дестабилизации ситуации в стране.

В дальнейшем автор планирует продолжить исследование вопросов влияния третьего сектора на политику государств Восточной Европы, с целью поиска путей выхода из глубокого политического кризиса, охватившего страны региона.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- «Пульс» - Польский союз демократических левых
- Acquis - acquiscommunitaire - правовые акты Европейских сообществ
- IVO Институт по гражданским вопросам
- NOIK - Некоммерческий информационный и учебный центр
- SAC (SlovakAtlanticCommission) – Словацкая атлантическая комиссия
- SAIA (СААИ)- Словацкое агентство академической информации
- SFPA Словацкое объединение по вопросам внешней политики
- SKOI Постоянная конференция Гражданского института
- USAIDАгентство США по международному развитию
- АНГ – Альянс нового гражданина
- БЗНС - Болгарский земледельческий народный союз
- БПК - Болгарская Коммунистическая Партия
- БСП - Болгарская Социалистическая Партия
- ВГП – Венгерская гражданская партия
- ВДФ - Венгерский демократический форум
- ВНП - Венгерскую народную партию
- ВРПФ (ВРФ) - Варшавский рабочий предсъездовский форум
- ВРФ - Варшавский рабочий форум
- ВСРП - Венгерская социалистическая рабочая партия
- ВХДД – Венгерское христианско-демократическое движение
- ДП - Демократическая партия
- ДП- Демократической партия
- ДПС - Движение за права и свободы
- ДС - Демократический союз
- ЕК – Европейская комиссия
- КЗС – Комитет третьего сектора

КПС – Коммунистическая партия Словакии
Курс – СД – курс – Социальная – демократия
ЛДК- Либерально-демократического конгресса
НВДП - Независимая венгерская демократическая партия
НМПХ - Независимая партия мелких хозяев
НМФ - Новый мартовский фронт – НМФ
НРБ - Народная Республика Болгария
ОК'98 (Обĉianska kamрај '98) – Гражданская кампания'98.
ОБЖ - Общество друзей Эндре-Байчи-Жилински
ОКП- Объединенная крестьянская партия
ОМО «Илинден» - Объединенная Македонская организация «Илинден»
ОНФ - Отечественный народный фронт
ОПН - Общество против насилия
ОЭСР - Организации экономического сотрудничества и развития
ПВК - Партия венгерской коалиции
ПГВ – Партия гражданского взаимопонимания
ПДЛ – Партия демократических левых
ПЗС - Партия зеленых Словакии
ПКП - Польская крестьянская партия - Возраждение
ПНР - Польская Народная Республика
ПОРП - Польской объединенной рабочей партией
РКП - Румынская коммунистическая партия
СДК - Словацкая демократическая коалиция
СДПВ - Социал-демократическая партия Венгрии
СДПС - Социал-демократическая партия Словакии
СДС - Союз демократических сил
СДХС – Словацкий демократический и христианский союз
СКЮ - Союз коммунистов Югославии
СМД - Союз молодых демократов
СНП – Словацкая национальная партия

Совет ФНС - Совет Фронта национального спасения

СР – Словацкая Республика

ССД - Союз свободных демократов

СЭВ - Совет экономической взаимопомощи

ХДД - Христианско-демократическое движение

ХДНП - Христианско-демократическая народная партия

ХДП - Христианско-демократическая партия

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века: Время перемен: сборник статей. - Ред. сост. Т.Н. Мационашвили. - М.: РАН, ИНИОН, 2006. - 240 с.
2. Андрей Фурсов Неизвестный 68-й (рус.)// Литературная газета: сетевое издание. — 2008. — 6 августа (№ 32). — ISSN - 0233-4305.
3. Билчик В. Словацкая Республика и процесс подготовки к вступлению в ЕС: опыт и последствия / В. Билчик // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 116-127
4. Болгария. Парламентские выборы 1991 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.electoralgeography.com/ru/countries/b/bulgaria/1991-parliament-elections-bulgaria.html>
5. Бутора М., Стречанский Б. Роль гражданского общества и неправительственных организаций в демократических преобразованиях Словакии / М. Бутора, Стречанский Б. // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 181-197
6. Васильев Л.С. Становление политических партий и партии нового типа / Л.С. Васильев // Общественные науки и современность. - 2010. - № 2. - С.114-125.
7. Волокитина Т.Е. Болгария: «нежная революция» или поиск «новой модели социализма» / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.
8. Восточная Европа: 20 лет социальной трансформации. – М.: РАН, ЮНИОН, 2010. – 198 с.
9. Всеукраинский референдум [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cvk.gov.ua/pls/r001/webproc0r>

10. Голосов Г.В. Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, динамика. / Г.В.Голосов. - М.: Весь Мир, 1999. - 152 с.
11. Горлах К. Конец крестьянства / К. Горлах Восточноевропейские исследования. – 2005. - №1. – С.97.
12. Гринберг Р.С. Уроки реформ в странах Восточной Европы / Р.С. Гринберг // Мировая экономика и международные отношения. – 1991. - №2.
13. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? / Л.Даймонд // Полис. -1999. -№1. - С.11.
14. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р.Дарендорф // Вопросы философии. - 1990. - №9. - С.69.
15. Декларация словацкого национального совета. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4, кн. 2. С. 122—123
16. Делягин М.Г. Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает / М.Г.Делягин //Полис - 2008. -№1. - С.109.
17. Доманьский Х. Средний класс при переходе от коммунизма к капиталистическому обществу / Х. Доманьский // Восточноевропейские исследования. – 2005. - №1. – С.81.
18. Дьярфашова О. Словакия в меняющемся мире: отношение общественности к европейской интеграции, международным организациям и глобальным угрозам / О. Дьярфашова // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 105-116
19. Едемский А.Б. От провала XIV съезда СКЮ к «третьей» Югославии? / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.
20. Ешко Ю. «Факты и иллюзии про нейтралитет» / Ю. Ешко. – Братислава: IVO, 1997.
21. Желицкий Б.Й. Венгрия в системе центральноевропейских социально-экономических преобразований начала 90-х годов XX в. (попытка сравнительного

анализа) / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

22. Желицкий Б.Й. Трагедия ВСРП / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.

23. Задорожнюк Э.Г. Векторы приватизационных процессов в Чехии и Словакии / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

24. Задорожнюк Э.Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения Чехословакии (август 1968 – ноябрь 1989 г.) / Э.Г.Задорожнюк. – М.: «Индрик», 2008 – 440 с.

25. Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе: монография / Э.Г.Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин. – М.: Academia, 2000. – 312 с.

26. Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия Восточной Европы в конце XX века: резервуары новых инициатив / отв. ред. Б.С. Орлов. - М.: Памятники исторической мысли, 1998. - 310 с.

27. Задорожнюк Э.Г., Харциева Г.Ю. Алгоритм распада / В.Н. Виноградов, Т.Н. Исламов, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 329 с.

28. Земко М. Традиции словацкой политики: демократия, авторитаризм, тоталитаризм / М.Земко // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 24-34

29. Зудинов Ю.Ф. «Мусульманский фактор» в жизни болгарского общества / В.Н. Виноградов, Т.Н. Исламов, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 329 с.

30. Зудинов Ю.Ф., Валева Е.Л. Болгария в середине 90-х: по-прежнему на перепутье / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

31. Из программы правительства Национального фронта чехов и словаков (5 апреля 1945 г.). Хрестоматия по истории южных и западных славян. Мн., 1991, т.3, с.235-236.

32. История Словакии / ред. Ю.В. Богданов. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2003. – 437 с.

33. Калашникова Н.Ю. Румыния – 1989: конец «золотой эпохи» / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.

34. Комментарий официального представителя МИД России А.К.Лукашевича о прекращении деятельности в Российской Федерации Агентства США по международному развитию. МИД России (19 сентября 2012).

35. Копытина М.О. Центрально-восточная Европа во второй половине XX века [Словакия]. В 3т. Ч.2 Трансформация 90-х годов / М.О. Копытина, С.П.Глинкин; под общ. ред. А.Д.Некипелова – М.: «Наука», 2000 - 2002.

36. Коровицына Н.В. Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций / Н.В. Коровицына. – М.: Наука, 1993. – 176 с.

37. Коровицына Н.В. Социокультурные процессы периода посткоммунистической трансформации в Чехии (по материалам исследования чешских социологов) / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

38. Крапивин А.В. Внешняя политика Словакии в конце XX - начале XXI вв. //Внешняя политика стран Центральной и Восточной Европы. Учебное пособие.- Донецк: Изд.ДонГУ, 2000. - 277 с.

39. Кривый В. Разграничительные линии в словацком обществе: множество режимов, коммунизм и индустриальная модернизация / В.Кривый // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 54-66

40. Крук Н., Даудерштадт М., Герритс А. Социал-демократия в Центральной и Восточной Европе. Интеграция - Примирение – Стагнация / пер. с англ. - М.: Культурная революция, 2004. - 128 с.

41. Лебедева Т.П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований / Т.П.Лебедева // Полис. - 2004. - №2. - С.76-84.
42. Липтак Л. Внешние и внутренние факторы формирования политической системы Словакии / Л.Липтак // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 34-41
43. Лыкошина Л.С. Польский кризис 80-х годов и общественное сознание / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.
44. Людвик В. Две тысячи слов, обращенным к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим. (рус.) // Антология самиздата: Составитель М. Барбакадзе. — 1968.
45. Люди августа 1968... (Список советских граждан, выразивших протест или несогласие с вторжением в Чехословакию) (рус.) // Полит.ру: портал. — 2008. — 2 сентября.
46. Майорова О.Н. Либерально-демократический конгресс в поисках своего места на польской политической сцене / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.
47. Манохин П. Кристаллизация социального статуса и постсоциалистическая трансформация / П. Манохин // Восточноевропейские исследования. – 2005. - №1. – С.67.
48. Мартинская декларация. - Советская историческая энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. В 16 томах. / Под ред. Е. М. Жукова. Том 9. 1973-1982.
49. Месежников Г. Политические партии – актеры демократизации и реформ в Словакии / Г.Месежников // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 76-86

50. Мирошников В.В. Вопросы приватизации и реприватизации в Польше / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

51. Мирошников В.В. Закат польского коммунизма (по поводу XI съезда ПОРП - I конгресса Социал-демократии Польской Республики) / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.

52. Ненашева З.С. Словацкий вопрос в контексте национальных движений Венгрии в конце XIX – начале XX в. (По материалам российских дипломатических служб) / Е.П. Аксенова, А.Н. Горяинов, отв. ред. М.Ю. Досталь – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 213 с.

53. Новопашин Ю.С. Плоды победы над тоталитаризмом: Восточная Европа после 1989 г. / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – 216 с.

54. Новопашин Ю.С. У «разбитого корыта» или о причинах краха социалистического эксперимента в Центральной и Восточной Европе / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.

55. Новопашин Ю.С. Центральноевропейские страны на рубеже XX-XXI веков. Аспекты общественно-политического развития. / Ю.С. Новопашин – М.Новый хронограф, 2003. – 272 с. – ISBN - 5-94881-007-0

56. Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия) / отв. ред. Ю.С. Новопашин. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 352 с.

57. Основы планирования венгерского народного хозяйства: монография / А. Балашша, отв. ред. О. Т. Богомолов; пер. с венг. Р. С. Лукиной, В. В. Филиппова, Ю. И. Монич. - М.: Наука, 1985. – 285 с.

58. Павловский И.В. Фактор национального самосознания / отв. ред. Ю.С. Новопашин.// Восточная Европа на историческом переломе – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.

59. Пихоя Р. Г. Чехословакия. 1968 год: взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС (рус.) // Новая и новейшая история ББК 63.3(4ЧЕ)6-64. — М., 1994. — № 6. — С. 3-21.

60. Романенко С.А. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду / В.Н. Виноградов, Т.Н. Исламов, отв. ред. Ю.С. Новопашин. — Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — 329 с.

61. Рошко Р. Гражданское общество: попытка историко-социологической рефлексии / Р. Рошко // Восточноевропейские исследования. — 2005. - №1. — С.57.

62. Смолани С. Словацкий путь демократии: от отклонения («девиации» к стандартной «новой демократии» / С.Смолани // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. — Братислава, 2007. — С. 66-76

63. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 ноября 1945 года «О ратификации договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине»

64. Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. — М.: Центрполиграф, 2016. — 456 с. — (Наш XX век)

65. Фиш М.С. Конец «мечиаризма» / М.С. Фиш // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. Отв. ред. — Шаншиева Л.Н. — М., 2003. — с.193-205. — ISBN — 5-248-00174-9

66. Харциева Г.Ю. Политическая картина в Словакии после ноябрьских событий / отв. ред. Ю.С. Новопашин — Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. — 339 с.

67. Харциева Г.Ю. Словакия: свет и тени в начале нового пути / Б.Й. Желицкий, Э.Г. Задорожнюк, отв. ред. Ю.С. Новопашин — Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. — 216 с.

68. Хаттингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. / С.Хаттингтон. - М.: РОССПЭН, 2003. - 368 с.

69. Хмел Р. Словацкий вопрос в 20-м веке / Р.Хмел // Опыт демократических преобразований Словакии: сб. науч. тр. / Институт общественных проблем. – Братислава, 2007. – С. 9-24
70. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. – М.: «Наука», 2002. – 3 т.
71. Центральноевропейские страны на рубеже XX-XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. – М.: Новый хронограф, 2003. – 272 с.
72. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. / отв. ред. В.В.Марьина. – М.: Наука, 2005 – 1 кн. – 453 с.
73. Щербакова Ю.А. Начало «нежной революции» в ЧСФР (осень 1989 г.) / отв. ред. Ю.С. Новопашин – Москва: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. – 339 с.
74. Active citizenship and nongovernmental sector in Slovakia: trends and perspectives / Bútorá M., Bútorová Z., Strečanský B. // Civic association VČELÍ DOM, Bratislava – 2012. – 80 p. - ISBN 978-80-970885-1-4
75. Bartoš J. The role of civil society organizations in European integration processes: Lessons learned and best practices from Slovakia. The Role of Civil Society in EU Integration Processes: Real Engagement through Effective Involvement. A Collection of Conference Speeches 22-23 November, 2012. pp.44-59
76. Beblavý M., Blaas G., The Economy of the Slovak Republic in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.
77. Bilčík V. Can Slovakia Catch Up? The Implications of EU Accession talks a Year After the Helsinki Summit. Copenhagen: Danish Institute of International Affairs, 2001.
78. Bilčík V., Világi A. Slovakia and the Limits of European Integration. Study for the Project “Forum for Europe”. Bratislava, 2007. 59p.
79. Bilčík, V. “Slovakia’s Integration to the European Union” in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2001: A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2002. pp. 281-296.

80. Bodnárová B., Šimúnková K., Social Policy in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.

81. Bútorá M. (Ed. Bútorá M., Bútorová Z., Fisher Sh., Mesežnikov Gr.) The 1998 Parliamentary Elections and Democratic Rebirth in Slovakia. Bratislava: IVO, 1999. 275 p. – ISBN - 80-88935-06-7

82. Bútorá M., Bútorová Z., Gyárfášová O., Ivantyšyn M., Krivý Vl., Velšic M. (Ed. Bútorová Z) Democracy and Discontent in Slovakia: A Public Opinion Profile of a Country in Transition. Bratislava: IVO, 1998. – ISBN - 80-967739-7-6

83. Bútorá M., Demeš P., Nonprofit Organizations and the Non-governmental Sector in Bútorá M., Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.

84. Bútorá M., Košťálová K., Demeš P., Bútorová Z., Nonprofit Sector And Volunteerism In Slovakia in Bútorá Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.

85. Bútorá Martin, Bútorová Zora The 1998 Parliamentary Elections and Democratic Rebirth in Slovakia. Institute for Public Affairs. Bratislava, 1999. 275p.

86. Bútorá Martin, Gyárfášová Oľga, Mesežnikov Gr., Skladony W. Thomas Democracy and Populism in Central Europe: The Visegrad Elections and Their Aftermath. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2007. 248p.

87. Bútorá Martin, Hunčík Péter Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation. Bratislava, 1999. 322p.

88. Bútorá Martin, Skladony W. Thomas Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 1998. 217p.

89. Bútorová Zora Democracy and Discontent in Slovakia: A Public Opinion Profile of a Country in Transition. Institute for Public Affairs. Bratislava, 1998. 215p.

90. Červenák V. Culture in Kollár M., Mesežnikov Gr. (eds.), Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2005. 743p.

91. Charles Stewart Mott Foundation. The 1998 Elections: Research for Action. 1998-1999.

92. D. Klimovsky Public administration reform in Slovakia: 20 years of experience with different institutional settings at the local and regional levels. Analytical - Vol.3, Issue 1. Bratislava, 2008. 28p.

93. Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on Cooperation of the Visegrád Countries after their accession to the European Union. (posted at <http://www.visegradgroup.eu/main.php?folderID=940&articleID=3939&ctag=articlelist&iid=1>)

94. Deegan K. The Ambivalent Influence of the European Union on Democratization in Slovakia in P. Kubicek (ed), The European Union and Reluctant Democratizers. London: Routledge, pp. 56-86.

95. Demeš M., Ginter E., Kováč E., Health Care in Bútora Martin, Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.

96. Demeš M., Health Care in Bútora Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.

97. Demeš P., The Third Sector and Volunteerism in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.

98. Demeš P., The Third Sector and Volunteerism in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.

99. Democracy and Populism in Central Europe: The Visegrad Elections and Their Aftermath in Bútora Martin, Gyárfášová Oľga, Mesežnikov Gr., Skladony W. Thomas (eds.). Institute for Public Affairs. Bratislava, 2001. 248p.

100. Dostál O., Ethnic Minorities in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.

101. Dostál O., Minorities in Bútora Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.

102. Dostál O., Minorities in Bútora Martin, Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.

103. Dostal, O, Ethnic Minorities in Gr. Meseznikov, M. Kollar, and T. Nicholson (eds.), Slovakia 2001: A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2002. pp. 127-148.

104. Dostál, O., Ethnic minorities in Gr. Meseznikov, M. Kollar and T. Nicholson (eds.), Slovakia 2001: A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2002. pp. 4-20.

105. Duleba, A. Slovakia`s Relations with Russia and Eastern Neighbors in Gábor Fôti and Szuzsa Ludvig (eds.) EU-Russian relations and the Eastern Partnership – Central-East European Member-State Interests and Positions, Budapest: HAS Institute for Worlds Economics. pp.7-60.

106. Duleba, A. The Blind Pragmatism of Slovak Eastern Policy. The Actual Agenda of Slovak-Russian Bilateral Relations. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, Occasional Paper A01, 1996. 84 p.

107. Duleba, A. Ukraine and Slovakia. Searching of Common Interests. Bratislava: Vyskumne centrum Slovenskej spolocnosti pre zahranicnu poltiku, Friedrich Ebert Stiftung, 2001. 114 p.

108. Duleba, A. Ukraine, Central Europe and Slovakia: Interests in and Prospects for Cooperation. Bratislava: Research Center of the Slovak Foreign Policy Association, Friedrich Ebert Stiftung, 1998. 64 p.
109. Education index available to the Human Development Report Office as of 15 November, 2013. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/education-index>
110. European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia (EUMC). Raxen_CC National Focal Points. 2003.
111. Fico, R., Rationale for a New Political Party, in K. Williams (ed.), Slovakia after Communism and Mečiarism. London: SSEES Occasional Papers, 2000. pp. 21-24.
112. Fisher, S. Political Change in Post-Communist Slovakia and Croatia: From Nationalist to Europeanist. Basingstoke and New York: Palgrave, 2006.
113. Füle J. Media in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.
114. German Marshall Fund of the United States. EU Enlargement, NATO Enlargement and the Future of Transatlantic Relations. 2002.
115. German Marshall Fund of the United States. The Future of Enlarged NATO and European Union as Seen by Political Actors. 2004.
116. Gindl E., Mass Media in Bútorá Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
117. Ginter E., Kováč E., Health Care in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.
118. Grabbe, H. The EU's Transformative Power: Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe. Basingstoke and New York: Palgrave MacMillan, 2006.
119. Gremium of the Third Sector, Requirements of NGOs, NonProfit – elections '98, p. 26, SAIA-SCTS, Bratislava.

120. Gyárfášová O., Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.): Slovak Elections 2002. Results, Implications, Context. Bratislava: IVO, 2003. 290 p. – ISBN - 80-88935-51-2
121. Gyárfášová O., Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. Slovak Elections 2002. Results, Implications, Context. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2003. 290p.
122. Gyárfášová O., Mesežnikov Gr. Party Government in Slovakia: Experience and Perspectives. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2004. 157p.
123. Gyárfášová O., Mesežnikov Gr. Slovakia: Ten Years of Independence and a Year of Reforms. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2004. 175p.
124. Gyárfášová O., Valášek T. "Easternization" of Europe's Security Policy. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2004. 122p.
125. Haughton, T. and Rybář, M. All Right Now? Explaining the Successes and Failures of the Slovak Centre-right. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, 20 (3), (2004). pp. 115-32.
126. Haughton, T. Facilitator and Impeder: The Institutional Framework of Politics during the Premiership of Vladimír Mečiar. *Slavonic and East European Review*, 81 (2), (2003). pp. 267-90.
127. Haughton, T., 'Slovakia's Robert Fico: A Man to be Trusted or Feared?', *Radio Free Europe/Radio Liberty East European Perspectives*, 4 (11) (posted at <http://www.rferl.org/reports/eepreport/2002/05/11-290502.asp>)
128. Haughton, T., 'Vladimír Mečiar and his Role in the 1994-1998 Slovak Coalition Government', *Europe-Asia Studies*, 54/8, (2002). pp. 1319-1338.
129. Haughton, T., HZDS: The Ideology, Organisation and Support Base of Slovakia's Most Successful Party. *Europe-Asia Studies*, 53/5, (2001), pp. 745-769.
130. Henderson, K. 'Slovakia and the democratic criteria for EU accession' in K. Henderson (ed), *Back to Europe: Central and Eastern Europe and the European Union*. London and Philadelphia: UCL Press, 1999. pp. 221-40.
131. Henderson, K.: *Slovakia: The Escape from Invisibility*. New York: Routledge, 2002.

132. Henderson. K EU Accession and the new Slovak consensus. West European Politics, 2004
133. Institute for Public Affairs. Survey of the Views of Economic Elites on Trends and Problems of Slovak Economy. 2004
134. IRI – Medzinárodný republikánsky inštitút Bratislava. Slovakia: Promoting Reform Policies. 2004.
135. Jakoby M., Jurzyca E., The Economy of the Slovak Republic in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.
136. Juráň C., Agriculture in Bútora Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
137. Karatnycky A., Motyl A., Piano A. (eds.): Nations in Transit 1998. Civil Society, Democracy, and Markets in East Central Europe and the Newly Independent States. New York: Freedom House, 1999.
138. Karatnycky A., Motyl A., Piano A. (eds.): Nations in Transit 1999 - 2000. Civil Society, Democracy, and Markets in East Central Europe and the Newly Independent States. New York: Freedom House, 2000.
139. Karatnycky A., Motyl A., Piano A. (eds.): Nations in Transit 2002. Civil Society, Democracy, and Markets in East Central Europe and the Newly Independent States. New York: Freedom House, 2002.
140. Karatnycky A., Motyl A., Piano A. (eds.): Nations in Transit 2003. Democratization in East Central Europe and Eurasia. New York: Freedom House, 2003.
141. Kazda R., Agriculture in Kollár M., Mesežnikov Gr. (eds.), Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2005. 743p.
142. Kollár M., Culture in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.

143. Kollár M., Media in Kollár M., Mesežnikov Gr. (eds.), Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2005. 743p.
144. Kollár M., Mesežnikov Gr. Slovakia 2003. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2004. 702p.
145. Kollár M., Mesežnikov Gr. Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2005. 743p.
146. Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. Slovakia 1998-1999. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 1999. 439p.
147. Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2001. 599p.
148. Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. Slovakia 2001. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2002. 621p.
149. Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2003. 773p.
150. Kraus I., Pišút J., 'Education and Science' in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.
151. Kusý M., 'Human and Minority Rights' in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.
152. Lőrincz A., Woleková H. Advocacy in favour of 1% tax allocation in Slovakia. Available at: http://szazalekosadomany.honlaphat.hu/files/sharedUploads/1229/onepercent.hu/onepercent.hu_study/Chapter_3_Lorincz_Sk-1.pdf
153. Mesežnikov Gr. Slovakia after the Elections. Public Opinion, Political Players, Media. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2003. 127p.
154. Mesežnikov, G., Kollár, M., Nicholson, T. (eds.): Slovakia 2002. A Global Report on the State of Society. Bratislava: IVO, 2003. 773 p. – ISBN - 80-88935-44-x

155. Mikloš I., 'Privatization' in Bútorá Martin, Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.
156. Mikloš I., Privatization in Bútorá M., Hunčík P. (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
157. Mikloš I., Žitňanský E., Economy in Bútorá Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
158. Mikloš I., Žitňanský E., The Economy in Bútorá Martin, Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.
159. Motyl A., Schnetzer A. (eds.): Nations in Transit 2004. Democratization in East Central Europe and Eurasia. New York: Freedom House, 2004.
160. Nagayo S. Slovakia and Hungary: The Most Complicated Bilateral Relations in Central Europe (Focusing on the Gabčíkovo-Nagymaros Problem). Human Affairs, vol. 7, n. 1/1997, pp. 64-76.
161. Pažitný P., Zajac R., Health Care in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.
162. Pehe J. Political Conflict in Slovakia. Praha, 1991.
163. Political criteria. Civil Society Development Programme Slovak Republic. Available at: <http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/fiche-projet/slovakia/sk-fm/1999/sr9905-01-csdf.pdf>
164. Pridham, G., The European Union's Democratic Conditionality and Domestic Politics in Slovakia: the Meciár and Dzurinda Governments Compared, Europe-Asia Studies, 54/2, (2002), pp. 203-227.
165. Radičová I., Woleková H., 'Social Policy' in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 2000. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2001. 599p.

166. Referendum vo svete Bútorá Daniel IVO, Bratislava, 1997 Available at: <http://www.ivo.sk/3379/sk/publikacie/referendum-vo-svete>
167. Relationship of the Slovak Public to the North Atlantic Alliance – Value and Attitude Contexts. Analýza. In: Slovak Foreign Policy Affairs, Fall 2001, pp. 27-39
168. Rosa V., 'Education And Science' in Bútorá Martin, Skladony W. Thomas (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.
169. Rosa V., Education and Science in Bútorá Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
170. Rosa V., Education and Science in Kollár M., Mesežnikov Gr., Nicholson T. (eds.), Slovakia 1998 - 1999. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1999. 439p.
171. Russia and NATO Enlargement. in: Bugajski, Janusz (eds.) Toward an Understanding of Russia. New European Perspectives. A Council on Foreign Relations Book, New York 2002, pp. 153-182.
172. Rybář, M., 'From Isolation to Integration: Internal and External Factors of Democratic Change in Slovakia' in T. Flockhart (ed.), Socializing Democratic Norms: the Role of International Organizations for the Construction of Europe, Basingstoke: Palgrave, 2005. pp.169-189.
173. Rybář, M., 'Party system instability and the emergence of new parties in Slovakia', paper presented to the Keele Summer School on Political Parties, September 2002.
174. S. Szomolányi Slovakia: From a Difficult Case of Transition. Slavic Research Center, 2004. 149-188p.
175. Slovak Academic Information Agency. Available at: <http://www.saia.sk/en>
176. Slovakia – from a Component of Former Czechoslovakia within the Framework of the Soviet Block – to an Independent Country-Member of the European Union and NATO. The Experience of the European and Euro-Atlantic Integration of

Central-Eastern European and Baltic Countries. Kyiv, Analytical review, 2013. pp. 17-20.

177. Slovakia, Bertelsmann Transformation Index 2003, available at:<http://bti2003.bertelsmann-transformation-index.de/174.0.html?&L=1>

178. Slovakia. Russia and Ukraine as Eastern Neighbours. in: Kempe, Iris – Meurs, van Wim – Ow, von Barbara (eds.): The EU Accession States and Their Eastern Neighbours. Verlag Bertelsmann Stiftung, Gutersloh, 1999. pp.226-253.

179. Slovakia's Historical and Cultural Relations with Russia and the Ukraine. in: Kempe, Iris – Meurs, van Wim – Ow, von Barbara (eds.): The EU Accession States and Their Eastern Neighbours. Verlag Bertelsmann Stiftung, Gutersloh, 1999. pp.254-276.

180. Štastný Marek Iraq Crisis and Politics in USA, Europe and V4 Countries. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2003. 93p.

181. Štastný Marek Visegrad Countries in an Enlarged Trans-Atlantic Community. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2002. 221p.

182. Strečanský B., Szatmáry Z., Non-governmental Organizations and Volunteerism in Bútora Martin, Kollár M., Mesežnikov Gr. (eds.), Slovakia 2005. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2006. 707p.

183. The Opinions of the Economic Elite Regarding Current Matters of Economic Development in the Slovak Republic. In: Connection. Mesačník Americkej obchodnej komory na Slovensku - AmCham, 2002

184. The Slovak-Ukrainian-Russian Security Triangle, in: Balmaceda, Margarita M. (ed): On the Edge. Ukrainian - Central European - Russian Security Triangle. Central European University Press, Budapest, 2000. pp. 69-126.

185. Vajdová K., Non-governmental Organizations and Volunteerism in Kollár M., Mesežnikov Gr. (eds.), Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2005. 743p.

186. Vašečka M., Jurásková M., Nicholson T. (eds.): A Global Report on Roma in Slovakia. Bratislava: Institute for Public Affairs, 2003

187. Woleková H., Governmental Social Policy And The Social Situation Of Slovakia. S Inhabitants In 1995' in Bútorá Martin, Hunčík Péter (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
188. Woleková H., Social Policy in Bútorá M., Skladony W. T. (eds.), Slovakia 1996 - 1997. A Global Report on the State of Society. Bratislava: Institute for Public Affairs, 1998. 217p.
189. Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic 2000. Bratislava: Slovak Institute for International Studies, 2001, 212p.
190. Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic 2001 Bratislava: Slovak Institute for International Studies, 2002, 204p.
191. Yearbook of Foreign Policy of the Slovak Republic 2002. Bratislava: Slovak Institute for International Studies, 2003, 172p.
192. Zajac P., Culture in Bútorá M., Hunčík P. (eds.), Global Report on Slovakia. Comprehensive Analyses from 1995 and Trends from 1996. Sándor Márai Foundation, Bratislava, 1997. 322p.
193. 100 dní vlády M. Dzurindu. Medzinárodný republikánsky inštitút (IRI). Bratislava. 2003.
194. 42% občanov si myslí, že prednovembrový politický režim potreboval zásadnú zmenu, na druhej strane zmenu prednovembrovej ekonomiky vníma verejnosť podstatne zdržanlivejšie. Bratislava. IVO, 1999.
195. Aktuálne problémy Slovenska. Agentúra FOCUS – január 1999
196. Aktuálne problémy Slovenska. Agentúra FOCUS – október 1997
197. Bútorá M., Bútorová Z., Mesežnikov Gr. a kol. Slovenské voľby '98. Kto? Prečo? Ako? Bratislava, 1999. S. 311. – ISBN - 80-88935-04-0
198. Bútorá M., Hunčík P. Slovensko 1995. Bratislava. 1996. S. 308 - ISBN 80-85509-41-7
199. Bútorá M., Ivantyšyn M. a kol. Slovensko 1997. Súhrnná správa o stave spoločnosti a trendoch na rok 1998. Bratislava, 1998. S.702 – ISBN – 80-967739-8-4

200. Bútorová Z. a kol. Slovensko pred voľbami. Ľudia - názory – súvislosti. Bratislava, 1998. – ISBN - 80-967739-5-x
201. Demeš P. My rozhodneme.sk. 333 dobrých dôvodov, prečo ísť voliť. Bratislava, 2002. S. 143. – ISBN - 80-88935-29-6
202. Dokumenty Slovenskej narodnej identity a statnosti. Bratislava. 1998. S. 578-579
203. Duleba Al. Koniec súčasnej strednej Európy? Ukrajina a Slovensko po prvej vlne rozšírenia NATO. Bratislava. 1998. S. 167. – ISBN - 80-967739-6-8
204. Figeľ J., Adamiš M. Slovensko na ceste do Európskej únie. Kapitoly a súvislosti. Bratislava. 2003. S.206
205. Gyárfášová O., Kollár M., Mesežnikov Gr. a kol. Slovenské voľby '02: výsledky, dôsledky, súvislosti. Bratislava, 2003. S. 262. – ISBN - 80-88935-43-1
206. Gyárfášová O., Krivý Vl., Mesežnikov Gr., Vašečka M., Velšic M. Krajina v pohybe. Správa o politických názoroch a hodnotách ľudí na Slovensku. Bratislava, 2001. S. 414. – ISBN - 80-88935-24-5
207. Gyárfášová O., Marošiová L., Velšic M. Otvorené okná. Bratislava: IVO, 2000. S. 41 – ISBN - 80-88935-13-x
208. Gyárfášová O., Mesežnikov Gr. Slovensko: Desať rokov samostatnosti a rok reforiem. Bratislava. 2004. S. 165. – ISBN - 80-88935-59-8
209. Gyárfášová O., Mesežnikov Gr., Majchrák J. Slovensko do Severoatlantickej aliancie. Ako to vidia mladí? Bratislava. máj 2001 - júl 2001
210. Gyárfášová O., Velšic M. Volebné správanie slovenských voličov v prvých eurovoľbách a širšie súvislosti vnímania členstva v EÚ. Bratislava. 2004. S. 58.
211. Hlasy žien. Agentúra AKO. Bratislava, máj 2002 – júl 2002
212. Hospodárske noviny. 2000. 10 dubna
213. Hrabko J., Krivý Vl. Čo prezrádzajú volebné výsledky? Parlamentné voľby 1992 – 1998. Bratislava. 1999. S. 131. – ISBN - 80-88935-07-5
214. Iba 63 % respondentov vie uviesť všetky tri strany vládnej koalície. Bratislava. IVO, 1998.

215. Information on the Council of the Government of the Slovak Republic for Non-Governmental Non-Profit: Organisations (CG NGNPO). Bratislava. 1999.
216. Iniciatíva HZDS za predčasné parlamentné voľby ukazuje, že hnutie si nevie zvyknúť na opozičnú rolu. Bratislava. IVO, 2000.
217. Inštitút pre verejné otázky. 1. miesto v rebríčku dôveryhodnosti patrí premiérovi M. Dzurindovi. Bratislava. 1999.
218. Inštitút pre verejné otázky. 87 % občanov podporuje rozhodnutie o priamej voľbe prezidenta. Bratislava. 1999.
219. Ivantýšyn M., Mesežnikov Gr. a kol. Slovensko 1998 - 1999. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 1999. S.918. – ISBN- 80-88935-09-1
220. Jurásková M., Kriglerová El., Puliš P., Rybová J., Vašečka M. Evaluácia činnosti Sekretariátu splnomocnenkyne vlády SR pre rómske komunity. - Bratislava, 2003. S. 60. – ISBN - 80-88935-54-7
221. Jurásková M., Kriglerová El., Puliš P., Rybová J., Vašečka M. Rómske hlasy. Rómovia a ich politická participácia v transformačnom období. Bratislava, 2002. S. 167. – ISBN - 80-88935-36-9
222. Kabinet M. Dzurindu disponuje dôverou väčšiny občanov. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 1999.
223. Karupcia a Klientelizmus v optike každodennosti. Bratislava: Hospodárske noviny, 2003.
224. Každý druhý občan si myslí, že zmena, ktorú priniesol November 1989 mala zmysel. Bratislava. IVO, 199
225. Kollár M., Mesežnikov Gr. a kol. Slovensko 2000. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava. 2000. S. 827. – ISBN - 80-88935-17-2
226. Kollár M., Mesežnikov Gr. Predsavzatia a skutočnosť. Hodnotenie plnenia programového vyhlásenia vlády Mikuláša Dzurindu. Bratislava, 2002. S. 167. – ISBN - 80-88935-32-6
227. Kollár M., Mesežnikov Gr. Slovensko 2001. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 2001. – S. 899. – ISBN - 80-88935-26-1

228. Kollár M., Mesežnikov Gr. Slovensko 2002. Súhrnná správa o stave spoločnosti. Bratislava, 2002. S. 976. - ISBN - 80-88935-40-7
229. Krivý V. Hodnotové orientácie na Slovensku - skupinové portréty. Bratislava. 1998. S.71. – ISBN - 80-88935-02-4
230. Krivý V. Politické orientácie na Slovensku - skupinové profily. Bratislava, 2000. S. 101. – ISBN - 80-88935-14-8
231. Kto by nám pomohol keby nás ohrozovali zvonku? NATO? EÚ? Rusi? Bratislava. IVO, 2001.
232. Majchrák J., Marošiová L. Dovidieť za roh. 21 politikov o mimovládnych organizáciách. Bratislava. 2003. S. 230. – ISBN - 80-88935-55-5
233. Medzi občanmi SR priaznivé hodnotenie pôsobenia zahraničných pozorovateľov počas parlamentných volieb vysoko prevažuje nad nepriaznivým. Bratislava. IVO, 1998.
234. Mesežnikov Gr. a kol. Voľby 1998. Analýza volebných programov politických strán a hnutí. Bratislava, 1998. S. 127. - ISBN- 80-88935-00-8
235. Mesežnikov Gr. a kol. Povolebné Slovensko. Verejná mienka, politickí aktéri, médiá. Bratislava. 2003. S. 119. – ISBN - 80-88935-45-8
236. Múčka Fr. Čo ubližuje firemnej charite. Bratislava. IVO, 2004.
237. Názory ekonomických elít na trendy a problémy slovenskej ekonomiky. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 2004
238. O parlamentné voľby 2002 sa zaujíma väčšina občanov. Bratislava. IVO, 2002.
239. Obyvatelia Slovenska sú najväčšmi hrdí na Európu a svoje mesto/obec. Bratislava. IVO, 2001.
240. Od parlamentných volieb 1998 sa situácia v kľúčových oblastiach nášho života, podľa názorov občanov, zhoršila. Bratislava. IVO, 1999.
241. Podľa väčšiny občanov sa slovenská ekonomika po štyroch rokoch vlády V. Mečiara nachádza v zlom stave. Bratislava. IVO, 1998.
242. Podpora občanov integrácii SR do Európskej únie sa upevnila a podpora vstupu do NATO sa stabilizovala. Bratislava. IVO, 1999.

243. Podpora občanov integrácii SR do Európskej únie sa zvýšila. Bratislava. IVO, 2000.
244. Predstavy občanov o schopnosti SDK a HZDS riešiť vybrané spoločenské problémy. Bratislava. IVO, 1998.
245. Prieskum názorov ekonomických elít na aktuálne otázky vývoja slovenskej ekonomiky. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 2000
246. Prieskum názorov ekonomických elít na aktuálne otázky vývoja slovenskej ekonomiky. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 2001
247. Prieskum názorov ekonomických elít na aktuálne otázky vývoja slovenskej ekonomiky. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 2002
248. Program prvnj ceskoslovenske vlady Narodni frontu Cechu a Slovaku, Praha, 1955.
249. Prvé miesto v rebríčku dôveryhodnosti patrí premiérovi M. Dzurindovi. Bratislava. IVO, 1999.
250. Prvé miesto v rebríčku volebných preferencií obsadila SDK. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 1999
251. Prvovoliči v spätnom zrkadle (v rámci generálneho projektu Slovenskí voliči a parlamentné voľby 2002). Agentúra AKO. Bratislava, 2002.
252. Referendum vo svete Bútorá D. IVO, Bratislava, 1997 Available at: <http://www.ivo.sk/3379/sk/publikacie/referendum-vo-svete>
253. Reforma verejnej správy – lokálna demokracia v názoroch verejnosti. Agentúra FOCUS. Bratislava, máj 2001- jún 2002
254. Reforma verejnej správy - pohľad verejnosti. Bratislava. IVO, 2001.
255. Reforma verejnej správy nie je ľuďom ľahostajná. Bratislava. IVO, 2001.
256. Roma Human Development Project. Bratislava. IVO, 2002.
257. Rómovia v parlamentných voľbách. Bratislava. IVO, 2002.
258. Rozhodnutie novej vlády obnoviť vyšetrovanie únosu Michala Kováča ml. a smrti Róberta Remiáša. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 1999.
259. Slovakia Správa zo sociologického prieskumu: Zaoštréné na Bratislavu. Agentúra GfK. 1998

260. Slovenskí voliči a parlamentné voľby 2002 – generálny projekt. Agentúra FOCUS. Bratislava, február 2002 – november 2002.
261. Sociologický výskum cieľových skupín volebnej kampane 2002. Agentúra FOCUS. Bratislava, 2002.
262. Správa z kvantitatívneho prieskumu: Slovenské súdnictvo očami verejnej mienky. Agentúra FOCUS. 1998
263. Topical Workshop. Civil society strategies for Free and Fair Elections. Bratislava. 1999.
264. Transatlantické trendy 2004. Bratislava. IVO, 2004.
265. Ustava Slovenskej Republicu č. 460/1992 Zb.
266. V stabilitu Dzurindovho kabinetu veria občania oveľa väčšmi, ako po voľbách 1994 verili v stabilitu Mečiarovej vlády. Bratislava. IVO, 1998.
267. Vašečka M. a kol. Čačipen pal o Roma. Súhrnná správa o Rómoch na Slovensku. Bratislava. 2003. S. 911. –ISBN - 80-88935-41-5
268. Väčšina občanov si myslí, že V. Mečiar by nezískal dôveru pre svoju vládu v parlamente. Bratislava. IVO, 1998.
269. Väčšina podporuje rozhodnutie vlády prehodnotiť poškodzujúce zmluvy uzavreté za Mečiara. Inštitút pre verejné otázky. Bratislava. 1999.
270. Velšic M. Civilizačná gramotnosť – problém budúcnosti. Bratislava, 2002. S. 11
271. Velšic M. Ekonomické elity a korporatívna filantropia na Slovensku. Bratislava. 2004. S.19
272. Velšic M. Karupcia a Klientelizmus v optike každodennosti. Bratislava: Hospodárske noviny, 2003.
273. Velšic M. Využívanie zákona o slobodnom prístupe k informáciám. Bratislava. IVO, 2004. S. 21.
274. Verejná mienka a ekonomické reformy (Widespread Pessimism and Reform Apathy in Transition Countries). Stredoeurópsky inštitút pre ekonomické a sociálne reformy (INEKO). Bratislava, 2002

275. Visegrádska spolupráca - ako ju vnímajú občania štyroch krajín. Medzinárodný Visegrádsky Fond. Bratislava, 2002.
276. Vízia vývoja Slovenskej republiky do roku 2020. CESES FSV UK. Praha, 2002.
277. Vo verejnosti prevažujú skeptické názory na to, že v septembri sa podarí prijať novelu Ústavy SR. Bratislava. IVO, 2000.
278. Výskum cieľových skupín pre British Council. Agentúra FOCUS. Bratislava, 2003
279. Využívanie zákona o slobodnom prístupe k informáciám. Bratislava. IVO, 2004.
280. Ženy ako relevantná cieľová skupina predvolebnej kampane MVO. Agentúra FOCUS. Bratisla